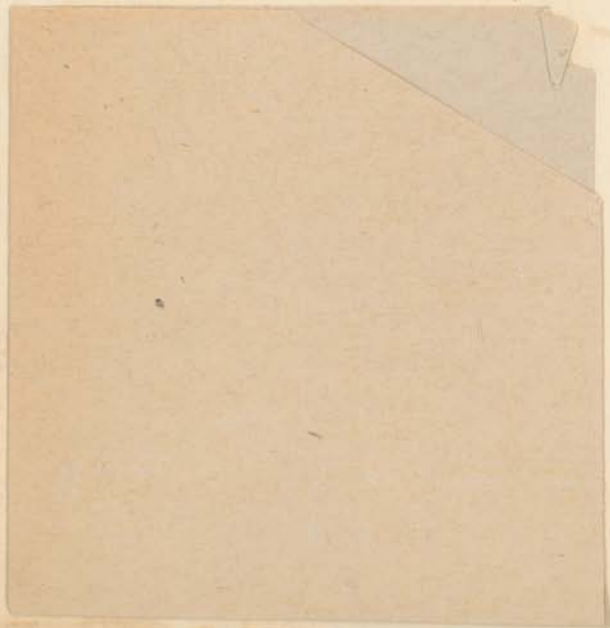
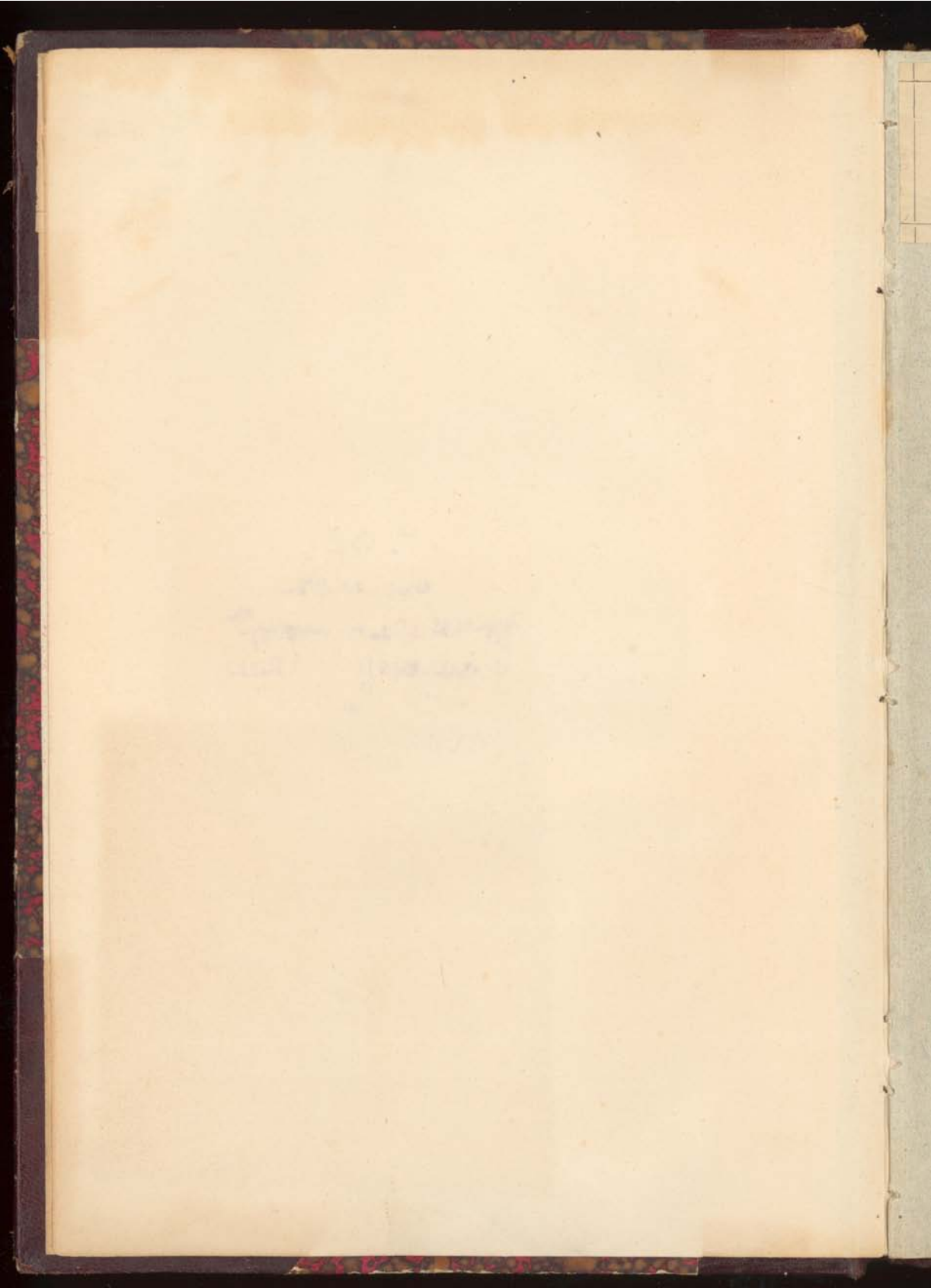

зала 20
шкафъ 90.
полка 4.
№ 15.

4
12

1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

зала 20
шкафъ 90
полка 4
№ 15

КРАТНІЯ СВѢДѢНІЯ
ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
АРХИЖАНДРИТА

МЯКИРИА,

ОСНОВАТЕЛЯ
Алтайской духовной миссіи.

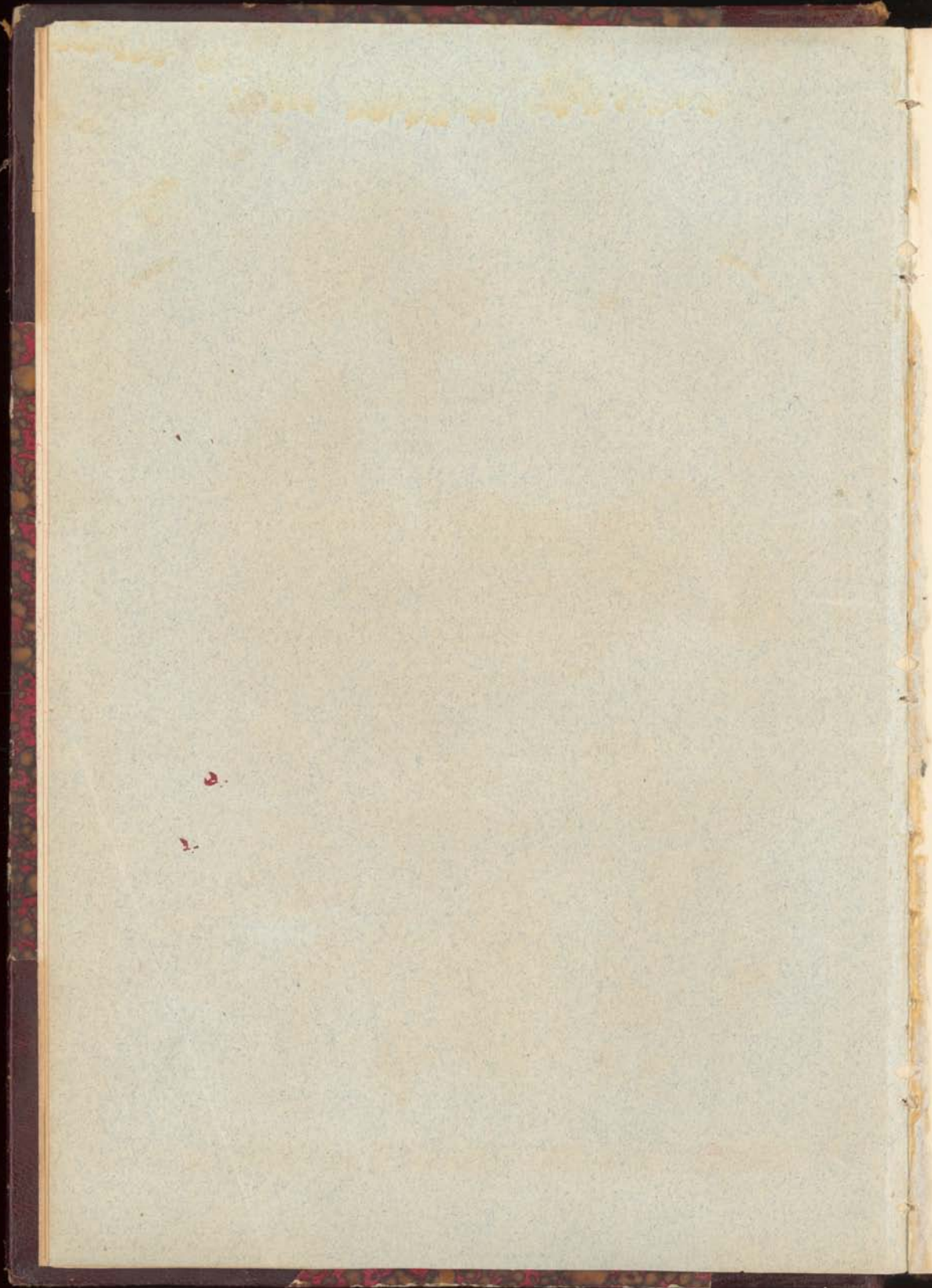
По случаю столѣтней годовщины со дня его рожденія
(8 Ноября 1792 года).

И. ЯСТРЕБОВА.

ВІЙСКЪ.
Типо-Литографія И. Д. Реброва.
1893.

584
K

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ
○
ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
АРХИМАНДРИТА

МАКАРІЯ,

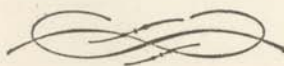
ОСНОВАТЕЛЯ

ЯПОНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.

(СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ).

По случаю столѣтней годовщины со дня его рожденія (8 Ноября 1792 года).

И. ЯСТРЕБОВА.

БІЙСКЪ.

Типо-Литографія И. Д. Реброва.

1893.

ПРАВИЛА СРЕДСТВ
ЖИЗНИ И ДРУГІЯ
АУДИАНЦІА

Казанскимъ комитетомъ духовной цензуры къ печатанію разрѣшено.
7 Октября 1892 года.

Читаль профессоръ академіи Петръ Знаменскій.

Имя и фамилия
(составитель)

(составитель)

И. ПОРЧЕВЪ

1892

Казань

1892

АРХИМАНДРИТЪ МАВАРІЙ

ОСНОВАТЕЛЬ

АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.

ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ, АРХИМАНДРИТЪ МАВАРІЙ.

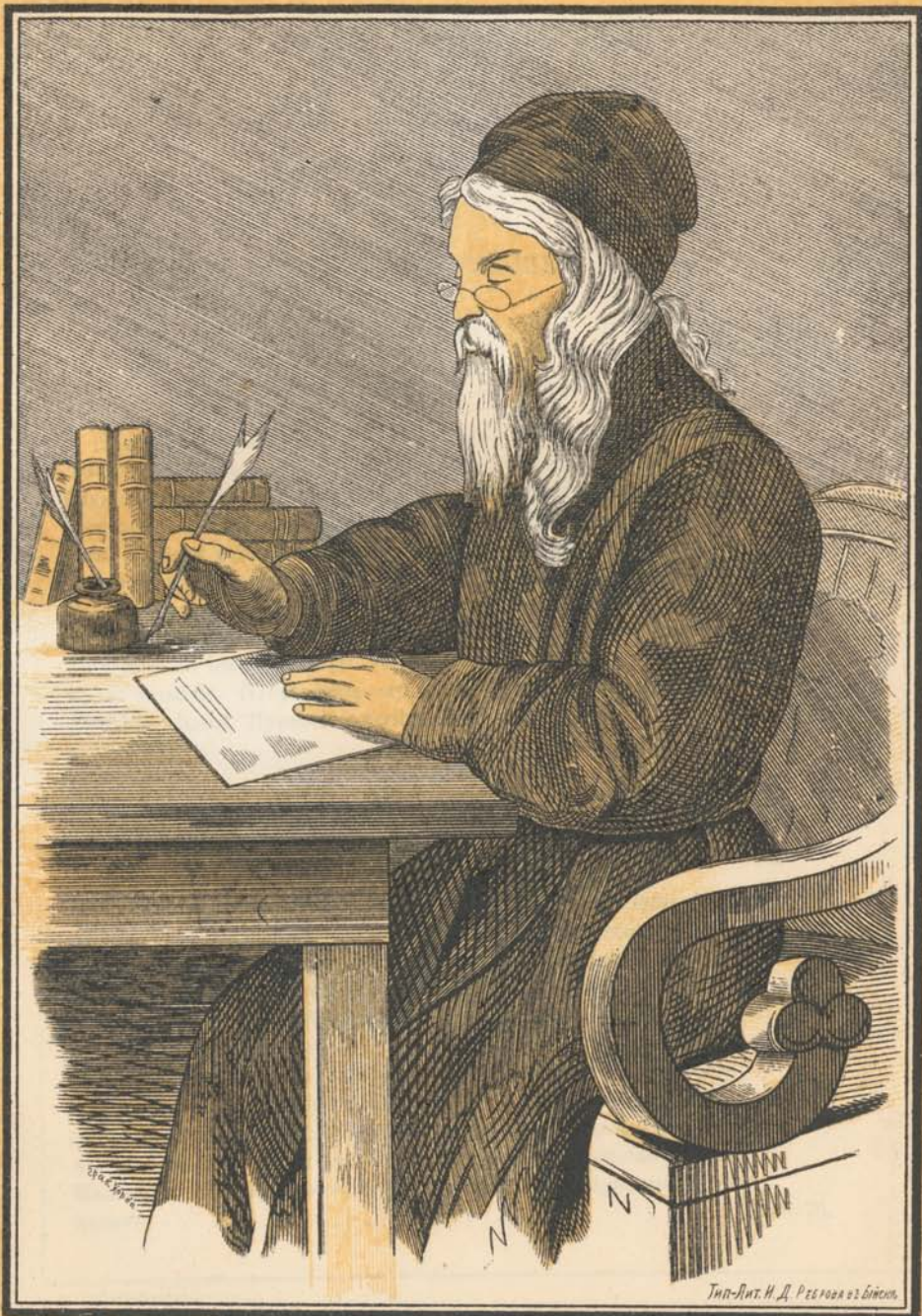
Росс. в. Импер. 1882 г. 10. 1000 экз.

ВЪЗНАШЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

1880

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗНАШЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ, АРХИМАНДРИТЪ ЗАКАРИЙ.
Род. 8 Ноября 1792 г., сконч. 1849 г.

Въспоминаніе о старомъ русскомъ писателѣ, въ которомъ
Лит. и Истор. 1792 г. 1819 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ГЛАВА I.

Жизнь о. Макарія до миссіонерства.

стр.

Родители о. Макарія и ихъ вліяніе на него. Ученіе въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ, Смоленской духовной семинаріи и Свѣтѣ-Петербургской духовной академіи. Вліяніе на Макарія тогдашняго мистицизма и ректора академіи архимандрита Филарета. Учебная служба Макарія въ Екатеринославѣ и въ Костромѣ. Принятіе монашества. Образъ его жизни. Друзья и враги Макарія. Удаленіе отъ учебной службы по разстройству здоровья и служебнымъ неприятностямъ. Пребываніе въ Глинской пустыни и вліяніе послѣдней на окончательную выработку характера и міросозерцанія о. Макарія. Направленіе его поэтическаго таланта и характеръ его пѣсней. Принятіе миссіонерскаго подвига . . . 1—34.

ГЛАВА II.

Миссіонерская и переводческая дѣятельность архимандрита Макарія.

Основаніе Алтайской миссіи. Сотрудники Макарія. Организациа миссіи. Краткая характеристика алтайскихъ инородцевъ. Постановка миссіонерскаго дѣла и борьба съ препятствіями. Характеръ домашней жизни Макарія. Соображенія его касательно правильной и успѣшной организации миссіонерства на Алтай (проекты мужскаго монастыря и женской общины). Взглядъ его на переводъ Библии на русскій языкъ, какъ средство расположить къ миссіонерскому дѣлу весь русскій народъ. Переводы Священныхъ Ветхозавѣтныхъ книгъ на русскій языкъ и неудачныя хлопоты объ изданіи какъ Библии, такъ и „Алфавита Библии.“ Разстройство здоровья Макарія и отставка его отъ миссіонерскаго дѣла. Прощальная его молитва . . . 34—73.

ГЛАВА III.

**Жизнь и занятія о. Макарія въ Болховскомъ
Оптиномъ монастырѣ. (Съ Сентября 1844 г. по
18 Мая 1847 года).**

Невѣжество Болховитянъ, какъ причина, побудившая Макарія
заняться просвѣщеніемъ взрослыхъ и дѣтей г. Болхова. Характеръ
его церковныхъ и келейныхъ поученій. Благотворенія бѣднымъ.
Заботы о просвѣщеніи дѣтей. Обаяніе личности Макарія. Бесѣды
его съ священниками. Продолженіе переводческаго дѣла. Кончина
Макарія и его погребеніе 74—96.

ГЛАВА IV.

Заслуги и значеніе архимандрита Макарія.

Общій характеръ дѣятельности архимандрита Макарія. Заслу-
ги и значеніе о. Макарія для Алтайской миссіи и вообще для
православно-русскаго миссіонерскаго дѣла. Заслуги и значеніе его
по переводу Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта на русскій
языкъ. Замѣчанія объ о. Макаріѣ, какъ народномъ учителѣ . . . 96—130.

Личности, именованна Макарьевская) и переименованна
Священнаго Макария (напр. протоіерей Терасма Пет-
роа Макарьевъ); не забываемъ, что въ 1892 году
Макарьевскія изданаго повелѣніемъ дѣлаются
не объявляются брачныя изданыя и разности. Но
этимъ еще не достаточно выказано, какъ въ издан-
іи отъ Макария, для этого изданіи. Но на все это

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію благосклонныхъ читателей очеркъ жизнедѣятельности архимандрита Макарія составленъ по порученію начальника Алтайской духовной миссіи Преосвященнѣйшаго Владиміра, епископа Бійскаго, [проѣзжавшаго чрезъ Казань въ Іюнь 1892 года. Къ сожалѣнію, при краткости времени, данномъ въ наше распоряженіе и при другихъ занятіяхъ, немислимо было приняться за составленіе подробной біографіи приснопамятнаго архимандрита, которую, къ слову сказать, теперь и весьма затруднительно написать влѣдствіи скудости наличнаго матеріала. Поэтому мы принуждены были ограничиться только болѣе характеристическими чертами его жизни и дѣятельности. Но и въ семь случаѣ, по необходимости, пришлось допустить одинъ значительный пробѣлъ въ настоящемъ очеркѣ.—Именно здѣсь личность Макарія разсматривается и оцѣнивается почти совершенно безотносительно:—дѣятельность, мнѣнія и проэкты его не сопоставляются съ дѣятельностію, мнѣніями и проэктами другихъ современныхъ ему дѣятелей-миссіонеровъ (напр. Филарета Амфитеатрова, архіепископа Казанскаго и

Иннокентія, митрополита Московскаго) и переводчиковъ Священнаго Писанія (напр. протоіерея Герасима Петрова Павскаго); не указываются сходства и отличія Макарьевскихъ взглядовъ поименованныхъ дѣятелей и не объясняются причины сходства и разностей. Вслѣдствіи сего не достаточно выяснились заслуги и значеніе о. Макарія, какъ миссіонера и переводчика Священнаго Писанія, для своего времени. Но на все это сопоставленіе требуется не мало справокъ, что не выполнимо при краткомъ времени, имѣвшемся въ нашемъ распоряженіи.

Смѣемъ однако надѣяться, что и при этомъ столь существенномъ пробѣлѣ, статья наша не будетъ отвергнута благосклонными читателями, интересующимися отечественнымъ миссіонерскимъ дѣломъ.

Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ замѣчательной личностью основателя Алтайской миссіи считаемъ не лишнимъ приложить здѣсь перечень извѣстной намъ наличной литературы объ архимандритѣ Макаріѣ.

I.

Архимандритъ Макарій, въ мѣрѣ Михаилъ Яковле-
вичъ Глухаревъ, родился 8 Ноября 1792 года въ
городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи. Родители
его — священникъ Введенской соборной церкви о. Іаковъ
Глухаревъ и мать Агапія — пользовались большою любовью
визьмитянъ за свою скромную и благочестивую христиан-
скую жизнь. О. Іаковъ, окончившій полный семинарскій
курсъ съ званіемъ студента, былъ приѣзжимъ свя-
щенникомъ въ усердномъ исполненіи своихъ пастыр-
скихъ обязанностей, съ любовію успѣшно занимался
проповѣдничествомъ, вліялъ на паству какъ своей уче-
ностью, такъ и прекрасными нравственными качества-
ми. Это былъ человѣкъ, по отзыву самаго о. Макарія,
неизмѣннаго праводушія, общаго всѣмъ доброжелатель-
ства, вѣры и упованія на Промыслъ Божій и христиан-
скаго мужества, скорбями искушеннаго. Жена его Ага-
пія, — умная и образованная по своему времени, споспѣ-
шествуя о. Іакову въ строгой христианской жизни, от-
личалась по преимуществу кротостію и смиреніемъ: По
смерти ихъ долго добрая память жила и хранилась объ
ихъ въ Вязьмѣ и ея окрестностяхъ.

Подъ руководствомъ сей-то благословенной Богомъ
четы провелъ дѣтство и юность Михаилъ Яковлевичъ.
Одаренный отъ природы богатыми способностями, впе-
чатлительный и воспріимчивый, мальчикъ всецѣло под-
дался вліянію своихъ родителей и перевоплотилъ въ
себя ихъ добродѣтели. Съмена страха Божія и благо-

честія глубоко укоренились въ его душѣ. Отъ отца наслѣдоваль онъ любовь и ревность къ проповѣди слова Божія, а отъ матери—кротость и смиреніе. Съ отца своего, удрученнаго подѣ старость множествомъ скорбей, которыя тотъ переносилъ съ удивительной бодростію и веселіемъ духа, Макарій и впоследствии бралъ благодѣтельные уроки терпѣнія, кротости и христіанскаго мужества. Послѣ его блаженной кончины († 1826 г.) Макарій попросилъ своего брата прислать себѣ портретъ отца и всегда имѣлъ его предъ своими глазами. „Сіе священное изображеніе, писалъ онъ, обличаетъ во мнѣ все низкое и нечистое, и внушаетъ мнѣ священныя чувствованія и помышленія, поощряетъ меня къ труду, успокоиваетъ меня въ смущеніи, разгоняетъ туманъ унынія“¹⁾.

О. Іаковъ самъ занялся первоначальнымъ образованіемъ своего Михаила съ раннихъ его лѣтъ. Онъ настолько достаточно подготовилъ его, что 7-ми лѣтній мальчикъ, уже дѣлалъ такъ называемыя occupationes, т. е. переводы съ русскаго на латинскій. 8-ми лѣтняго о. Іаковъ включилъ его въ Вяземское духовное училище прямо въ инфиму, т. е. третій классъ. Мальчикъ учился здѣсь очень хорошо, былъ прекраснаго поведенія, исправенъ во всемъ, но тогдашній суровый духъ школьнаго воспитанія оставилъ на немъ глубокой, далеко не безвредный слѣдъ. Отъ жесткаго и грубаго обращенія наставника, непомѣрныхъ уроковъ, здоровье мальчика чувствительно надорвалось:—онъ навсегда остался съ острой болью въ груди, слабымъ голосомъ и болѣзненнымъ организмомъ, что не мало повліяло на развитіе

¹⁾ Письма архимандрита Макарія къ брату, священнику А. Глухареву, № 6-й рукопись.

его характера. Вслѣдствіе болѣзненности, характеръ у него выработался неровный, порывистый, нетерпѣливый. Отсюда недостатокъ выдержанности, вспыльчивость, раздражительность въ тяжелую минуту. Изъ Вяземскаго духовнаго училища М. Я. переведенъ былъ въ Смоленскую духовную Семинарію, гдѣ въ 1813 году окончилъ курсъ студентомъ.

Въ 1812 году, во время перерыва учебныхъ занятій по случаю нашествія Наполеона, Михаилъ Яковлевичъ приглашенъ былъ въ Тверскую губернію учить дѣтей одного богатаго помѣщика. Тамъ воспріимчивый семинаристъ, вращаясь всегда въ дворянской средѣ, приобрѣлъ тонкое знаніе свѣтскихъ приличій и умѣнье держаться и въ высшемъ обществѣ. Свѣтская вылощенность сдѣлала его еще болѣе выдающимся между его товарищами. Черезъ годъ, по окончаніи курса, онъ посланъ былъ начальствомъ въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь способности и качества Михаила Яковлевича развернулись въ полномъ блескѣ. Откровенный и весьма довѣрчивый, изящный въ манерахъ и пріятный въ обращеніи, способный и трудолюбивый, религіозный и благовоспитанный, студентъ Глухаревъ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Знакомый помѣщикъ, по зимамъ проживавшій въ Петербургѣ, приглашалъ его въ свой домъ и знакомилъ съ людьми высшаго круга. Эти связи съ аристократіей послужили причиной ранняго ознакомленія Михаила Яковлевича съ господствовавшимъ тогда мистицизмомъ, оставившимъ свой глубокій отпечатокъ на всей послѣдующей жизни Глухарева.

Царствованіе Александра I-го, какъ извѣстно, было у насъ и въ Европѣ временемъ полнаго разцвѣта

и господства мистицизма. Потрясающіе Европейскіе перевороты, произведенные Французскою революціей и разгромами Наполеона, всюду возбудили реакцію преждему повальному либерализму и невѣрью. Волѣе всѣхъ проигрывавшіе среди революціонныхъ движеній, высшіе классы и правительства ухватились за религію, какъ за самый консервативный элементъ жизни, какъ за единственный якорь спасенія отъ утомившей всѣхъ качки и бурныхъ тревогъ недавняго прошлаго и для того, чтобы крѣпче соединиться между собою стали выработывать для себя какую-то общую религію, въ которой могли-бы одинаково сойтись между собою и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христіанство безъ церкви и догматовъ, уповавшее на одно внутреннее озареніе каждаго отъ самаго Святаго Духа. Вся Европа кипѣла закипѣла мистиками, находившими самый радужный пріемъ у всѣхъ правительствъ и въ высшемъ обществѣ. Императоръ Александръ I, особенно мистически настроенный великими тогдашними событіями, Самъ заводилъ знакомства съ Европейскими представителями мистицизма напр. Юнгомъ Штиллингомъ, квакеромъ Алленомъ, подолгу разговаривалъ съ ними о внутренней духовной молитвѣ, не нужности для христіанина внѣшнихъ религіозныхъ формъ, самъ молился съ ними духовною молитвою въ ихъ собраніи, приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію. По примѣру Государя весь дворъ и все дворянство ударилось въ сантиментально-мистическое благочестіе. Повсюду слышны были рѣчи объ обновленіи внутренняго человѣка, объ озареніи отъ Св. Духа, о козняхъ князя тьмы, подъ которыми разумѣли все, что было не согласно съ идеями модной

мистической религіи, въ томъ числѣ иногда и ученіе православной церкви. Началась дѣятельная литературная пропаганда мистицизма. Съ 1813 года усиленно стала издаваться масса мистическихъ сочиненій переводныхъ—Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, Іакова Бема, Дю-Туа, госпожи Гюнъ и оригинальныхъ:—Лопухина, Карябева, Хвостовой и княгини Мещерской. Кромѣ книгъ выходили еще мистическіе журналы:— „Другъ Юношества“ Невзорова [1807—1815], „Духовный годъ жизни христіанина“ [1816 г. 24 книжки] и „Сіонскій Вѣстникъ“, издававшійся Лабзянымъ. Последний журналъ, главный и наиболѣе выразительный органъ русскаго мистицизма, выписывали, помимо свѣтскихъ, все архіереи, архимандриты, все семинаріи и академіи, въ томъ числѣ Петербургская выписывала 11 экземпляровъ.

Въ такой-то вихрь повального увлеченія мистицизмомъ свѣтскихъ и многихъ духовныхъ лицъ попалъ и студентъ Глухаревъ. Слыша жаркія мистическія бесѣды въ салонахъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, читая такія сочиненія въ академіи, гдѣ все студенты зачитывались тогда Юнгомъ Штиллингомъ, Іоанномъ Арцдтомъ и „Сіонскимъ Вѣстникомъ“, впечатлительный и воспріимчивый Михаилъ Яковлевичъ довольно проникся мистической настроенностью. Идеи объ озареніи отъ Святаго Духа, о возрожденіи, о преобразованіи по внутреннему челоуѣку до обожествленія или точнѣе до полнаго погруженія въ Божество—сильно увлекли его. Свѣтскимъ знакомымъ удалось даже завлечь разъ доврчиваго Михаила Яковлевича на радѣніе Татариновой, но онъ убѣжалъ оттуда, когда радѣніе обратилось въ неистовую бѣшеную пляску. Можетъ быть, молодой

Глухаревъ въ своей мистической настроенности усвоилъ-бы все мистическія идеи, проводимыя „Сіонскимъ Вѣстникомъ,“ если-бы не нашелся для него опытный и авторитетный руководитель въ лицѣ ректора академіи архимандрита Филарета, впоследствии знаменитаго митрополита Московскаго. Филаретъ самъ отчасти благоволилъ къ мистицизму, съ молодости все таинственное плѣняло его возвышенный умъ и воображеніе, самъ читалъ сочиненія западныхъ и русскихъ мистиковъ, вель личное знакомство съ княземъ Голицынымъ и Лабзинымъ и съ уваженіемъ о нихъ отзывался. Но глубокой критической умъ и рѣдкое самообладаніе, а также начитанность въ свято-отеческихъ мистическихъ сочиненіяхъ удержали Филарета въ границахъ православной мистики. Искушая все, онъ сумѣлъ во всемъ найти доброе:—при современномъ движеніи онъ глубже и основательнѣе понималъ и оцѣнилъ мистику свято-отеческую.

Такой-то человекъ и обратилъ вниманіе на доверчиваго, благочестиваго и талантливаго Глухарева. Молодой студентъ раскрылъ душу предъ своимъ учителемъ и всецѣло поддался, по своей воспримчивости, его могучему вліянію. „Я отдалъ свою волю, говорилъ онъ послѣ, Преосвященнѣйшему Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы“. Это и нужно было ректору. При ежедневномъ исповѣданіи помысловъ, Филаретъ хорошо сумѣлъ дать религіозной настроенности благочестиваго юноши должное направленіе:—критикуя мысли западныхъ мистиковъ, основательно выставляя шаткость и вредныя ихъ послѣдствія, онъ обратилъ вниманіе Глухарева на мис-

тику свято-отеческую. Онъ указаль на прекрасныя сочиненія блаженнаго Августина, Іоанна Лѣтвичника, Макарія Египетскаго и на сборникъ „Добротолюбіе“, изданіе 1793 года, составленное изъ сочиненій разныхъ отцовъ и иноковъ греческой Церкви созерцательнаго направленія и представляющее собою прекрасный образчикъ чистой, православно-церковной мистики. Не осуждалъ впрочемъ Филаретъ и увлеченія Глухарева искренними книгами Іоанна Арндта — „объ истинномъ христіанствѣ“, гдѣ каждая глава заключалась теплою благоговѣйной молитвою объ обновленіи челоуѣка. Благодаря этому участію о. ректора, благочестивый Глухаревъ положилъ въ себѣ надежныя зачатки духовной жизни. Филаретъ вѣроятно указаль ему и монашескую стезю жизни, какъ наиболѣе удобную для самоусовершенствованія, но Михайлъ Яковлевичъ пожелаль, чтобы потребность въ монашествѣ ощутилась и, такъ сказать, сама вызвалась изъ глубины его существа. Будучи уже монахомъ, онъ выражался: „я еще въ Петербургѣ, въ академіи, думаль поступить въ монашество, но думаль поиспытать себя“. Давая его религіозной настроенности должное направленіе, проникательный ректоръ не упустилъ безъ вниманія и недостатковъ его характера. Въ Глухаревѣ ярко бросались въ глаза излишняя довѣрчивость, полное отсутствіе осторожности и самообладанія и, уже извѣстныя намъ, вспыльчивость, нетерпѣливость и раздражительность. Послѣдніе недостатки рѣшился по возможности ограничить самъ Филаретъ, пользуясь преданностію Глухарева. Онъ строго, даже жестко относился къ разнымъ его промахамъ и оплошностямъ. Разными способами, строгими взысканіями, сильными выговорами, отказами и намѣ-

ренной медлительностью въ исполненіи его желаній, охлаждалъ ректоръ пылкость характера Глухарева, развивая въ немъ терпѣніе, кротость и смиреніе. Макарій выражался впоследствии, что Филаретъ велъ его въ теченіи учебной жизни „стропотными путями“. Такая жесткость отношеній ректора не вооружила однако противъ него пылаго студента. Послѣдній сознавая недостатки своего характера, чувствовалъ предупредительно-благотворное вліяніе своего благодѣтеля. Привязанность и любовь къ Филарету Макарій сохранилъ до конца своей жизни, перенисывался съ нимъ и испрашивалъ всегда совѣтовъ на всякое предпріятіе. Съ своей стороны и Филаретъ не забывалъ своего любимца и не разъ впоследствии ограждалъ и выручалъ его въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Въ 1817 году, Михаилъ Яковлевичъ блистательно кончилъ академическій курсъ. При отличныхъ успѣхахъ въ богословскихъ наукахъ, Глухаревъ хорошо изучилъ древніе языки: греческій, латинскій и еврейскій и изъ новыхъ—нѣмецкій и французскій. Академическое начальство удостоило его ученой степени магистра богословія и назначило инспекторомъ и преподавателемъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка въ Екатерининскую духовную семинарію и ректоромъ тамошнихъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ.

До 1821 года Глухаревъ прослужилъ въ Екатеринославѣ, а потомъ съ 1821—1824 г. былъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи и настоятелемъ Костромскаго второкласнаго Богоявленскаго монастыря. Ученый и религіозный, Михаилъ Яковлевичъ съ ревностію сталъ проходить свою учебно-воспитательную службу. „Онъ хотѣлъ, по словамъ Стурдзы, поселить

Духъ Христовъ въ заведеніяхъ, для сего устроенныхъ, желать, чтобы духовные разсадники боговѣдѣнія были вмѣстѣ и разсадниками богоподобія“. Строгий въ исполненіи собственныхъ обязанностей, онъ былъ благо-разумно строгъ и по отношенію къ своимъ ученикамъ и воспитанникамъ:--требовалъ отъ нихъ постоянного вниманія и отчетливаго знанія, болѣе усердныхъ приглашалъ къ себѣ въ домъ, бесѣдовалъ съ ними и давалъ изъ своей бібліотеки книги для чтенія. Ведя жизнь строго-нравственную, онъ зорко слѣдилъ за нравственностью воспитанниковъ, любилъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ особенныя наклонности къ добру и благо-нравію и строго выскивалъ за поступки дурныя, не свойственныя ихъ будущему высокому назначенію. Преимущественно предъ прочими начальниками—сслуживцами, самоотверженно заботился Макарій объ удобныхъ помѣщеніяхъ и лучшемъ содержаніи воспитанниковъ, о правильномъ надзорѣ за ними и гуманномъ обращеніи съ ними. Справедливость и не лицепріятіе его къ ученикамъ, отеческія заботы объ нихъ, бесѣды съ ними и пріохочиваніе ихъ къ чтенію полезныхъ книгъ привязывали къ нему сердца лучшихъ учащихся, и о немъ остались свѣтлыя воспоминанія. „Моей душѣ, писалъ о немъ бывший ученикъ его Аѳонасій Соколовъ, архіепископъ Казанскій, онъ всегда присуць, какъ наставникъ, изъ устъ котораго лились сладчайшія рѣчи и въ семинаріи, и въ его келіи, куда онъ, бывало не рѣдко призывалъ меня, юнаго богослова, для наученія, обличенія и усовершенія въ истинѣ и правдѣ, и для принятія повелѣнія произносить его собственныя проповѣди въ церкви вмѣсто его самого, по причинѣ крайней слабости его голоса. Но вѣчное мѣсто въ душѣ

моей онъ имѣеть наибаче потому, что духовная жизнь его при ученіи удерживала меня 19—20 лѣтняго на путяхъ Господнихъ. Истину говорю—полный благодаренія Господу, даровавшему мнѣ такого наставника въ юности моей. Когда онъ послалъ меня на подвигъ учительства въ городъ Макарьевъ (Костромской губ.) тогда я любилъ только молиться, читать его проповѣди и богословскіе уроки, и быть его эхомъ. Согрѣтый его духовнымъ свѣтомъ и теплотою, я поступилъ въ С.-Петербургскую академію въ Августѣ 1825 года¹⁾ Подобныя-же восторженныя воспоминанія о ректорѣ и профессорѣ Макаріѣ передавали своимъ дѣтямъ многіе воспитанники архимандрита, ставшіе сами отцами и пастырями. И такого рода отзывы приходится слышать и въ настоящее время.

Внѣ официальныхъ занятій, въ домашнемъ быту, Макарій велъ жизнь самую скромную и уединенную. Все свободное отъ занятій время посвящалъ чтенію книгъ—преимущественно твореній святыхъ отцовъ. Никогда не бралъ онъ отъ родителей и родственниковъ воспитанниковъ ни денежныхъ подарковъ, ни обычныхъ тогда гостинцевъ, состоявшихъ изъ чаю, яблоковъ, хлѣбовъ и т. п. Всѣ таковыя гостинцы онъ полностью отсылалъ въ бурсу къ великой радости всегда полугодныхъ учениковъ. Никакой роскоши и излишества не допускалъ ни въ столѣ, ни въ одеждѣ, отказывая себѣ во многомъ въ пользу нуждающихся. Зимняя ряска одна носилась у него нѣсколько лѣтъ, другой въ запасѣ не было. Лѣтняя ряска, которую онъ обыкновенно сшивалъ къ Пасхѣ, была у него тоже одна. Старую

¹⁾ Странникъ 1860 г. Апрель.

онъ отдавалъ нуждающемуся. Не рѣдко по цѣлому дню онъ ничего не ѣлъ; дѣлился жалованьемъ съ бѣдными. Ложился спать Макарій позднѣе всѣхъ, а вставалъ въ самое раннее утро. Такая аскетическая жизнь, проводимая имъ съ самаго же вступленія на должность, явно показывали наклонность его къ монашеству, зародившуюся еще въ академіи подъ вліяніемъ Филарета. Зимой перваго-же года учебной службы, подалъ Михаилъ Яковлевичъ прошеніе о желаніи постричься въ монашество. 24 Іюня 1818 года онъ принялъ постриженіе съ именемъ Макарія, 25 числа былъ рукоположенъ преосвященнымъ Іовомъ во іеродіакона, 28 Іюня въ іеромонаха, а по переводѣ чрезъ три года въ Кострому, 21 Декабря 1821 года былъ возведенъ въ санъ Архимандрита и получилъ въ управленіе, помимо семинаріи, запущенный второклассный Костромской Богоявленскій монастырь.

Кружокъ друзей Макарія въ Екатеринославѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ высокообразованныхъ и религіозныхъ особъ свѣтскаго званія*) и особенно близкихъ четырехъ лицъ духовнаго званія:—сослуживца его о. Іоанна Герболинскаго, о. А. С. Понятовскаго и двухъ іеромонаховъ благочестивой жизни—старца, духовника о. Ливерія и о. Каллиника. Пятерицу эту сблизили присуція въѣмъ имъ глубокая религіозность, искренняя простодушная во всемъ правдивость, стремленіе къ духовной созерцательной жизни. Наставникомъ и руководителемъ Макарія и всего этого кружка былъ старецъ Ливерій, человекъ святой жизни, ученикъ знаменитаго Паисія Величковскаго. Хотя онъ былъ человекъ не ученый, не

*) Семейство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Димитрія Тимофеевича Мизько и его сродниковъ.

получившій никакого школьнаго образованія, но высокая его духовная жизнь, мудрыя наставленія и даръ прозорливости сообщали ему необыкновенный авторитетъ во всемъ Екатеринославѣ. „Все, что онъ ни сдѣлалъ со мною въ руководствѣ духовномъ, говорилъ Макарій, мудро, благодѣтельно, свято, отъ Господа бысть“. Другой іеромонахъ о. Каллиникъ, бывшій послѣ Ливеріи духовникомъ Макарія, — благоговѣйная молитвенная личность, воплощеніе смиренія, любви и терпѣнія. „котораго жизнь, по словамъ Макарія, была Христова благоуханіе, и который среди всѣхъ искушеній пребылъ вѣрнымъ до смерти.. Онъ, бывало, не рѣдко приходилъ ко мнѣ бесѣдовать о Спасителѣ, заставлялъ, бывало, читать пророчество Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и міра, изреченное на горѣ Елеонской; я читаю, а онъ проливаетъ молитву къ Господу и слезы отъ умиленія: о, Господи І. Христе! даруй и намъ духа молитвы, да подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ и да ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизглаголаннѣими!“¹⁾ Два священника были искренніе почитатели Макарія, любили бесѣдовать съ нимъ цѣлые вечера о разныхъ богословскихъ предметахъ и просили разрѣшать недоумѣнія изъ книги Бытія.

Въ бесѣдахъ и общеніи съ такими людьми находилъ истинное утѣшеніе и свое счастье о. Макарій. Они ободряли и утѣшали его въ тяжелыя минуты, любовью своей съ избыткомъ покрывали горечь обидъ, которыя приходилось Макарію терпѣть отъ другихъ, а о.о. Ливерій и Каллиникъ, такъ сказать, перелили въ него свое горѣніе къ высшей духовной жизни. Въ

¹⁾ Странникъ. Адрѣль 1861 г. стр. 214.

Костромѣ Макарій сдружился только съ инспекторомъ семинаріи о. Иліодоромъ (впослѣдствіи епископомъ Курскимъ).

Съ сослуживцами же своими Макарій вообще не сошелся ни въ Екатеринославѣ, ни въ Костромѣ. Его не долгоблвали за обличенія наставниковъ въ небрежности и грубомъ обращеніи съ учениками, за новые порядки, за отверженіе стараго обычая, дававшего доходы отъ родителей, воспитанниковъ и многое другое, что вообще бываетъ не по нутру натурамъ эгоистическимъ и равнодушнымъ къ усовершенствованію учебно-воспитательнаго дѣла.

Аскетъ по жизни, Макарій не заводилъ большихъ знакомствъ, среди женщинъ ощущалъ скуку и пустоту, но вообще вовсе не чуждался общества, а только избѣгалъ его свѣтскихъ удовольствій. Въ обществѣ онъ держалъ себя просто, но съ какимъ-то особеннымъ, ему собственно свойственнымъ достоинствомъ и вездѣ одинаково, въ какихъ бы слояхъ общества не находился. Его искренность со всѣми и во всемъ и одинаковая со всѣми простота въ обхожденіи, согрѣтая истинно-христіанскою любовью, привлекали къ нему всѣхъ—и простыхъ, и свѣтскихъ, людей одинаково. „Этотъ человекъ Божій, восторженно свидѣтельствовалъ о. Герболинскій, имѣлъ на меня необыкновенное вліяніе, при немъ я чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ, какъ-бы жителемъ духовнаго міра, свидѣтельствуюсь именемъ Божиимъ. И не только я чувствовалъ себя такъ, но и всякій сближавшійся съ нимъ. Обитавшій въ немъ духъ Христовъ изливалъ благодать свою, какъ-бы нѣкій небесный аромать, на всѣхъ окружавшихъ его“¹⁾

¹⁾ Страницы. Май 1861 г. 238—239 стр.

Впечатлѣніе и обаяніе, какія онъ производилъ своею ученостію и благочестіемъ были настолько сильны, что и свѣтскіе люди группировались около него въ тѣсный кружокъ и слушали его съ замѣтнымъ вниманіемъ, не смотря на то, что въ числѣ ихъ случались личности, не отличавшіяся особеннымъ уваженіемъ къ нашему духовенству“. Невольно, говоритъ г. Филимоновъ, проникаешься глубокимъ благоговѣніемъ при воспоминаніяхъ объ отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ въ его обществѣ—въ свѣтской-ли гостиницѣ, когда онъ съ Библіей въ рукахъ, объявлялъ по просьбѣ окружающихъ его Священное писаніе,—или въ уединенной бесѣдѣ разрѣшалъ просто и удобопонятно, безъ малѣйшей натяжки, недоумѣнія по вопросамъ религіознаго характера.¹⁾

Семинарская служба пришлась не по характеру и не по здоровью о. Макарію:—чувствительно разстроила его. Она показала совершенное отсутствіе въ немъ дипломатическаго умѣнья жить и дѣйствовать съ людьми разнородныхъ характеровъ и возрѣній. На семъ поприщѣ гуманный Макарій претерпѣлъ множество тяжелыхъ оскорбленій, глумленій и преслѣдованій отъ злобы и интригъ своихъ сослуживцевъ. Время, въ которое онъ служилъ, было временемъ нищеты, деспотизма съ одной и униженія съ другой стороны въ тогдашнихъ семинаріяхъ. Въ Екатеринославѣ былъ еще строгій преосвященный Іовъ Потемкинъ. Начальники семинарій старались удержать въ черномъ тѣлѣ учительскую корпорацію и совсѣмъ не радѣли объ ученикахъ. Учителя, получая нищенское жалованье и угнетаемые начальст-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Макарія. Стр. 29.

вомъ, не считали за грѣхъ брать дары и взятки съ родителей воспитанниковъ. Тѣ ученики, родители коихъ не задобивали учителей, были угнетаемы. Объ удобномъ помѣщеніи, лучшемъ содержаніи учащихся совѣтъ не думали. Понятно, что, при такихъ порядкахъ, гуманнаго Макарія не взлюбили въ Екатеринославѣ ни наставники, ни ректоръ, тѣмъ болѣе, что преосвященный Іовъ, подобно преосвященному Филарету, считалъ нужнымъ вести его „стропотными путями“. За поводами къ непріязненнымъ столкновеніямъ разумеется дѣло не стало. Такіе поводы представляло совершившееся тогда преобразование Екатеринославской семинаріи и училищъ по уставу 1808 года, возникшая отсюда необходимость въ пріобретеніи новыхъ зданій для воспитанниковъ, ремонтровка прежнихъ, введеніе новыхъ порядковъ. Старавшійся объ удобнѣйшихъ помѣщеніяхъ для учащихся Макарій не соглашался покупать зданія, по его мнѣнію, не годныя; заботящійся о религіозно-нравственной настроенности воспитанниковъ, протестовалъ противъ распоряженій, могущихъ подавать поводъ къ соблазнамъ для молодыхъ людей. За все это его возненавидѣли и преслѣдовали. Самая религіозность его сдѣлалась предметомъ глумливыхъ насмѣшекъ. Не любимый въ Екатеринославѣ ректоромъ и наставниками, Макарій и въ Костромѣ за свою строгость не пользовался симпатіями наставниковъ, монаховъ, „разнообразіе характеровъ коихъ было удивительное“, и даже нѣкоторыхъ воспитанниковъ. Однажды, когда онъ проходилъ по семинарскому двору, вдругъ изъ окна верхняго этажа ученическаго корпуса, былъ брошенъ въ него кирпичъ, который больно ушибъ ему плечо. Кроткій ректоръ не сталъ даже доискиваться виновнаго. Онъ

собрать всѣхъ воспитанниковъ и такъ задушевно и отечески увѣщевалъ ихъ, что всѣхъ растрогалъ.

Всѣ эти непріятности сильно потрясли впечатлительнаго Макарія. Вида полное противленіе благимъ своимъ начинаніямъ, онъ сталъ разувѣряться въ возможности осуществленія своихъ идеаловъ и упалъ духомъ. „Мракъ души моей часто покрываетъ тѣнію печальною все меня окружающее“, ¹⁾ писалъ онъ своему другу. Надорванное трудами здоровье, стала посѣщать лихорадка, глаза тоже сильно заболѣли. Всѣтъ съ тѣмъ и энергія его къ учебно-воспитательному дѣлу начала быстро ослабѣвать. Тоскливое чувство своей негодности къ такой службѣ закралось въ его душу. Непріятности заставляли его глубоко всматриваться въ самого себя, созерцать свои прегрѣшенія, испытывая, — не нужно-ли прежде основательнѣе нравственно воспитать себя самого, прежде чѣмъ приносить духовную пользу другому. „Ахъ, о. Іоаннъ, какъ-бы мнѣ мѣстечко такое, чтобы я зналъ только самого себя“, — слышалось часто съ языка Макарія. Душа его рвалась къ внутренно-духовнымъ подвигамъ гдѣ либо въ тиши мирной обители. По этому въ концѣ 1824 года, онъ подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ объ увольненіи на покой за разстройствомъ здоровья. Въ началѣ 1825 года онъ былъ уволенъ въ Кіево-Печерскую лавру, съ сохраненіемъ магистерской пенсіи въ 350 р. ассигн., и тамъ усердно предался переводу свято-отеческихъ твореній. Но не долго пришлось ему пробить въ шумной лаврѣ: душа его искала опытнаго руководителя и наставника въ духовной жизни, подобнаго покойному старцу Ливерію. Узнавъ объ опытности благочестивой

¹⁾ Письма архимандрита Макарія. I 225 стр.

жизни настоятеля Глинской пустыни (Курской губерніи Путовльскаго уѣзда) старца Филарета, Макарій, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода переселился туда въ концѣ Декабря 1825 года. „Я хотѣлъ среди Глинскихъ братій знакомиться съ искушеніями, свойственными монашескому общежитію“, писалъ Макарій, и затѣмъ о самой обители:—„это школа Христова; это одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую, дабы войти, надлежитъ умяляться до Христова младенчества“¹⁾. Дѣйствительно, по свидѣтельству очевидца, на глазахъ котораго возникла самая пустынь, здѣсь строго исполнялся уставъ Аѳонской горы. Утренняя длилась съ 11 часовъ вечера и до солнца. По примѣру неутомимаго и строгаго подвижника-настоятеля, небольшая братія сама исполняла все черныя труды, держа сама себя. Ни у кого никакой собственности; исповѣданіе во всемъ почти каждый день.²⁾

Въ тиши этой „школы Христовой“ о. Макарій и сталъ работать надъ самимъ собою съ такою первоначальной ревностью, что организмъ его разстроился. Весной 1826 года онъ такъ сильно заболѣлъ, что не чаялъ ожить. Тѣло изнурилось и болѣзнями и трудами и воздержаніемъ, лицо сильно осунулось, руки изсохли, дыханіе и голосъ прерывались. Изнуряя свое тѣло, Макарій тѣмъ глубже всматривался въ тайники своей души, безпристрастно разузнавалъ свои недостатки, обозрѣвалъ еще не умерщвленные страсти и, „ничтиже сумняся“, исповѣдывалъ ихъ опытному настоятелю.

¹⁾ Письма архимандрита Макарія II, 153 стр.

²⁾ Душеполезное чтеніе 1891 г. Декабрь 600 стр.

„Я, слава Богу, писалъ онъ брату 6 Юня 1827 года, благополученъ подъ милосердымъ покровительствомъ Господа, внимающаго святымъ обо мнѣ молитвамъ вашимъ, и меня сохраняющаго среди всеѣхъ искушеній, которымъ подвергаютъ меня еще не умерщвленные страсти, и особенно своеволие, малодушіе, маловѣріе, неразуміе, забвеніе и нерадѣніе. Пословица говоритъ: *чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ болѣе дровъ; чѣмъ далѣе подвигаюсь на семь пути, на который промыслъ Божій дивнымъ Своимъ руководительствомъ поставилъ меня. тѣмъ болѣе нахожу дѣла съ самимъ собою, тѣмъ труднѣйшіе опыты представляются, тѣмъ сильнѣйшіе встаютъ непріатели, тѣмъ болѣе сору и всякой нечистоты нахожу въ себѣ, тѣмъ яснѣе усматриваю, и живѣе ощущать начинаю истину слова сего:—*вѣмъ, яко не живетъ во мнѣ, сиречь, въ плоти моеѣ что либо доброе*“.¹⁾*

*) Предъ мысленнымъ взоромъ его ярко развернулась картина грѣха, заразившаго человѣчество. Весь міръ представился, какъ большая больница, наполненная всякаго рода недужными²⁾. И желаніе исцѣленія, давнишнее желаніе „бѣгства изъ міра“ съ еще болѣе возбуждающей силой открылось въ душѣ его. Олъ двинулся было впередъ по единственно-возможной „тро-

¹⁾ Письма архимандрита Макарія къ брату А. Я. Глухареву № 4 рукопись.

*) Дальнѣйшая характеристика аскетическо-созерцательной жизни Макарія, основывается не только на письмахъ и произведеніяхъ его въ Глинской пустыни, но и на письмахъ и твореніяхъ послѣдующихъ, которыя суть плодъ окончательно выработавшихся въ Глинской пустыни міросозерцанія и характера архимандрита.

²⁾ Письма архимандрита Макарія I, 68 стр.

пинкѣ креста Господня,“ но *чѣмъ далѣе въ лѣтъ, тѣмъ болѣе дровъ*, снова извѣщалъ онъ брата 22 Ноября 1827 года,— „и всѣ усилія мои какъ-бы поправиться, очевиднѣе открываютъ и показываютъ одно,— глубочайшее поврежденіе во всемъ существѣ моемъ, землю безобразную и неустроенную. Не потревожьтесь въ вашихъ о моемъ состояніи мысляхъ, отъ того, что, какъ я упомянулъ, уныніе по временамъ посѣщаетъ меня. Оно въ монашескомъ житіи неизбѣжно, и нельзя вкусить сладкаго, не вкусивши прежде горькаго; какъ въ порядкѣ вещей видимыхъ тѣма смѣняетъ свѣтъ, и свѣтъ за мракомъ ночи слѣдуетъ, такъ и въ измѣненіяхъ десницею Божіею производимыхъ при очищеніи нашей души, бываетъ.—Сильное бываетъ уныніе въ строгомъ пустынножитіи; но за то оно тамъ приноситъ и утѣшенія обильнѣйшія“. ¹⁾ Бдительно открывая свои недостатки, приводившіе его въ уныніе своею многочисленностію, онъ обратился за помощію къ „опытнымъ наставленіямъ и отеческимъ благотвореніямъ“ настоятеля обители старца Филарета. Ему предалъ себя, дабы сокрушить прежде всего своеволіе,— „эту мѣдную стѣну, отлучающую душу отъ истиннаго просвѣщенія, ²⁾ эту „змѣю ядовитую“ и навъкнуть Христову послушанію, которое онъ называлъ врачебнымъ кровопусканіемъ, въ которомъ душа очищается отъ черныхъ, нечистыхъ и гнилыхъ кровей своеволія и глупости“. ³⁾ Съ сокрушеннымъ чувствомъ собственнаго безсилія, съ надеждою

¹⁾ Письма архимандрита Макарія къ брату о. А. Яковлевичу Глухареву № 6 рукопись.

²⁾ Письма архимандрита Макарія II, 131 стр.

³⁾ Письма архимандрита Макарія II, 134 стр.

на милосердіе Божіе, сталъ сходить онъ въ слезную юдоль смиренія“. „Въ глубокой долинѣ смиренія, говорилъ онъ,—домъ превосходящаго всякое понятіе мира Божія и въ сей домъ вводятъ врата самопреданности Богу и благодатному слову Его, въ которой находится существо вѣры, надежды, любви и самоотверженія не мрачнаго и унылаго, но благодушнаго и добровольнаго свойственнаго вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской. Псалмопѣвецъ говоритъ: *восхожденія въ сердцѣ своемъ положи въ юдоль плачевную*. Почему не сказано *нисхожденія*, а *восхожденія* въ юдоль? Потому, что нисхождение въ глубину смиренія есть восхождение на небо чистой любви, и сіе восхождение измѣряется нисхожденіемъ онымъ.¹⁾ Въ семъ глубокомъ смиреніи, увлажжаемомъ слезами, готовился онъ, изъ любви къ Богу къ войнѣ съ своими страстями, міромъ и діаволомъ, твердо руководясь однимъ изъ правилъ мірской политики: *si vis pacem, para bellum*.²⁾ Разузнавалъ силы и козни враговъ и способы борьбы съ ними по святоотеческимъ писаніямъ. Съ увлеченіемъ зачитывался онъ „Добротолюбіемъ“, содержащимъ „словеса и главизны, священнаго трезвѣнія“ и полными сочиненіями святыхъ отцевъ. Напримѣръ, у святаго Кассіана римлянина вникалъ въ силу 8 главныхъ страстей, т. е. чревоугодія, блуда, сребролюбія, гнѣва, печали, унынія, тщеславія и гордости, а у преподобнаго Нила Сорскаго научился „разнымъ способамъ и образамъ, въ духовной брани, употребляемымъ воюющими противъ злыхъ

¹⁾ Письма архимандрита Макарія II, 25—26 стр.

²⁾ Письма архимандрита Макарія I, 146 стр.

помысловъ и страстей, и духовъ злобы.¹⁾ Заимствовалъ уроки изъ твореній Макарія Египетскаго, Максима исповѣдника, Діонисія Ареопагита, усердно переводилъ на русскій языкъ Исповѣдь Августина, Лѣствицу Іоанна Лѣствичника, бесѣды святаго Григорія великаго, огласительныя слова Θεодора Студійскаго. Кромѣ свято-отеческихъ писаній, онъ читалъ все, что доставляла лучшаго тогдашня бгословская литература: — русская и иностранная, „христіанское чтеніе“, извѣстныя уже намъ сочиненія І. Арида „объ истинномъ христіанствѣ“ и „Райскій Вертоградъ“, „Руководство къ благочестивой жизни“ Франциска-де-Соль и другія книги.

Но особенно онъ зачитывался Священнымъ Писаніемъ, куда, какъ къ своему источнику, отсылали его и свято-отеческія писанія и богословскія руководства. Прекрасное знаніе языковъ—еврейскаго, греческаго, латинскаго и двухъ новыхъ, способствовало всестороннему пониманію Слова Божія, глубокому уясненію тайнъ домостроительства нашего спасенія. Неустанно читалъ и проникался онъ глаголами жизни вѣчной, *вселялъ въ себя слово Христово изобильно*, старался и мыслить и чувствовать, и говорить словами Священнаго Писанія, считалъ его хлѣбомъ своимъ насущнымъ. „Слово Божіе, говорилъ онъ, есть всегда пріятный, насущный хлѣбъ для души благоустроенной, хлѣбъ свѣтоносный, всегда съ любовію радостно пріемлемый свыше отъ Отца свѣтовъ.²⁾ Жизненное и усладительное питаніе

¹⁾ Письма архимандрита Макарія I, 243 стр.

²⁾ Письма архимандрита Макарія II, 114 стр.

имъ возносило Макарія на степень восхитительнаго, сладостнаго покоя. Всѣ труды, скорби и неприятности забывались, сердце радостно билось, ощущая „утѣшенія изобильнѣйшія.“ „Слово Божіе, восторгался Макарій, есть духъ и жизнь, гармонія доброголасная и чудотворная, которая отверстыя для нея ушеса сердца плѣняетъ, и онѣ закрываются для слышанія нестройныхъ сопелей лежащаго возлѣ міра сего, очи начинаютъ смеживаться, отвращаясь отъ суеты, въ то время скучной тягостной; глава богословесная склоняется на перси Іисуса Христа; всѣ помышленія и чувства совокупившіеся покоятся въ мирѣ Божіемъ, превосходящемъ всякое разумѣніе, и сердце, прилепившееся къ сердцу Іисуса Христа, внимаєтъ заветному слову любви и истинѣ: „я есмь истинная виноградная лоза... и т. д.“¹⁾

Чтеніе священныхъ и свято-отеческихъ писаній само собой вызывало духъ Макарія на теплую молитву и призываніе имени Спасителя. „А отъ молитвы восклицаетъ онъ, рождается любовь ко Христу, и отъ любви ко Христу новая молитва рождается; тогда влагается въ уста души новая пѣснь; любовь же божественная изливается въ сердцѣ Духомъ Святымъ, котораго Отецъ небесный посылаетъ во имя возлюбленнаго Сына своего, всякому человѣку сердцемъ вѣрующему въ правду и устами исповѣдующему и призывающему во спасеніе сіе имя божественное и поклоняемое.“²⁾

¹⁾ Письма архимандрита Макарія I, 230—231 стр.

²⁾ Письма архимандрита Макарія I, 239 стр.

На сихъ основаніяхъ*)—самоотверженіи, покаяніи, чтеніи священныхъ и свято-отеческихъ писаній, молитвѣ, а болѣе всего на слезномъ смиреніи Макарій усиленно, при помощи Божіей стремился созидать въ себѣ новаго челоуѣка въ правдѣ и преподобіи истины. Взирая и прилѣпляясь къ Начальнику и Совершителю Вѣры Иисусу, терпѣливо приобщался онъ страданіямъ и смерти Христовымъ, умервщляя въ себѣ ветхаго челоуѣка,—отсѣкая грѣховные помыслы и разрушая свои страсти. съ сокрушеннымъ сердцемъ и надеждою взывая постоянно: —

Какъ плоды худаго древа
Худые только могутъ быть,
Какъ сладкихъ водъ нельзя излить
Источнику который солонъ;
Такъ я, который въ корнѣ полонъ
Грѣха, и во грѣхѣ зачатъ,
Нечистъ въ своемъ плотскомъ рожденіи.
Никакъ самъ не могу быть святъ,
Чтобъ быть со Всесвятымъ въ общеніи.
.....

Но, о Премудрость и Любовь,
И Сила, коей все возможно!
Ты говоришь: „родися вновь,
И въ духѣ будь Моемъ не ложно!
И Ты же, Егова Богъ силъ,
Мнѣ въ сердцѣ тайну объявилъ.

*) А не на одномъ только теоретическомъ сознаніи своей грѣховности, бездѣятельномъ сосредоточеніи въ себѣ и холодномъ упованіи на любовь Божію, какъ тогдашніе мистики.

Что Самъ содѣлаешь все дѣло,
Потерянное будетъ дѣло,
И живо то, что умерло,
И пало въ адово жерло.

• • • • •

И такъ Христовою святою
Меня Ты кровью окропи;
Любви небесной чистотою
Мои всѣ страсти потопи
Омой меня въ крови Христовой:
И въ жизни возрожденной, новой,
Бѣлѣ снѣга буду я.¹⁾

И какъ ткань (любимое сравненіи Макарія), при погруженіи въ краску извѣстнаго цвѣта, напояется и проникается ею и вся покрывается цвѣтомъ ея, такъ и онъ сокрушеніемъ и слезами омывалъ себя въ крови Христовой проникался мертвостью Его грѣху, умерщвлялъ плотскія чувствованія и грѣховныя пожеланія свои и напоялся оправданіемъ, освященіемъ и искупленіемъ Живоносной крови для жизни новой, богоугодной по примѣру Спасителя.²⁾

Духомъ въ прахъ я повергаюсь;

Сокрушеннымъ сердцемъ каюсь;

Въ кровь Христову погружаюсь;³⁾

Неизбѣжныя новыя паденія и другія немощи душевныя очищалъ Макарій вѣрою и надеждою на Ходатая Праведника. „Иное дѣло, утѣшался онъ, творить грѣхъ,

¹⁾ Лента архимандрита Макарія стр. 74—75.

²⁾ Нѣсколько словъ архимандрита Макарія, изданіе 1854 года, стр. 77.

³⁾ Лента архимандрита Макарія, стр. 71.

и иное—имѣть грѣхъ: имѣють грѣхъ, какъ бремя, и тѣ, которые возрождены во Иисусѣ; творять же грѣхъ—рабы его, тлѣющіе въ ветхомъ Адамѣ“. ¹⁾

Отъ строгой аскетической жизни, искренней любви ко Христу, богатой священной начитанности болѣе и болѣе ощущалъ Макарій свободу свою отъ подавляющихъ страстей, и миръ и радость во Святомъ Духѣ временами наполняли блаженствомъ сердце его. То были счастливыя мгновенія ощущенія „царствія Божія внутри себя“ еще въ сей жизни.

Мой Богъ, мой Царь—Отецъ! Спаситель
дорогой!

Еще я на землѣ; но духъ Тобой трепещеть!

Зрю! свѣтитъ горній лучъ! Заря без-
смертья блещеть!

воскликала душа его. Блаженство такихъ мгновеній было столь велико, что Макарій только и желалъ, только и горѣлъ ревностию сдѣлаться всеѣмъ своимъ существомъ обиталищемъ и орудіемъ Божества. „Боже мой, изливалась его молитва, буди началомъ чувствованія моего, исканія, размышленія и всеѣхъ моихъ дѣяній. Ты дѣйствуй во мнѣ, да все, что начинаю, совершаю во славу имени Твоего, и для служенія ближнимъ моимъ въ любви Твоей... Ниспосли Духа Святаго въ сердце мое... Духъ Твой Святыи да править мною отъ начала до послѣдняго конца и да будетъ во мнѣ и хотѣніемъ, и дѣйствіемъ, и совершеніемъ“. ²⁾

¹⁾ Письма архимандрита Макарія I, 109 стр.

²⁾ Душеполезное чтеніе 1863. годъ, II, 327—328 стр.

Здѣсь все дышетъ полнымъ отверженіемъ себя и желаніемъ погрузиться въ лоно источника жизни и блаженства. Въ блаженномъ ощущеніи полноты своего счастья въ Божествѣ, въ восторженномъ созерцаніи Его величія и любви духъ Макарія забывалъ все въ экстагическомъ состояніи. Уста его благоговѣйно повторяли тождественныя чувствованія Симеона, новаго Богослова:—

Паки мнѣ возсіяваетъ
Чудный, тихій свѣтъ,
Паки небо отверзаетъ,
Паки зрѣть Себя даетъ.
Нощи разгоняетъ мраки
Просвѣтительнымъ лучемъ
Все въ Единомъ вижу паки,
И Единого во всемъ

.

Внутрь духовной, умной клѣти
Нераздѣльно весь со мной
Сый бываетъ, и, какъ дѣти,
Простъ, незлобивъ я душой,
Тамъ, гдѣ Онъ, гдѣ Свѣтъ, бываю,
Весь съ Единымъ и простымъ,
И во плоти-ли, не знаю,
А то истинно, что съ Нимъ,
И среди и внѣ всей твари.
О Христе мой! Се Твоей
Благодати щедрой дары!
Се Твои въ душѣ моей
Чудеса, пути, хожденья!

.

Все Твое, и весь я Твой
Иисусе, Пастырь мой! ¹⁾

Съ любовію останавливалъ Макарій созерцательный взоръ свой и на чудныхъ явленіяхъ природы, благоговѣнно созерцая въ нихъ величіе Божества, во святыхъ почивающагося и прославляющагося. „Испытатели естества утверждаютъ, и достовѣрно, восторгался онъ, что радуга есть не иное что, какъ прекрасная игра лучей солнечныхъ въ капляхъ дождемъ чреватаго облака, стоящаго предъ солнцемъ..... Братія и отцы! весь сонмъ Святыхъ, все искупленное и освященное челоувѣчество, изображается сею любезною радугою. Сколько въ облакъ дождевомъ капель? Кто изочтеть? Сколько же избранныхъ Вожіихъ въ церкви, на небесахъ торжествующей? Кто исчислить? И всѣ сіи капли въ единствѣ между собою; такъ всѣ святые союзомъ любви связуются и едино суть въ Господѣ. И во всѣхъ сихъ капляхъ дождевой тучи лучи одного солнца отражаются, и открываются прекраснымъ разнообразіемъ красокъ, которыя, удивительнымъ образомъ и различіе цвѣтовъ сохраняя, и единую Божественную ткань составляя, являются взорамъ умиленнаго созерцателя въ видѣ радуги: а наше солнце правды—Христосъ Иисусъ; Его присносущный звѣтъ благодати и истины сіяетъ во всѣхъ Святыхъ, и, седмичнымъ дѣйствіемъ единого Св. Духа, производя въ нихъ разнообразные свѣ-

¹⁾ Лента архимандрита Макарія, стр. 38—40.

Это уже не просто сладостное оиѣмѣніе членовъ отъ мистическаго радѣнья; это уже не плодъ теоритическаго холоднаго обращенія въ ничто, дабы Богъ, не теряющій пустоты, наполнилъ человека Своимъ присутствіемъ, какъ мечтала госпожа Гіонъ.

ты и совершенства, составляет изъ сего разнообразія прекрасное единство и единую красоту, достойную радости и любви Создателя, удивленія и веселія Ангеловъ. Это — небесная перковь Иисуса Христа, соборъ избранныхъ Божіихъ въ горнемъ Иерусалимѣ,,¹⁾ Такъ порывался онъ самъ въ тотъ горній Иерусалимъ созерцать Христа, согрѣваться Его теплою и отражать часть неисчислимыхъ совершенствъ Его.

О Троице Святая,

Въ тріехъ Единый Богъ!

Томимся мы, желая

Въ пресвѣтлый Твой чертогъ!²⁾

вырывалось изъ груди его.

Самъ стараясь быть обиталищемъ Божіимъ, Макарій въ отличіе отъ современныхъ модныхъ мистиковъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ подвизался въ церковныхъ, богослуженіяхъ и молитвахъ. „Кто бѣгаетъ и чуждается храма Божія, проповѣдывалъ онъ, тотъ все думаетъ, что имѣетъ внутри себя церковь... Какъ пораженный тяжкимъ недугомъ членъ, разобщается тотъ со святымъ тѣломъ церкви и отлучается отъ общенія съ Божественною главою ея“,³⁾ Точно также глубокая бездна отдѣляла его отъ фальшивыхъ мистиковъ въ возрѣніяхъ на святыхъ отцевъ Церкви и многочисленныя ихъ предписанія. „Вопрошаете, писалъ онъ, зачѣмъ отцы Церкви уставили столь грозныя прельщенія и отлученія? — Посмотрите на пастуха добраго въ полѣ со стадомъ: какой у него длинный бичъ! Какой гром-

¹⁾ Нѣсколько словъ архимандрита Макарія, изданіе 1854 г., стр. 19—20

²⁾ Лента архимандрита Макарія, стр. 34.

³⁾ Нѣсколько словъ Макарія, стр. 50.

кій звукъ раздается, когда онъ хлопаеть имъ! Но онъ имъ поражаетъ сырую землю, и для того только весь громъ производитъ, чтобы овцы не разбрелись и не сдѣлались добычею хищнаго звѣря; удары его такъ искусны, что на овецъ не упадаютъ; но овцы боятся, чтобы имъ не подвернуться, и единства стада своего держатся смиренно... Въ отцахъ Церкви Духъ Христовъ; и въ буквѣ наказательныхъ постановленій отеческихъ—духъ любви и милосердія къ чадамъ Божиимъ немощствующимъ... Кто проникъ не гордымъ челомъ высокой учености, а смиренною грудью любви въ духъ оной буквы, въ рукахъ того и буква жива, и какъ мила, любезна, сердцу его любезна! Питательна, знаменательна, грозна, кротка, важна, снисходительна, драгоценна, священна, со опасствомъ прикосновенна и открываема, съ благоговѣніемъ соблюдается—ради духа замкнутаго въ ней; но и духъ самый соблюдается буквою оною отъ беспорядочнаго, безвременнаго разліянія расточенія и исчезновенія^{.1)} Такъ говорилъ человекъ, на самомъ себѣ испытавшій всю пользу свято-отеческихъ церковныхъ предписаній.

Высокая внутренняя жизнь, глубокая самонаблюдательность, всестороннее духовное просвѣщеніе развивали въ Макаріѣ даръ прозорливости, чѣмъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни стяжалъ удивительную способность благотворно назидать, утѣшать и утверждать народъ въ благочестіи. Глубокая религіозность вмѣстѣ съ начитанностью въ отеческихъ твореніяхъ любимаго аскетическаго направленія развила также въ

¹⁾ Письма архимандрита Макарія, часть I. 80—81 стр.

Макарій склонность всюду, даже въ мелочахъ, видѣть Промыслъ Божій. Малѣйшее обстоятельство, кажущееся другому простой случайностью, ему представлялось, какъ руководящее указаніе Божіе, которое оставлять безъ вниманія весьма преступно. Склонность эта, до чрезвычайнаго напряженія, развившаяся въ Макаріѣ, служила сильнымъ возбуждающимъ источникомъ многихъ важныхъ и рѣшительныхъ шаговъ его дѣятельности. Въ ней черпалъ архимандритъ ту изумительную энергію, ту несокрушимую твердость, удивительную выносливость и ту, подь часъ, дерзкую смѣлость, которыми запечатлѣна его послѣдующая дѣятельность, какъ миссіонерская, такъ и по переводу Священнаго Писанія на русскій языкъ.

Макарій отъ природы обладалъ глубокимъ поэтическимъ талантомъ. И его онъ употребилъ на служеніе Богу и въ орудіе своему обновленію. Всегдашняя борьба съ своими недостатками, сосредоточеніе и упоеніе всѣмъ божественнымъ облекли произведенія поэтическаго таланта Макарія дивнымъ и многопольнымъ содержаніемъ. Душевныя состоянія его изливались въ чудныхъ стихахъ то слезно-покаянныхъ, то восторженно-умилительныхъ. И что вѣщали его пѣсни? — Это возвышенныя краснорѣчивыя проповѣди, то раскрывающія предъ нами глубины христіанской догматики,¹⁾ то возбуждающія насъ къ обновленію чрезъ слезное покаяніе,²⁾ то сладостно восторгающія духъ нашъ созерцаніемъ неизрѣченной любви Божіей къ ро-

¹⁾ Напримѣръ пѣснь о таинствѣ Пресвятой Троицы.

²⁾ Пѣснь покаянная, слово крестное, пѣснь изъ псалма L-го.

ду человѣческому,¹⁾ то представляющія живые образцы борцовъ со грѣхомъ за нравственные идеалы и воплотителей богоподобныхъ совершенствъ.²⁾ Это свѣтлая понорама, гдѣ отчетливо созерцается кроткій величественный ликъ Божественнаго Искупителя, спешаго на землю и воплотившагося, распинаемаго и страждущаго очищающаго Своею Кровью кающееся человѣчество и дивно прославляющаго во Святыхъ Своихъ.

Такъ изливалась душа Макарія, напоенная словомъ и любовію божественными. Тѣмъ же духомъ проникнуты и всѣ его письма и разнаго рода записки.

Черезъ три года Господу угодно было указать Макарію новое поприще труда и подвиговъ во славу Божию, гдѣ бы изливавшаяся черезъ него благодать Святаго Духа оживила и оплодотворила пустыню жаждущую. Въ 1828 году русское правительство духовное и гражданское живо заинтересовались инородческимъ и миссіонерскимъ дѣломъ, заброшеннымъ съ конца XVIII вѣка. Ближайшей причиной, побудившей обратить серьезное вниманіе на постановку миссіонерства между нашими инородцами, послужили начавшіяся и особенно усилившіяся въ 1827 году отпаденія отъ Православія крещенныхъ инородцевъ, ввѣренныхъ руководству приходскихъ русскихъ священниковъ. Святѣйшій Синодъ рѣшилъ учредить правильно организованныя миссіи въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Къ числу такихъ мѣстностей отнесена была и обширнѣй-

¹⁾ Пѣснь Богородицы, Наанаиль.

²⁾ Пѣснь объ Алексѣй человѣкѣ Божіемъ, о Лазарѣ убогомъ, пѣснь Іосифа целомудреннаго въ темницѣ.

шая Тобольская епархія, въ составъ которой входили тогда Бійскій и Кузнецкій округа.*)

Тогдашній архіепископъ Тобольскій Евгеній (Казанцевъ), получивъ синодальный указъ отъ 24 Декабря 1828 года касательно учрежденія миссіи въ „странѣ сибирской“, немедленно занялся приведеніемъ его въ исполненіе. Не найдя никого изъ подъ вѣдомаго ему духовенства годнымъ къ миссіонерскому дѣлу, архіепископъ отнесся къ преосвященнымъ Курскому и Архангельскому, а также къ архимандриту Соловецкаго монастыря съ просьбою увѣдомить его, нѣтъ ли у нихъ людей способныхъ и достойныхъ занять должность миссіонера.

На призывъ Тобольскаго архипастыря и откликнулся нашъ архимандритъ Макарій. Вѣсть о вызовѣ желающихъ быть миссіонерами дошла до него какъ бы совершенно случайно. У Макарія былъ образованный и глубоко-религіозный другъ, имѣвшій на него большое вліяніе, нѣкто М. А. Атласъ, перешедшій изъ католичества въ православіе и странствовавшій по святымъ мѣстамъ. Зашедъ въ началѣ 1829 года въ Глинскую пустынь навѣститъ Макарія. Атласъ увидѣлъ, что болѣзненный архимандритъ сидѣлъ въ своей келліи между стѣной и печкой и что-то писалъ. „Что ты, о. Макарій, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ?—удивленно спросилъ Атласъ. „Что же мнѣ дѣлать, когда я такъ слабъ и чувствую, что вездѣ дуетъ“, отвѣчалъ архимандритъ, Мартинъ Андреевичъ сказалъ на это:

*) Въ 1834 году округа Бійскій и Кузнецкій вошли въ составъ новоучрежденной Томской епархій, епископу которой подчинили и Алтайскую миссію.

„ты человекъ просвѣщенный, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темноту. Иди, проповѣдуй Евангеліе сибирскимъ язычникамъ, вотъ Святѣйшій Синодъ ищетъ такого человекъ“. ¹⁾ Слова эти религіозный Макарій принялъ за указаніе Промысла Божія, однако не вдругъ послѣдовалъ ему. Это рѣшеніе стоило ему долгой борьбы помышлений. Съ одной стороны сильно хотѣлось послужить славѣ имени Божія на землѣ для спасенія грѣшниковъ, съ другой стороны сдерживало его глубоко-смирненное сознаніе своего недостойнства и разстроенное здоровье. Но подъ конецъ ревностная душа его прониклась такой энергіей, что онъ забылъ о слабости своего здоровья и послалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ „отправиться въ Сибирь на проповѣдь Евангелія язычникамъ“. Вскорѣ пришло разрѣшеніе, и о. Макарій напутствуемый старцемъ Филаретомъ, 5 Іюня 1829 года выѣхалъ изъ Глинской пустыни въ Москву. Здѣсь получилъ онъ благословеніе на новое служеніе отъ митрополита Филарета, который былъ очень доволенъ предпринимаемымъ апостольскимъ подвигомъ и обѣщалъ своему любимцу постоянное свое покровительство. 1-го Сентября о. архимандритъ отправился въ путь, и 30-го числа этого мѣсяца прибылъ въ Тобольскъ, намѣреваясь отсюда отправиться туда,—

Гдѣ роскошью и просвѣщеньемъ

Забытые сыны степей,

Съ закоренѣлымъ заблужденьемъ,

Съ постыдной вѣрою своей

¹⁾ Матеріалы для біографіи Макарія Д. Фил.—пова 29 стр.

Въ бездушныхъ, страшныхъ истукановъ,
Иль въ лже-пророческій законъ,
Вели всю жизнь во тьмѣ обмановъ,
Во тьмѣ грѣха, — съ любовью онъ
Туда спѣшилъ. Уединенье
Молитвъ и тишины пріютъ
Оставилъ онъ. Для ихъ спасенья
Избралъ святой, но тяжкій трудъ.
Къ нимъ полонъ братскою любовью,
Чтобъ души ихъ обрѣсть Христу,
Ихъ грѣхъ омытъ Христовой кровью,
Онъ раздѣлилъ ихъ нищету.
И съ ними холодъ и страданье
На безпріютномъ кочеваніи
Земнымъ богатствамъ предпочель.

II

Примѣръ бывъ кротости, терпѣнья,
На путь небеснаго спасенья
Онъ ихъ любовію привель.
И цѣль достигнута святая!
Въ ущельяхъ дикаго Алтая
Свѣтильникъ вѣры онъ зажегъ;
Сынамъ его за скудной жизнью
Повѣдалъ райскую отчизну,
Открылъ имъ Господа чертогъ.
И гдѣ, смѣясь креста святынѣ,
Еще владѣли духи мглы, —
Тамъ церковь Божія, тамъ нынѣ
Поются Господу хвалы.....¹⁾

¹⁾ Домашняя Бесѣда 1860 годъ, стр. 85.

По прибытіи архимандрита Макарія въ Тобольскъ, Архиаствуръ Евгений и духовная консисторія занялись вмѣстѣ съ Макаріемъ снаряженіемъ „новой миссіи для страны сибирской“, вопросомъ объ организаци и средствахъ для содержанія ея. Съ согласія и благословенія преосвященнаго, Макарій выбралъ себѣ въ сотрудники двухъ Тобольскихъ семинаристовъ, отличавшихся добрымъ поведеніемъ и изъявившихъ желаніе посвятить себя миссіонерскому дѣлу:—Василія Попова 22 лѣтъ и Алексѣя Волкова 18 лѣтъ. Вотъ въ какомъ составѣ явилась первоначально новоучрежденная сибирская миссія. По избраніи сотрудниковъ, было приступлено къ обсужденію:—какъ дѣйствовать на инородцевъ для обращенія ихъ въ христіанство, какія дѣлать имъ облегченія при переходѣ изъ языческой жизни къ новой христіанской и, наконецъ, какія правила должны руководить внутренней жизнью и отношеніями самихъ членовъ миссіи.

Что касается того, какими способами миссіонеры должны дѣйствовать на инородцевъ съ цѣлью привлеченія ихъ къ Христовой вѣрѣ, то нашли достаточною для руководства въ этомъ случаѣ инструкцію, изданную Святѣйшимъ Синодомъ въ 1769 году. Инструкція сія заключала въ себѣ подробныя указанія:— *I „какое ученіе преподавать при обращеніи иновѣрцевъ въ вѣру христіанскую, II что наблюдать въ преподаваніи ученія обращаемымъ и III какой порядокъ наблюдать при обращеніи иновѣрныхъ въ самую путь“.*

I. Касательно перваго пункта предписывалось вообще преподавать ученіе иновѣрцамъ, сообразно ихъ

младенческому пониманію, изъ одного Евангелія, Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, не отягощая ихъ разума преданіями, кромѣ самыхъ нужнѣйшихъ. Въ частности самое преподаваніе ученія должно имѣть слѣдующую постепенность.—Предписывалось кратко, но толково изъяснять:—что такое Богъ, что Онъ создалъ и хранитъ весь міръ и человѣка, что далъ человѣку законъ, заключающійся въ десятословіи, но, видя, какъ люди преступаютъ этотъ законъ и предаются порочной жизни, послалъ имъ Спасителя Иисуса Христа, Который вѣрующихъ и надѣющихся на Него и дѣлающихъ добрыя дѣла содѣлываетъ достойными, чрезъ крещеніе покаяніе и причащеніе, вѣчнаго блаженства на небѣ. Сего Спасителя надлежитъ призывать на помощь во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, для чего необходимо выучить молитву „Отче нашъ“ и другія краткія призванія. О святыхъ иконахъ предписывалось поучать инородцевъ, „чтобы они ихъ не боготворили, а почитали только изображеніями, чрезъ которыя на память приводится имя того, кто на нихъ написанъ; и для того, поклоняясь предъ ними, помнили бы, что поклоняются не образамъ, но тѣмъ, кто на нихъ написанъ“. Вотъ и все, что на первый разъ предписывалось преподавать инородцамъ. Что же касается постовъ, то по инструкціи, миссіонеру должно только сказать, что они существуютъ въ христіанской церкви, но никакихъ понужденій къ соблюденію ихъ, даже поста страстной седмицы, не дѣлать.

II. При преподаваніи указаннаго ученія миссіонеру необходимо относиться къ инородцамъ кротко и любовно, от-

ниудь не прибѣгая къ угрозамъ или притѣненіямъ, могущимъ только ожесточить и оттолкнуть тѣхъ отъ христіанства. Если кто пожелаетъ креститься, тогда-же и крестить растолковавъ вразумительно, „что вода есть знакъ омовенія духовнаго, которое совершается силою вѣры во Христа Спасителя, и онъ, при омовеніи водою, по силѣ его вѣры во Христа, духомъ Божиимъ очищается отъ грѣха“! По крещеніи приобщить новаго члена Святыхъ Таинъ, также разъяснивъ, „что онъ подъ видомъ хлѣба и вина отъ священника благословенныхъ, причащается самому Христу“. Потомъ должно преподавать такому, что при новыхъ грѣхахъ необходимо наичаще исповѣдываться священнику съ тѣмъ, „чтобы сколько можно отъ тѣхъ грѣховъ отставать и исправляться въ жизни“.

III. Затѣмъ,—относительно образа дѣйствій и характера бесѣдъ во время самыхъ миссіонерскихъ разъѣздовъ,—предписывалось начинать проповѣдь съ ближайшихъ мѣстъ, и уже постепенно расширять кругъ дѣйствій, каковому разширенію могутъ современемъ помочь и обращенные инородцы. По пріѣздѣ въ какую нибудь мѣстность рекомендовалось миссіонеру дружески побесѣдовать съ инородцами объ ихъ житьѣ-бытьѣ, законѣ и богослуженіи. Въ разговорѣ указывать „неправость ихъ мнѣній естественными доводами:—т. е. показывая отъ видимыхъ тварей прямого создателя и такъ далѣе“... Пререканія слушать терпѣливо и снисходительно, и „самому рассказывать не съ грубостію и досадливыми словами, но ласково и дружелюбно“. Нигдѣ и никакъ не угрожать инородцамъ; самому просить за-

щиты у свѣтскихъ командъ только въ случаяхъ серьезной опасности отъ фанатиковъ. За разрѣшеніемъ всякихъ недоумѣній—обращаться къ преосвященному.

Въ видахъ же большого пріохочиванія инородцевъ къ принятію христіанства, рѣшили выдать миссіи копію съ Высочайше утвержденнаго 17 Іюня 1826 года мѣвнія Государственнаго Совѣта о льготахъ, предоставленныхъ инородцамъ, принимающимъ святое крещеніе, для объявленія имъ при проповѣди. Льготы эти состояли въ трехлѣтнемъ освобожденіи отъ всѣхъ податей и повинностей.

Относительно же того, какова должна быть жизнь и каковы отношенія между членами миссіи, замѣчательныя по истинно-христіанскому, братскому духу, правила были составлены самимъ архимандритомъ Макаріемъ. Правила эти заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ здѣсь цѣликомъ. Вотъ они:

А) „Желаемъ, да будетъ у насъ все общее: деньги, пища, одѣяніе, книги и прочія вещи; и сія мѣра да будетъ для насъ удобностію въ стремленіи къ единому душію“.

Б) „Желаемъ тому изъ насъ, которому опредѣленіемъ начальства будетъ поручено особенное попеченіе о дѣлѣ проповѣданія, повиноваться по правиламъ иноческаго общежитія какъ въ порученіяхъ, относящихся къ проповѣданію, такъ и въ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ; онъ же долженъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствоваться также правилами общежитія иноческаго, и тѣми постановленіями, какія мы отъ начальства примемъ за руководство въ служеніи проповѣданія“.

В) „Желаемъ принимать отъ него наставленія со вниманіемъ, смиреніемъ и любовію, а его наставленія должны проистекать изъ слова Божія, и быть согласными съ ученіемъ Церкви Восточной и Греко-Россійской“.

Г) „Желаемъ быть предъ нимъ искренними и откровенными въ частомъ исповѣданіи помысловъ и искушеній нашихъ, и вмѣстѣ съ нимъ учиться у Господа уклоняться отъ зла и творить благое; онъ же обязуется всякое исповѣданіе (такое) погружать въ бездну милосердія Божія, отнюдь не обличать явно того, что ему будетъ открываемо за тайну: какъ въ исправительныхъ, такъ и во всякихъ другихъ мѣрахъ своихъ дѣйствовать въ смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхожденія къ братіямъ, и безпристрастно принимая отъ нихъ благонамѣренные совѣты, полезныя замѣчанія, кроткія напоминанія; въ случаяхъ погрѣшительности поступковъ своихъ, искренно виниться предъ ними и просить у нихъ прощенія и пособія къ исправленію своему“.¹⁾

Сотрудники Макарія приняли и подписали эти правила, а преосвященный Евгеній утвердилъ ихъ, какъ весьма годныя. Затѣмъ, донесши Святѣйшему Синоду о составѣ и организаціи новой миссіи, Евгеній испросилъ назначеніе Макарія начальникомъ ея. Утвердивъ Макарія начальникомъ миссіи, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ на путевыя издержки и на всѣ потребности миссіи отпускать изъ синодальныхъ суммъ ежегодно 1000 рублей ассигнаціями*) Сверхъ сего Тобольская

¹⁾ Миссіонеръ, 1877 годъ, стр. 58.

^{*)} Съ 1837 года вмѣсто этихъ денегъ стало отпускаться изъ Государственнаго казначейства по 2000 рублей ассигнаціями (571 рубль 41 к. сер.) въ годъ.

консисторія назначила отъ себя жалованье семинаристамъ по 250 рублей ассигнаціями въ годъ. Самъ же Макарій рѣшительно отказался отъ всякаго жалованья, объявивъ, что удовольствуется своей магистерской пенсіей въ 350 рублей ассигнаціями, и тогда только будетъ просить пособія, когда его собственныя средства окажутся недостаточными.

Наконецъ миссію постарались снабдить необходимыми богослужебными принадлежностями съ походной церковью въ честь Всемиловитоваго Спаса, небольшой бібліотекой, состоящей изъ экземпляровъ книгъ Священнаго Писанія на славянскомъ и русскомъ (новый заветъ) языкахъ, нѣсколькихъ экземпляровъ Священной исторіи, „начатковъ христіанскаго ученія“, азбукъ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ и брошюръ.

Сформированная и обеспеченная такимъ образомъ новая миссія, послѣ 10 мѣсячныхъ справокъ о разныхъ инородцахъ, образѣ ихъ жизни и климатическихъ условіяхъ ихъ мѣстожителства, послѣ переписки консисторіи съ Святѣйшимъ Синодомъ и гражданскими властями, послѣ неудавшагося направленія въ Киргизскую степь, избрала мѣстомъ своего миссіонерствованія Алтай расположенный въ Війскомъ и Кузнецкомъ округахъ тогдашней Тобольской епархіи. При отправленіи въ путь (3 Августа 1830 года) Макарій получилъ, для огражденія личности миссіонеровъ и самаго дѣла, копію съ отношенія генераль-губернатора западной Сибири о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ оказыванію о. Макарію гражданскими властями защиты и покровительства.

28 Августа 1830 года Макарій съ сотрудниками при-

быть въ Бійскѣ и отсюда началъ знакомство свое съ алтайцами и миссіонерскую дѣятельность. Сначала онъ сталъ знакомиться съ мѣстностью Алтая, отыскивая наиболѣе удобный пунктъ для обоснованія миссіи съ каковой цѣлью часто разъѣзжалъ изъ Бійска по разнымъ направленіямъ, изучая при разъѣздахъ нарѣчія алтайцевъ и проповѣдуя. Пробывъ въ Бійскѣ до 21 Февраля 1831 года, Макарій перебрался по ближе къ кочевьямъ алтайцевъ въ Сайдыпскій казачій форпостъ, отсюда 23 Мая окончательно переселился, за 90 верстъ къ Югу отъ Бійска, въ Майму—селеніе изъ 10 домовъ давно-крещеныхъ инородцевъ, показавшееся ему самымъ удобнымъ для миссіонерскаго стана. Сотрудниковъ своихъ онъ векорѣ лишился: Поповъ умеръ 9 Ноября 1830 года, а Волковъ въ Маѣ 1832 года вышелъ въ гражданскую службу. Макарій остался одинъ съ 70-лѣтнимъ старцемъ Петромъ Терентьевичемъ Лисицкимъ, Майминскимъ поселенцемъ, вызвавшимся добровольно и безкорыстно служить миссіи. Старецъ этотъ, бывшій украинскій крестьянинъ, зналъ земледѣліе огородничество и все, что относится къ хозяйственной части. При помощи его, Макарій и началъ великое дѣло просвѣщенія и культивированія алтайцевъ. Но предъ изображеніемъ этой дѣятельности, считаемъ необходимымъ бѣгло взглянуть на бытовое, умственное и религіозно-нравственное состояніе алтайскихъ инородцевъ.

Монголо-татарскаго происхожденія алтайскія племена въ количествѣ 39,000 душъ обоюго пола (по ревизіи 1857 года) издавна владѣли свое существованіе въ округахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ на громадномъ прост-

ранствѣ (1,000 верстѣ съ Сѣвера на Югъ и отъ 150-700 верстѣ съ Востока на Западъ) гористаго, лѣсистаго, ущельнаго и бездорожнаго русскаго Алтая. Нося, при единствѣ общаго татарскаго языка, разныя названія—Черневыхъ Татаръ, Калмыковъ, Телеутовъ и Кумандинцевъ, алтайцы вели жалкій, полудикій образъ жизни въ вѣковой лѣни и неподвижности. До мисси только треть ихъ, преимущественно Черневые Татары, вела осѣдлый образъ жизни, живя небольшими деревеньками и отдѣльными избушками по берегамъ рѣкъ; остальные же бродили, разбрасываясь, рѣдко кучками въ 2—3 родственныхъ семьи, на далекомъ разстоянн другъ отъ друга. Жилищами послѣднихъ служатъ коническія походныя юрты, крытыя берестой или корой листовенницы. Обстановка юрты поражаетъ своею нечистоплотностью. Грязь, мириады насѣкомыхъ, дымъ, скотъ, живущій вмѣстѣ съ хозяиномъ, неснимаемая и неомываемая смердящая одежда никогда неочищаемая посуда, изъ которой ѣдятъ и хозяева, и собаки—вотъ приблизительное понятіе о той чрезмѣрной нечистоплотности алтайца, которая заставляетъ русскаго смотрѣть на него, какъ на собаку. Слѣдствіемъ разбросанности алтайцевъ является, то что они вообще были чужды общественной жизни и не имѣли даже сноснаго внутренняго порядка управленія. Изрѣдка случающіяся общественныя собранія ихъ никогда не обходились безъ дракъ и побоевъ всегда жестокихъ. Раздѣленные въ административномъ отношеніи на 44 дучины или волости, они управлялись своими наследственными родовыми старшинами, называемыми въ Бійскомъ округѣ зайса-

нами, а въ Кузнецкомъ — башлыками. При каждомъ старостѣ отъ 3—5 помощниковъ (димичей). Означенные народные начальники управляли инородцами вполне по своему личному произволу: карали и миловали, брали какіе угодно поборы и всѣми мѣрами поддерживали старый бытъ и обычай, отклоняя подчиненныхъ отъ обрусѣнія. Поставляемые же для контроля надъ старшинами русскіе исправники и засѣдатели, ублажаемые взятками съ зайсановъ, не только не стѣсняли послѣднихъ въ ихъ дѣйствіяхъ, но и сами старались противодѣйствовать ихъ обрусѣнію.

Дружный самоуправскій гнетъ старшинъ обрекъ на вѣчное оцѣпненіе несчастныхъ простолюдиновъ. Подъ сильнымъ давленіемъ, алтайцы отказались отъ какихъ бы то ни было улучшеній и усовершенствованій и погрузились въ вѣковую лѣнь, беззаботность, неподвижность и пьянство. Проживая все, простолюдинъ лѣзетъ въ непомѣрные долги, нисколько не думая, — выплатитъ онъ ихъ или нѣтъ, разоряется и подпадаетъ подъ вѣчную кобалу богача. По своей безопасности — жить только день за днемъ, алтайцы перебиваются кое-какъ то скотоводствомъ, то звѣроловствомъ, то сборомъ кедровыхъ орѣховъ единственно въ такой мѣрѣ, чтобы быть на день сытымъ и пьянымъ. Это жалкое и лѣнивое влаченіе жизни губительно отзывается на ихъ умственныхъ способностяхъ. Всѣ алтайскіе миссіонеры единогласно свидѣтельствуютъ, что у многихъ алтайцевъ способность размышленія находится какъ бы въ оцѣпненіи. При христіанской проповѣди, они въ началѣ совершенно не понимаютъ самыхъ простыхъ и внят-

ныхъ словъ и истинъ христіанскаго ученія, и потому, высказавъ каждую полную мысль, миссіонеру всегда приходится спрашивать: „слышишь-ли, понялъ-ли?“ и вмѣсто отвѣта бываетъ только откликъ какъ бы спящаго, или совершенно глухаго человѣка.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ алтайцы-язычники держатся шаманскаго дуализма: началомъ силъ свѣтлыхъ считаютъ *Улгена*, а темныхъ—*Эрлика*. Признавая первого существомъ высшимъ, они приносятъ больше и чаще кровавыя жертвы и другому, какъ богу-же. Честятъ также жертвами, какъ боговъ меньшихъ, множество другихъ, подчиненныхъ первымъ, духовъ чистыхъ и нечистыхъ. Представляя всю вселенную населенной духами, поклоняются горамъ, озерамъ, рѣкамъ и чтутъ жертвами духовъ, живущихъ въ нихъ, на основаніи того вѣрованія, что при разгромѣ и сверженіи Эрлика и его слугъ, каждый изъ нихъ на что упалъ, тому и сдѣлался хозяиномъ-обладателемъ, получивъ силу и право всячески вредить человѣку и даже умервщлять его въ своей области.

Кланяются также солнцу, лунѣ, огню, въ жертву которому удѣляютъ часть всякой пищи и питья. Поставляютъ лучшую пищу оспѣ и другимъ болѣзнямъ для умилостивленія демоновъ, производящихъ оныя. Для олицетворенія божествъ дѣлаются безобразныя куклы, которыхъ украшаютъ подвѣсками и при жертвоприношеніяхъ намазываютъ кровью.

Вѣру свою алтайцы считаютъ, хотя гибельною, бѣсовскою, но фаталистически назначенною въ удѣлъ ихъ племени, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, всё вѣры и

всѣ языки были распределены единожды навсегда
всѣмъ народамъ.

Внѣшняя сторона религіи — культъ — слабо развитъ у
инородцевъ. Собственно молитвы общественной рели-
гіозныхъ обрядовъ въ семействахъ и юртахъ ни для
какого случая жизни у нихъ нѣтъ. Только ужасъ, бо-
язнь, страхъ гибели личной и имущественной отъ зло-
бы бѣсовъ вынуждаютъ всѣ ихъ жертвища. Тутъ высту-
паетъ тогда на сцену *каль* (шаманъ) съ своимъ буб-
номъ, начинается дикая, изступленная оргія съ безче-
ловѣчнымъ закалываніемъ животныхъ, уносящая на вѣ-
теръ подчасъ все благосостояніе хозяина.

Какъ слѣдствіе вышеперечисленныхъ бытовыхъ ус-
ловій, нравственность алтайцевъ представляетъ пеструю
смѣсь прекрасныхъ качествъ съ большими отталкива-
ющими недостатками. Съ одной стороны при простыхъ
не требовательныхъ условіяхъ жизни, свѣтло выдаются:
патріархальная простота, честность, наивное прямоду-
шіе, миролюбіе, гостепріимство. Но съ другой стороны
самый неподвижный складъ бытовыхъ условій разви-
ваетъ лѣнь, пьянство, желаніе прожить кое-какъ. Без-
печность, вводящая алтайца въ долги, развиваетъ без-
стыдство и презрѣніе въ заимодавцахъ, униженіе и ра-
болѣніе въ должникахъ. Самъ угнетаемый, алтаецъ въ
свою очередь угнетаетъ женщину, смотря на нее какъ
на рабочій и продажный скотъ. Отсюда, какъ естест-
венное слѣдствіе этого взгляда, проистекаютъ губи-
тельные обычаи многоженства, выдаванія старухъ за
малолѣтнихъ и обратно, продажа невѣстъ въ малолѣт-

ствѣ, чтобы долгіе годы выплачивался или зарабатывался за нее женихомъ раззорительный калымъ, взысканія этого калыма, будто-бы не выплаченнаго, часто съ дѣтей и внуковъ,—а отсюда безконечныя фамилныя распри, притѣсненія, насилія, грабежи. Не рѣдкость между алтайцами—по капризу прогонять отъ себя женъ и брать другихъ.

Среди такихъ-то инородцевъ и пришлось дѣйствовать Макарію. Хотя въ XVIII столѣтіи русскими миссіонерами и было крещено до 8 тысячъ инородцевъ въ Кузнецкомъ округѣ, пограничномъ Минусинскомъ и немного въ Бійскомъ, но указами Правительства 1789 и 1799 годовъ инородческое миссіонерство было прекращено. Оставшіеся безъ всякаго руководства, крещенные опять погрузились въ родное язычество. Только нѣсколько единицъ, сплотившись и обрусѣвши, остались преданными христіанству. Таковы были инородцы деревень Маймы, Березовки, села Тарханскаго и 4 семьи села Улалы въ Бійскомъ округѣ и жители улуса Кузедѣвскаго въ Кузнецкомъ.

Основавшись въ Маймѣ и имѣя подъ рукой въ 8 верстахъ Улалу, о. архимандритъ рассчитывалъ, съ одной стороны, утверждать въ Православіи давно-крещеныхъ майминцевъ и улалинцевъ, съ другой,—и главнымъ образомъ, при помощи ихъ дѣйствовать на языческую массу и культивировать будущихъ новокрещенныхъ.

На самыхъ же первыхъ порахъ своего миссіонерствованія Макарій столкнулся съ непріязненными дѣйствіями, открытыми противъ него раскольниками, во

множествѣ расселившимися по Алтаю. Небывалое событие—прибытіе миссіи для обращеніи язычниковъ, отеческія заботы Макарія о „поганой нехристи“ дали поводъ объяснять прибытіе миссіи, какъ знаменіе антихристова прішествія. И вотъ ревнители мнимо „древляго благочестія“ всюду между алтайцами пускали слухи, будто Макарій антихристъ, обладаетъ способностью превращаться въ разныхъ звѣрей, подъ рясою имѣетъ крылья и летаетъ куда захочетъ, будто тѣло его покрыто шерстью, а на рукахъ и ногахъ—когти. Къ сему прибавляли, будто кого онъ креститъ, того беретъ въ солдаты.

Слыша такія вѣсти, простодушные алтайцы недоувѣрчиво отнеслись къ о. Макарію, избѣгали разговоровъ и встрѣчъ съ нимъ, отговаривали и притѣсняли желающихъ креститься. Нѣкоторые раскольники по пятамъ шли за архимандритомъ, и своими розсказнями разрушали то доброе впечатлѣніе, какое онъ производилъ проповѣдью и отеческимъ обращеніемъ.

Призвавъ Бога въ помощники, подкрѣпляя себя постоянно горячей молитвой, трудолюбиво и неутомимо сталъ Макарій дѣлать свое великое дѣло.

Прежде всего, конечно, принялся онъ за изученіе алтайскихъ нарѣчій и переводы. Здѣсь пришлось одолѣвать трудности весьма не малыя. Безграмотныя нарѣчія алтайцевъ совсѣмъ никѣмъ не изслѣдовались, грамматикъ и словарей не было, письменныхъ памятниковъ у самихъ алтайцевъ то же не было. Какъ нищій (сравненіе Макарія) собираетъ въ суму куски всякаго хлѣба—бѣлаго, чернаго, свѣжаго, черстваго, заг-

нившаго и всетаки, при масѣ набраннаго не освобождается отъ горькой бѣдности, такъ и Макарій записывалъ по наслышкѣ въ свою тетрадь чистыя и искаженныя слова и выраженія Калмыковъ, Черневыхъ Татаръ, Кумандинцевъ, Телеутовъ, но при разности нарѣчій, никакъ не могъ ориентироваться въ своихъ познаніяхъ. Года черезъ два умѣлъ онъ съ грѣхомъ пополамъ объясняться съ алтайцами, но при переводѣ чегонибудь на то или другое нарѣчіе безъ толмача не могъ сдѣлать даже и шагу. При такомъ затрудненіи ревностный архимандритъ не упускалъ случая пользоваться обрусѣвшими инородцами Майминскими и Улалинскими, русскими казаками, даже инородцами некрещеными, но понимающими русскую рѣчь, чтобы съ помощью ихъ перевести какънибудь и чтонибудь на алтайскій языкъ. Наконецъ въ Іюнь 1832 года нанялъ онъ за 150 рублей ассигнаціями въ годъ хорошаго толмача изъ новокрещенныхъ и съ нимъ приступилъ къ переводамъ. Въ теченіи своего почти 14 лѣтняго миссіонерскаго служенія Макарій успѣлъ перевести:— 1) почти все Евангеліе, 2) многія мѣста изъ Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, 3) все 1-е посланіе Іоанна, 4) многіе псалмы, 5) исторію Іосифа, по тексту Библии, 6) избранныя мѣста изъ книгъ ветхаго и новаго завета и собраніе текстовъ о таинствахъ и проч., 7) краткую священную исторію и краткій катихизисъ сочиненіе митрополита Филарета, 8) огласительное поученіе, Символь вѣры, 10 заповѣдей и толкованіе на нихъ, краткія молитвы и молитву Господню, 9) исповѣдь и вопросы при крещеніи. Сверхъ сего составилъ 10)

краткій лексиконъ, содержащій въ себѣ до 3000 словъ. Перечисленные переводы имѣли, разумѣется, не мало ошибокъ и неправильностей, но они легли въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ переводческихъ трудовъ алтайской миссіи. До 1860 года Макарьевскіе переводы были для миссіи единственнымъ и драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ.

Изучая языкъ, какъ необходимое и надежное средство къ сильнѣйшему воздѣйствію на алтайцевъ, Макарій въ тоже время развѣзжалъ съ проповѣдью Евангелія по инородческимъ аиламъ и кочевьямъ. Не упускалъ особенно случаевъ являться туда, гдѣ бывало стеченіе инородцевъ или вслѣдствіе сбора ясака, или переписи, или когда выдавали имъ казенный хлѣбъ по случаю сильнаго голода. Вездѣ онъ въ краткихъ и простыхъ словахъ проповѣдывалъ о Богѣ, о сотвореніи міра, человѣка, паденіи людей, обѣщаніи Спасителя, наконецъ о Спасителѣ истинномъ Богѣ, Который 33 года съ половиною видимо въ человѣческомъ тѣлѣ жилъ на землѣ съ человѣками, и называется Иисусомъ Христомъ, какъ онъ грѣхи всѣхъ человѣковъ на себя взялъ, и за наши грѣхи человѣческою душею и тѣломъ страдалъ и умеръ, а въ третій день по смерти, оживъ, возсталъ изъ гроба, вознесся на небо, куда возьметъ къ себѣ и всѣхъ, которые вѣруютъ въ Него—истиннаго Бога І. Христа,—и какъ тамъ на небѣ хорошо жить, гдѣ нѣтъ ни бѣдности, ни болѣзни, ни смерти, и гдѣ грѣхъ не приходитъ на умъ человѣку.¹⁾

Поѣздки прекрасно ознакомили Макарія съ бытомъ,

¹⁾ Полныя записки архимандрита Макарія, рукопись, листъ 128.

развитіемъ инородцевъ и ихъ духовными потребностями. Не смотря на увлекательную простоту проповѣди, никто ея первоначально не слушалъ внимательно и не понималъ. Вопросовъ и возраженій, которыя-бы способствовали большему уясненію ея, не раздавалось совсѣмъ. Алтайцы оказались не пытливыми Эллинами, ищущими истины, а неустановившимися дѣтьми, живущими почти одними животными потребностями. Съ горечью не разъ свидѣтельствовалъ Макарій, что предъ нимъ были какъ-бы бездушные камни, зрители, а не слушатели. Первоначальныя поѣздки, длившіяся у архимандрита иногда болѣе мѣсяца, оканчивались, подчасъ, полной неудачей. „Умственные способности ихъ, замѣчалъ онъ, такъ мало развиты, что, кажется, они не чувствуютъ и души въ себѣ: весь кругъ помысловъ и желаній ихъ, надеждъ и опасеній, радостей и печалей ограниченъ тѣлесными нуждами. Что съ ними дѣлать миссіонерамъ? горестно восклицалъ онъ. Удовольствоваться-ли одной проповѣдью? Но не многіе изъ нихъ соглашаются слушать ея, а такихъ еще менѣе, которые бы сколько нибудь понимали ея. Начнутъ-ли говорить имъ о небѣ? Они думаютъ только о хлѣбѣ; и послѣ проповѣди заводятъ рѣчь о томъ, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ хлѣба. Подойти-ли къ больному? Говорить-ли ему о душѣ, о вѣчныхъ мукахъ, о раѣ? Въ отвѣтъ на это онъ показываетъ раны на тѣлѣ своемъ и, томнымъ взоромъ смотря на проповѣдника, спрашиваетъ: эмъ бар-ба?, т. е. нѣтъ-ли лѣкарства“¹⁾ Наконецъ, самые мотивы отговорокъ отъ крещенія:—„мы

¹⁾ Миссіонеръ, 1878 годъ, № 19.

люди бѣдные, питаемся всякой всячиной, постовъ вашихъ держать не можемъ“ и подобныя этимъ, — сильно озадачивали Макарія. Онъ во очію убѣдился, что для того, чтобы достигнуть какихъ нибудь результатовъ, необходимо прежде и главнымъ образомъ дѣйствовать на жизненные и прозаичныя потребности инородцевъ, заговорить объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ и по возможности удовлетворять имъ. Поэтому, наученный не дачами, архимандритъ заговорилъ жизненнымъ прозаичнымъ языкомъ. Съ цѣлью привлечь вниманіе и расположеніе къ слушанію проповѣди, онъ раздавалъ сначала то сухари, то иглы, то нитки, то деньги, то по малой толикѣ пороку. Объявлялъ затѣмъ, что по крещеніи каждый воспользуется 3-хъ лѣтней льготой отъ податей и повинностей; самъ съ своей стороны обѣщаль возможную помощь въ тѣлесныхъ нуждахъ деньгами и вещами. Самое разубѣжденіе алтайцевъ въ суетности ихъ вѣры основывалъ на томъ, что ихъ вѣра и камы изводятъ на жертвы весь скотъ и все благосостояніе хозяина, христіанская же вѣра не требуетъ жертвъ, а только покаяннаго вѣрующаго сердца.

Когда, благодаря такой любвеобильной проповѣди и вниманію къ ихъ нуждамъ, кто либо изъявлялъ желаніе креститься, то Макарій допускалъ такого до крещенія съ большою осторожностью. Не гоняясь за числомъ, онъ наводилъ справки о поведеніи, честности желающаго, требовалъ послушанія себѣ и будущимъ воспріимникамъ. Убѣдившись въ благонадежности ищущаго крещенія и научивъ его элементарнымъ христіанскимъ истинамъ, краткимъ молитвамъ и знаменію

креста, на что, при тупости алтайцевъ, уходило не мало времени, Макарій, тогда уже рѣшался крестить таковаго.

Съ этого момента начиналась для Макарія труднѣйшая возня съ обращающимся неофитомъ и тяжелая борьба съ разными препятствіями. „Все дѣло, выражался онъ, крещеніемъ *не оканчивается*, напротивъ, только еще *начинается*“¹⁾. Дѣло въ томъ что съ перемѣной внутренней о. архимандритъ органически связывалъ и перемѣну внѣшняго положенія алтайцевъ. Этого требовало самое упроченіе миссіонерскаго дѣла на Алтаѣ на слѣдующихъ весьма разумныхъ основаніяхъ. Макарій хорошо видѣлъ, что прежнее праздное и лѣнливое влеченіе жизни, нищенское бродяжничество и поголовная склонность къ пьянству убиваетъ умственные способности и нравственное чувство. Нечего, при такихъ условіяхъ, было и думать о христіанскомъ религіозномъ просвѣщеніи неофитовъ и развитіи ихъ нравственности. Затѣмъ, язычествующіе сородичи новокрещенныхъ, — зайсаны, камы и другіе ревнители родной старины не замедлили обнаружить вражду ко всякому измѣннику своей вѣры. Желавшихъ креститься всячески отклоняли отъ крещенія, глумились надъ новой вѣрой, били, лишали имущества. Поэтому, Макарій счелъ необходимымъ поставить неофитовъ въ такія условія, которыя давали бы возможность безпрепятственно закрѣпляться и возрастать христіанской вѣрѣ. Онъ усиленно старался сдѣлать новокрещенныхъ осѣдлыми. Для приученія же ихъ къ новому образу жизни архимандритъ отда-

¹⁾ Миссіонеръ, 1878 года, № 45.

валь ихъ подѣ опеку благонадежныхъ русскихъ или давно крещенныхъ и обрусѣвшихъ инородцевъ-восприемниковъ. Восприемниками Макарій избиралъ большею частью жителей христіанскихъ селъ и деревень болѣе близкихъ къ стану миссіи:—Маймы, Улалы, Верхняго и Нижняго Карагужей, Усть-Ишинскаго и другихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ пристраивались новокрещенные и въ отдаленныхъ селеніяхъ—напримѣръ, Смоленскомъ, Верхне-Ануйскомъ, Енисейскомъ, редутъ Новиковскомъ и другихъ. На восприемникѣ лежала обязанность отечески содержать подѣ своимъ кровомъ неопита, наблюдать за его благонастроенностью, научить его земледѣлію и хозяйству, умѣренно пользуясь за все это рабочей силою своего воспринятаго. Опека должна была продолжаться до тѣхъ поръ, пока воспринятый окажется способнымъ самостоятельно завестись своимъ домомъ. Прекрасно, кажется, и умѣло разсчитано.

Но вотъ, при самомъ переходѣ къ новому образу жизни, встрѣчалось для неопитовъ препятствіе, едва одолимое. По свидѣтельству и миссіонеровъ, и этнографовъ,—самое свойство прежнихъ промысловъ алтайцевъ—отсутствіе упражненій физической силы создаетъ особый организмъ, не способный къ большимъ напряженіямъ мускуловъ и продолжительной дѣятельности. Переходъ къ земледѣльческой культурѣ ему является не посильнымъ. А органическая привычка передвиженія и потребность постоянно свѣжаго воздуха мѣшаетъ ему примиряться съ избой. Макарій не разъ замѣчалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что „постоянные труды представляются для алтайцевъ жестокимъ оскорбленіемъ вождельн-

ной для нихъ свободы“, т. е. праздности. Вслѣдствіе этого часто бывали такіе прискорбные случаи, что неопиты, тяготясь даже легкой, но постоянной работой, роптали, ябедничали и ссорились со своими воспріемниками. Архимандриту приходилось лично выслушивать, разбирать всѣ эти дразги и такъ или иначе улаживать недоразумѣнія. Случались и бѣгства новокрещенныхъ отъ воспріемниковъ въ родныя языческія кочевья. Какъ добрый пастырь разыскивалъ Макарій бѣглецовъ, отечески убѣждалъ возвратиться въ христіанское общество и жить у другаго какого нибудь поселянина, общалъ возможные облегченія и матеріальную помощь.

Средствами, при помощи которыхъ предусмотрительный миссіонеръ старался облегчить кочевымъ алтайцамъ столь рѣзкій для нихъ переходъ къ осѣдой жизни, служили прежде всего—дарованіе 3-хъ лѣтней льготы отъ всѣхъ податей и повинностей, затѣмъ благоразумныя денежныя и вещественныя пособія. Тотчасъ при крещеніи Макарій дарилъ новокрещенному бѣлую рубашку¹⁾ и крестъ, или же просто давалъ холста на бѣлье. Оборванцамъ выдавалъ матеріи на полное одѣяніе. Если воспріемникъ затруднялся содержать новыхъ членовъ въ своемъ домѣ, то такому архимандриту назначалъ постоянное пособіе изъ казны миссіи. Когда же крестилось цѣлое семейство, немогущее поселиться въ дому своего воспріемника, такому семейству онъ покупалъ домикъ, а на первое пропитаніе выдавалъ по нѣскольку мѣръ ржи или ячменя. При дальнѣйшихъ

¹⁾ Бѣлая рубашка, кромѣ сего, служила символомъ облеченія въ новаго возрожденнаго человека.

нуждахъ неофитовъ о. архимандритъ пособлялъ имъ то деньгами, то хлѣбомъ, то одеждой, то покупкой для нихъ рабочаго скота—лошадей, коровъ и земледѣльческихъ орудій. Попечительность его простиралась до того, что онъ употреблялъ на новокрещенныхъ и свою магистерскую пенсію, отказывалъ себѣ даже въ чаѣ, замѣняя оный отваромъ бадана (мѣстнаго растенія).

Конечно, на удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ новокрещенныхъ, не могло хватать ни миссіонерской казны, ни пенсіи Макарія, тогда архимандритъ писалъ объ ихъ нуждахъ и просилъ пособій у своихъ знакомыхъ и другихъ благотворителей въ Петербургѣ, Москвѣ, Костромѣ, Екатеринославѣ и Tobольскѣ. Пожертвованія собирались и приходили на Алтай иногда въ значительномъ количествѣ деньгами и вещами.

Мало по малу отеческія заботы Макарія объ устроеніи и улучшеніи осѣдлаго быта новокрещенныхъ невольно втянули самаго архимандрита въ занятія сельскимъ хозяйствомъ. Всячески стараясь научить своихъ духовныхъ чадъ болѣе раціональному способу воздѣлыванія почвы, онъ самъ горячо изучалъ при пособіи книгъ и при содѣйствіи опытнаго хозяина старца Петра Лисицкаго хлѣбопашество и огородничество. Такъ извѣстно, что чрезъ своего знакомаго, нѣкогда С. А. М. онъ выписалъ „Журналъ земледѣльческій за 10 лѣтъ,“ „три книжки сельскаго хозяйства и овцеводства,“ „магазинъ естественной исторіи“—журналъ, издаваемый Двигубскимъ въ теченіи 8 лѣтъ, „земледѣльческую химію“ Павлова; усиленно просилъ розыскать и прислать „краткое и общепонятное изложеніе о сельскихъ тру-

дахъ, принадлежащихъ мужчинамъ, усвоенныхъ женщинамъ и общихъ для тѣхъ и другихъ.“ На ряду съ руководствомами выписывалъ сѣмена разныхъ овощей, даже табачныя. Научившись отъ старца Петра огородничеству, Макарій самъ лично училъ новокрещенныхъ садить овощи и ухаживать за огородомъ.

Женщинамъ о. архимандритъ настойчиво совѣтовалъ учиться прясть, заботиться о чистоплотности, учиться у русскихъ вести домашнее хозяйство. Искоренія въ нихъ неряшество, онъ ежедневно обходилъ ихъ жилища и гдѣ находилъ беспорядокъ, при себѣ заставлялъ мыть, чистить и выметать. Видя самого начальника миссіи, при болѣзненномъ разстройствѣ здоровья, усердно занимающагося огородомъ, неопиты разставались съ любимой лѣнью и старались подражать ему.

Благодаря сему селенія Майма, Улала, Верхній и Нижній Карагужи, гдѣ преимущественно селились новокрещенные, зацвѣли начатками полнаго русскаго сельскаго хозяйства. Съ 1834 года завелось и вдали отъ стана миссіи селеніе изъ однихъ крещеныхъ инородцевъ, именно *Мыота*, отстоящая отъ Улалы въ 130 верстахъ къ Югу.

Рѣзко отдѣливъ неопитовъ отъ язычествующихъ сородичей самымъ образомъ жизни, начальникъ миссіи старался также изъять ихъ изъ вѣдѣнія языческихъ зайсановъ, предоставивъ имъ завести у себя особое внутреннее управленіе. Въ виду чего онъ усиленно ходатайствовалъ предъ начальствомъ, хотя и безуспѣшно, чтобы новокрещенныхъ Бійскаго округа не вводили въ составъ какой нибудь языческой волости, но чтобы они пребывали въ видѣ особой волости.

На ряду съ обособленіемъ своей паствы отъ язычниковъ и съ хлопотами объ обрусѣніи ея чрезъ посредство русскихъ, Макарій зорко въ тоже время оберегалъ ее отъ эксплуатаціи послѣднихъ. Для уничтоженія даже попытокъ проникновенія такой заразы архимандритъ рѣшался иногда на отчаянныя средства. Рассказываютъ, что когда мѣстный винный откупъ узналъ о существованіи походной церкви въ Маймѣ, то вздумалъ ввести въ этомъ селеніи продажу вина. До крайности возмущенный этимъ, архимандритъ якобы написалъ письмо Императору Николаю Павловичу, прося его избавить отъ соблазна новокрещенныхъ. Кабакъ не былъ открытъ.

При хозяйственно-административномъ перевоспитаніи новокрещенныхъ, озабочивался попечительный миссіонеръ и врачеваніемъ ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Заняться медициной побудило его страшное распространеніе среди алтайцевъ моровыхъ повѣтрій, на примѣръ оспеннаго, горячки. Макарій выучился оспопрививанію, запасся „ботаникой хозяйственной и врачебной“, подъ руководствомъ которой собиралъ цѣлебныя травы, въ изобиліи растущія на Алтаѣ. Въ послѣдніе годы своего миссіонерствованія онъ имѣлъ при себѣ уже значительную аптечку изъ гомеопатическихъ лѣкарствъ, наказывалъ всѣмъ—крещенымъ и некрещенымъ, чтобы не стѣснялись въ случаѣ болѣзни приглашать его, хотя бы въ полночь, для врачебнаго пособія. Въ 1838 году архимандритъ завелъ въ Маймѣ больницу-богадѣльню для пріюта бездомныхъ и сильно опасныхъ больныхъ. При такой врачебной помощи, язычники

охотно шли къ Макарію лѣчиться и затѣмъ креститься.

По обзорѣннѣ способовъ, которыми о. архимандритъ привлекалъ и привязывалъ къ новой вѣрѣ и новому образу жизни новыхъ членовъ Церкви и государства, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самаго процесса вѣдрѣнія христіанства въ сердца алтайцевъ. Особенное стараніе Макарій приложилъ къ развитію въ новокрещенныхъ религіозно-нравственной настроенности. Съ этой цѣлью онъ часто устраивалъ богослужебныя собранія. При своей жизни онъ не успѣлъ еще ввести самое богослуженіе на алтайскомъ языкѣ, совершалъ его по необходимости на славянскомъ, но всетаки приложилъ всѣ старанія сдѣлать его понятнымъ и одушевляющимъ для давно и новокрещенныхъ. Такъ на богослужебныхъ собраніяхъ кратко изъяснялъ онъ на алтайскомъ языкѣ христіанскія вѣроучительныя и нравственныя истины, рассказывалъ событія изъ Священной Исторіи, читалъ на русскомъ, а потомъ и на алтайскомъ языкѣ Священное Писаніе; училъ всеобщему пѣнію въ церкви общеизвѣстныхъ молитвъ и прошеній— „Господи помилуй“ и „Подай Господи“.

Послѣ богослуженія, по нѣкоторомъ отдыхѣ, устраивалъ вѣбогослужебныя собесѣдованія—зимой въ частномъ домѣ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, на берегу рѣки. На нихъ помимо религіозно-нравственныхъ вопросовъ, разматривались и всѣ жизненные практическіе вопросы, касающіеся быта и благоустройства новокрещенныхъ. То были религіозно-хозяйственно-административныя собранія. Наряду съ уясненіемъ мо-

литвъ и христіанскихъ истинъ. Макарій здѣсь выслушивалъ жалобы неопитовъ на бѣдность и недостатки въ необходимомъ, въ христіанскомъ нравоучительномъ духѣ рѣшалъ ихъ затрудненія въ расчетахъ съ воспріемниками, предлагая тѣмъ и другимъ приличные совѣты и нужныя наставленія. Подобно судебному миротворцу, рѣшалъ все домашнія споры и ссоры новокрещенныхъ, христіански мирилъ враждующихъ. Къ суду архимандрита обращались иногда и язычники въ случаяхъ споровъ съ крещенными и между собой.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія эти поистинѣ можно разсматривать, какъ живое приложеніе къ жизни алтайцевъ христіанскихъ нравственныхъ началъ. Здѣсь нагляднѣе и явственнѣе давала себя чувствовать миротворящая цивилизующая сила христіанства, чѣмъ въ катихизисахъ.

Въ тѣхъ же видахъ развитія религіозной настроенности архимандритъ запретилъ своей паствѣ пѣніе какъ языческихъ, такъ и русскихъ свѣтскихъ пѣсень. Взамѣнъ ихъ онъ училъ распѣвать антифоны, богородичны—догматики, ирмосы и канты изъ своей „Лепты“. Умилялся слухъ, по свидѣтельству очевидца, когда вечеромъ на одномъ концѣ улицы раздавалось пѣніе „отъ юности моя“, на другомъ „всемирную славу“, изъ оконъ какого либо дома несло „на горѣ святой Фаворской“ и т. д.

На религіозно-нравственное образованіе дѣтей Макарій обратилъ преимущественное свое вниманіе. Съ самыхъ же первыхъ лѣтъ миссіонерствованія учить молодое поколѣніе грамотѣ, молитвамъ и пѣнію стало его

любимымъ занятіемъ. Дѣтей онъ привязывалъ къ себѣ почти съ колыбели, пѣлъ вмѣстѣ съ ними „Господи помилуй“ и „аллилуія“, рассказывалъ имъ событія изъ Священной исторіи, иногда игралъ съ ними, бѣгалъ въ перегонки, комично подчасъ показывая видъ, что силится перегнать какого нибудь пятилѣтняго пузана, но не можетъ, награждалъ ихъ кусочками сахара. Школу архимандритъ постарался тѣснѣйшимъ образомъ связать съ жизнью,—поставить такъ, чтобы она была душой и малыхъ и взрослыхъ. Черезъ дѣтей онъ воздѣйствовалъ на просвѣщеніе самихъ родителей. Съ этой цѣлью ученіе ведено было такъ, что дѣти передавали своимъ родителямъ слышанное и выученное. Самый учебникъ Макарій постарался составить одинаково полезнымъ и малымъ, и старымъ; такой, чтобы съ азбукою славянскою и русскою совмѣстить катихизисъ краткій, составленный изъ текстовъ Священнаго Писанія, и не большой молитвословъ. Его „*Начальное ученіе человекомъ хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія*“, къ сожалѣнію до сихъ поръ не изданное, заключаетъ въ себѣ, кромѣ русско-славянской азбуки, чтенія изъ Священнаго Писанія въ формѣ катихизиса и нѣкоторыя молитвы церковныя. Сверхъ сего, здѣсь въ стихахъ изложены основанія христіанскаго ученія о Богопознаніи и Богочитаніи.

Кромѣ этого руководства, Макарій пріобрѣталъ другія общепользныя книжицы духовно-нравственнаго содержания, которыя дѣти читали своимъ родителямъ.

Являясь такимъ одушевленнымъ дѣятелемъ на глазахъ всѣхъ, Макарій въ тиши своего домашняго

крова продолжалъ ту же строго-аскетическую жизнь какую велъ въ Глинской пустыни. Помѣщеніемъ для него служилъ небольшой деревянный домъ о двухъ комнатахъ, раздѣленныхъ сѣнями: въ одной комнатѣ жилъ онъ самъ, въ другой сотрудники. Домъ этотъ былъ и пріемной, и училищемъ, и кухней, и библиотечкой, и аптекой. Пищу употреблялъ архимандритъ самую скудную: по цѣлымъ суткамъ иногда питался одной просфорой и нѣсколькими чашками чаю, который очень любилъ. Въ видѣ лѣкарства, отъ стѣсненія въ груди, которымъ онъ постоянно страдалъ, употреблялъ сырыя яйца, разболтавши ихъ съ солью на чайномъ блюдечкѣ, но и за употребленіе этого невиннаго средства строгій подвижникъ часто упрекалъ себя какъ за излишество. Въ одеждѣ соблюдалъ ту же простоту: по нѣскольку лѣтъ, не перемѣняя, носилъ онъ одну дабинную (синюю толстой нанки) рясу, и только истрепанную, и засаленную оставлялъ ее, замѣняя новой.

Любимымъ занятіемъ его было чтеніе Священныхъ и свято-отеческихъ писаній и переводъ ихъ съ разныхъ языковъ на русскій и алтайскій. За этимъ занятіемъ проходили цѣлыя ночи. Онъ какъ будто-бы не чувствовалъ нужды въ отдыхѣ послѣ хлопотливо проведеннаго дня, когда начиналъ читать, или переводить Священное писаніе— „сладчайшее услажденіе свое“. Раскрывъ книгу, вникалъ онъ въ смыслъ каждаго оборота рѣчи, каждаго слова, разъясняя его филологически и освѣщая на основаніи свято-отеческихъ твореній. Проходятъ часы, а филологическое чутье больше и больше разыгрывается въ архимандритѣ, сильное поэ-

тическое чувство вдохновляется Божественным словом.. и изъ подъ пера Макарія льется пространное письмо къ какому нибудь благотворителю миссіи. испещренное текстами изъ Священныхъ и свято-отеческихъ писаній, полное картинныхъ описаній, поэтическихъ образовъ и пропитанное благоговѣйнымъ религиознымъ духомъ. Время близится къ полночи, все кругомъ уже погрузилось въ сонъ, а Макарій все бывало сидимъ съ перомъ въ рукахъ; боль сильно сжимаетъ ему грудь. Заглушая это ощущеніе, онъ встаетъ, прохаживается по комнатѣ, разглаживая свою грудь слабо и пріятно раздается въ горницѣ пѣніе любимой его пѣсни: *„ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ...“* и опять садится за столъ... Но, наконецъ, время и немощный организмъ даютъ себя чувствовать:—Макарій отправляется въ другую комнату, гдѣ спать его сотрудники, будить ихъ, поетъ вмѣстѣ съ ними полунощницу, и тогда уже предается сну. Но раннимъ утромъ мы опять видимъ его или ревизующимъ хижины новокрещенныхъ или копающимъ на огородѣ, или проповѣдующимъ въ юртѣ язычника. И такъ проходили дни за днями, вечера за вечерами. Отъ усиленныхъ вечернихъ занятій зрѣніе его сильно ослабѣло и онъ уже боялся ослѣпнуть.

При такой собственной хлопотливой миссіонерской дѣятельности, Макарій сильно озабочивался будущимъ своей миссіи. Какъ основатель алтайскаго миссіонерства, онъ пламенно желалъ, чтобы начатое имъ дѣло сдѣлалось устойчивымъ и непрерывно возрастало. Изыс-

каты тогда способы къ непрерывному росту миссіи было для Макарія чрезвычайно трудно главнымъ образомъ по неимѣнію способныхъ людей, и затѣмъ по скудости миссіонерскихъ средствъ. До 1836 года, какъ извѣстно, архимандритъ миссіонерствовалъ одинъ съ дряхлымъ старцемъ Петромъ Лисицкимъ.*) Только съ 1836 года начали появляться у него сотрудники случайные и совершенно къ дѣлу не подготовленные. Въ 1836 году видимъ мы сотрудниками: 20 лѣтняго юношу С. Ландышева изъ средняго класса Нижегородской духовной семинаріи, 15 лѣтняго Михаила Нигрицкаго, уволеннаго изъ уѣзднаго училища, молодаго увѣчнаго крестьянина Филиппа Гилева, поселенца изъ дьячковъ Владимірской губерніи Петра Торбаева и, временно помогающаго, эконома Томскаго архіерейскаго дома іеромонаха Анастасія. Въ послѣдующее время начальствованія Макарія алтайской миссіей число сотрудниковъ его увеличивалось еще нѣсколькими лицами: молодымъ вдовымъ священникомъ В. Весскимъ, іеромонахомъ Пароеніемъ, братомъ архимандрита—вдовымъ священникомъ Алексѣемъ Глухаревымъ, студентомъ ветеринарнаго отдѣленія Московской медико-хирургической академіи Артеміемъ Левицкимъ и отставнымъ солдатомъ Архипомъ Орловымъ. Всего лицъ мужескаго пола, служившихъ при Макаріѣ, было 15 человекъ: 2 іеромонаха, 3 священника, 3 воспитанника семинаріи, 2—духовнаго училища, 1 студентъ ветеринарнаго отдѣленія Московской медико-хирургической академіи и 4 ли-

*) Если не считать вратковременныхъ сотрудниковъ:—В. Попова, А. Волкова и священника о. Андрея Іонина, служившаго съ Августа 1833 года по Декабрь 1834 года.

на простаго званія. Никто изъ этихъ разнословныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, грамотныхъ и полуграмотныхъ сотрудниковъ, не получалъ тогда никакого оклада жалованья, но нужды каждого удовлетворялись Макаріемъ самымъ скуднымъ образомъ. Съ 1837 года миссія получала на свое содержаніе только 2000 рублей ассигнаціями (на серебро 571 рубль 41 копѣйка). Изъ этихъ же денегъ она благотворила новокрещеннымъ, покупая для нихъ одежду, домики, скоть, земледѣльческія орудія, содержала школу и больницу. Жить иначе, помимо четырехъ вышеозначенныхъ Макарьевскихъ правилъ строгаго общежитія, не представлялось никакой возможности ни при Макаріѣ, ни послѣ его.

Но умѣя самъ содержать и пользоваться трудами этого пестраго братства для миссіонерскаго дѣла, Макарій сильно беспокоился мыслию—будетъ ли это братство держаться послѣ него и также миссіонерствовать. Чтобы при жизни своей навсегда закрѣпить и, такъ сказать, санкціонировать установленное имъ миссіонерское общежитіе, архимандритъ остановился на мысли—основать миссіонерскій монастырь на Алтаѣ. Основаніемъ монастыря предполагалось сдѣлать всякаго полезнымъ для миссіонерскаго дѣла:—грамотнаго и неграмотнаго, ученаго и неученаго, стараго и малаго. Ученые могли-бы заниматься проповѣдничествомъ и просвѣщеніемъ алтайцевъ, неученые и безграмотные завѣдывать монастырскимъ хозяйствомъ и земледѣліемъ научая своимъ примѣромъ и хозяйственными познаніями и инородцевъ. Мѣстомъ для такого монастыря Макарій хотѣлъ избрать городъ Війскъ, вѣроятно потому, что

туть была и почтовая контора, и власти, необходимыя для всяких сношеній и содѣйствія миссіи. Касательно отвода земли архимандритъ вошелъ въ сношеніе съ начальствомъ и гражданами Війскими, но не смотря на согласіе ихъ и отводъ земли, дѣло объ основаніи монастыря почему-то не состоялось.

На ряду съ мужскимъ монастыремъ Макарію хотѣлось въ тѣхъ же видахъ, основать на Алтаѣ и женскую миссіонерскую общину „къ благопотребному содѣйствію церковной миссіи“. Подробный проэктъ объ этой общинѣ начальникъ миссіи официально въ 1836 году представилъ преосвященному Афанасію Тобольскому. Послѣдній сочувственно отнесся къ проэктору, но хода дѣлу не далъ никакого. По необходимости пришлось архимандриту, безъ основанія общины, искать сотрудницъ нужныхъ для миссіонерствованія, ученія и заботъ о дѣвицахъ, вдовахъ и замужнихъ инородкахъ. Сотрудницами при немъ были:—старица Прасковья Матвѣевна Ландышева съ 1838 года, мачиха С. В. Ландышева и дѣвица Софія Густавовна де-Вильмонъ съ 1840 года, блистательно окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ. Для нихъ Макарій построилъ домики въ Маймѣ, отдалъ въ ихъ распоряженіе больницу—богачельню и отпускалъ необходимую сумму на ихъ содержаніе. Обѣ женщины, подъ руководствомъ архимандрита, служили весьма ревностно, оглашая язычницъ, просвѣщая новокрещенныхъ, лечя и ухаживая за больными женщинами. Софія Густавовна, кромѣ сего открыла въ своемъ домикѣ дѣвичью школу, гдѣ обучала дѣвочекъ пѣнію, чтенію, ариметикѣ и рукодѣльямъ.

Безпокоемый неудачами въ заботахъ о прочной и обезпеченной организаціи алтайскаго миссіонерства*), Макарій всесторонне сталъ изыскивать средства упрочить его если не вскорѣ, то по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ будущемъ. Прекрасно видя, что плачевное состояніе миссіонерства въ Россіи,—плачевное до того, что нельзя было найти людей даже желающихъ (не говоря о подготовкѣ) миссіонерствовать,—зависитъ отъ невѣдѣнія массою русскаго народа самаго христіанства, Макарій полагалъ необходимымъ просвѣтить прежде всего самихъ русскихъ христіанской вѣрой. Надежнымъ же средствомъ для такого просвѣщенія ему представлялся „переводъ и изданіе полной Библии на живомъ народномъ нарѣчій въ той ясности и вразумительности, въ какой провидѣнію Божию было благоугодно даровать ее человѣчеству на языкахъ оригинальныхъ.“ „Если, разсуждалъ онъ, и для російской церкви необходимо нужна благодать духа апостольскаго для возрожденія столь многихъ племенъ, не знающихъ Спасителя человѣковъ І. Христа, то первое и главное, чего надлежитъ ей желать,—есть возбужденіе въ російскомъ народѣ охоты читать Священное Писаніе; первое же и главное средство къ сему—есть изданіе полной Библии на російскомъ языкѣ, въ переводѣ съ оригинальныхъ“¹⁾. Такая Библия дала бы всякому возможность, не только мірянамъ, но и многимъ служителямъ

*) Не осуществленные проекты архимандрита касательно основанія мужскаго монастыря и женской общины на Алтаѣ не умерли однако въ миссіи, и черезъ 20 лѣтъ были осуществлены, хотя весьма неудачно, такъ какъ за дѣло взялись помимо миссіонеровъ, лица, не знавшія ни края, ни инородцевъ.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Д. Д. Фил.—нова, стр. 113.

Церкви, не понимающимъ славянскаго языка, — возможность непосредственно ознакомиться съ основнымъ источникомъ своей вѣры и открыла бы легкой и свободный доступъ учению Христову въ массы народа. „А чѣмъ болѣе свѣтъ Христовъ будетъ распространяться въ нашемъ народѣ, тѣмъ онъ въ безчисленныхъ прикосновеніяхъ къ инородцамъ и въ сношеніи съ ними благотворнѣе будетъ дѣйствовать на невѣрныхъ и приближать ихъ къ соединенію съ церковью Христовой; тѣмъ болѣе добрыхъ дѣлателей для жатвы Господней Церковь будетъ получать отъ народа“¹⁾. Помимо своего непосредственно-благотворнаго вліянія на невѣрныхъ, христіански просвѣщенный русскій народъ, представлялось далѣе умственному взгляду архимандрита, самъ изъ себя создастъ *Россійское Миссіонерское Общество*, которое, состоя изъ лицъ всѣхъ званій и состояній, будетъ собирать средства для святаго дѣла миссіи, образавывать миссіонеровъ и издавать священныя и другія полезныя книги на языкахъ инородческихъ.

Всецѣло проникнутый этими мыслями, Макарій изложилъ ихъ со всевозможными, даже мелочными, подробностями въ своемъ обширномъ сочиненіи „мысли о способахъ къ усвѣщѣннѣйшему распространенію христіанства между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ,“ которое въ 1838 году онъ представилъ въ Святѣйшій Синодъ. Какъ знатокъ еврейскаго языка, Макарій самъ же съ 1834 года началъ и переводъ Библии съ еврейскаго на русскій языкъ. До того времени — существовали у насъ на русскомъ языкѣ —

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія Д. Д. Фил.—нова, стр. 89—90.

переводъ Новаго Завѣта и изъ Ветхаго Завѣта съ Бытія до книги Іова, сдѣланные „россійскимъ библейскимъ обществомъ“ въ царствованіе императора Александра I. Вѣроятно, Макарій счелъ лучшимъ продолжить дѣло библейскаго общества, и потому началъ свой переводъ на русскій языкъ съ книги Іова. Затѣмъ перевелъ книгу ветхозавѣтнаго евангелиста—пророка Исаіи. Переводъ первой книги Макарій прислалъ въ комиссію духовныхъ училищъ въ 1837 году,—второй въ Январѣ 1839 года. Но зная, какія гоненія существовали тогда на русскій переводъ Библии и опасаясь, какъ бы его и „мысли.“ и переводы прямо не были сданы въ Синодальный архивъ, архимандритъ въ тоже время одно за другимъ, при рукописяхъ перевода каждой книги, послалъ два письма Государю Императору, прося высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи переводовъ въ комиссіи духовныхъ училищъ и объ изданіи ихъ на суммы комиссіи. Въместѣ съ переводами предавалъ Макарій „священнѣйшей волѣ“ Его Императорскаго Величества и „мысли свои о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ“ и очевидно намѣреваясь заинтересовать самого Государя миссіонерскимъ дѣломъ и тѣмъ дать послѣднему обезпеченный и надежный ходъ. Заранѣе до отсылки переводовъ Макарій въ 1836 году написалъ длинное письмо оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, въ которомъ собралъ и опровергъ все возраженія противъ перевода Библии на русскій языкъ, и просилъ содѣйствія и ходатайства объ изданіи перевода

предъ Государемъ*). Сверхъ сего, съ цѣлью ускорить исходъ предпринятому дѣлу, Макарій рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ лично хлопотать предъ Синодомъ и Государемъ. Испросивъ себѣ отпускъ изъ миссіи „для поправленія здоровья“—особенно зрѣнія, и предварительно списавшись съ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, онъ въ Мартѣ 1839 года прибылъ въ столицу. Но, увы,—первенствующій членъ Синода митрополитъ Серафимъ, подстрекаемый Шишковымъ, Кикинымъ, Магницкимъ, архимандритомъ Фотіемъ и другими противниками перевода Библии на русскій языкъ, съ сильнымъ гнѣвомъ вооружился на алтайскаго миссіонера. И переводы, и „мысли“ были оставлены равно безъ всякихъ послѣдствій. Въ частныхъ бесѣдахъ съ другими лицами митрополитъ Серафимъ отзывался о Макаріѣ, какъ о „безумномъ фанатикѣ и пройдохѣ“ и высказывался, что не мѣшаетъ его „снять въ Спасо-Евѣиміевъ“¹⁾.

Горькая неудача еще болѣе разожгла ревность архимандрита продолжать переводческое дѣло и настаивать на изданіи русской Библии. Въ Петербургѣ, къ счастью, ему удалось приобрести на русскій языкъ нарѣчій рукописи всѣхъ каноническихъ книгъ Вѣтхаго Завета пророческихъ и учительныхъ, переведенныхъ съ оригинала протопресвитеромъ Г. П. Павскимъ (и тоже преслѣдуемыхъ). Сличивъ, по возвращеніи на Алтай, свой переводъ книгъ Іова и пророка Исаи снова съ

*) См. это замѣчательное письмо въ „Матеріалахъ для біографіи архимандрита Макарія“ Фил—нова, стр. 106—143.

¹⁾ См. „Высокопреосвященный Филаретъ митрополитъ Кіевскій“ архимандрита Сергія (Василевскаго) томъ I, стр. 426 и 432.

еврейскимъ текстомъ и съ переводомъ Павскаго, исправивъ замѣченные недостатки, Макарій опять 26 Декабря 1840 года послалъ его въ Святѣйшій Синодъ письмомъ, въ которомъ убѣдительноше настаивалъ на необходимости русской Библии и для русскаго народа не понимающаго Священнаго Писанія въ славянскомъ текстѣ, и особенно для новокрещенныхъ инородцевъ, изъ коихъ грамотные могли бы перевести Библию съ русскаго на свой языкъ.

Но на это горячее письмо Святѣйшій Синодъ отвѣтилъ ему строгимъ выговоромъ, приказавъ держаться въ предѣлахъ послушанія, и назначеніемъ эпитиміи, состоящей въ покаянныхъ молитвахъ съ поклонами въ Томскомъ архіерейскомъ домѣ продолжительностію отъ 3—6 недѣль по усмотрѣнію преосвященнаго. Кромѣ сего замѣтилъ, что самое „служеніе миссіонерское призываетъ его къ переводу Священнаго Писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ“.¹⁾

Убѣдясь теперь окончательно, что ходатайствовать о напечатаніи русской Библии бесполезно, о. архимандритъ вознамѣрился напечатать на русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ „извлеченія изъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго заветъ“ подъ названіемъ „Алфавитъ Библии“. Въ Ноябрь 1841 года онъ отослалъ „Алфавитъ Библии“ Московскому генераль-губернатору князю Д. В. Голицыну, обѣщавшемуся помогать нуждамъ миссіи. Онъ просилъ князя пособить изданію этой руко-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія Д. Д. Филіпова, стр. 182.

ниси и затѣмъ выслать въ миссію возможно большее количество экземпляровъ „Алфавита.“ „Не однихъ ино-родцевъ новокрещенныхъ имѣлъ я въ виду при составленіи сей книжки, писалъ Макарій князю, но и сотрудниковъ моихъ по службѣ въ здѣшней миссіи, ка-кихъ нынѣ имѣю и какіе могутъ быть послѣ, чтобы они имѣли въ сей книжкѣ предъ глазами основанія ученія о вѣрѣ и жизни христіанина, которыя призваны проповѣдывать, чтобы видѣли и удобно изучали сіи спасительныя истины въ той связи, въ которой онѣ одна другую подтверждаютъ и объясняютъ и всею со-вокупностію и гармонією своею благотворно дѣйствуютъ на умы и сердца челоувѣковъ, какъ слова Божіи“. Въ заключеніе прибавилъ, что „если мы получимъ печатный „Алфавитъ Библии“, — немедленно начнемъ пригото-влять его къ печатанію на телеутскомъ нарѣчій“.¹⁾

Князь Голицынъ переслалъ „Алфавитъ Библии“ сво-ему зятю, — оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову, а послѣдній внесъ его въ Святѣйшій Синодъ, попросивъ предварительно отзыва ректора С.-Петербург-ской духовной академіи, епископа Аѳанасія Дроздова. Святѣйшій Синодъ отвѣтилъ Макарію новымъ выгово-ромъ, а преосвященному Томскому предписалъ наблю-дать за дѣйствіями архимандрита и принимать мѣры къ „отклоненію его впредь отъ неправильныхъ дѣйс-твованій“.

Послѣ этой неудачи въ такомъ благомъ для миссіи дѣлѣ, Макарій сталъ быстро хирѣть и разстраиваться.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Д. Д. Фил—нова, стр. 184—185.

Въ 1843 году организмъ его былъ настолько разшатанъ, что онъ не могъ уже продолжать миссіонерской службы. Разбитая грудь болѣзненно сжималась при подъемахъ на горы. Архимандритъ не могъ уже входить на гору пѣшкомъ, взвѣзжалъ на лошади и то поминутно хватался за грудь, ожидая или разрыва сердца, или кровоистечения изъ горла. Особенно ослабѣло зрѣніе, — по вечерамъ онъ не могъ уже ни читать ни писать. Поэтому съ 1843 года Макарій сталъ проситься объ увольненіи изъ миссіи и о разрѣшеніи отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ провести остатокъ жизни. 8 Мая 1844 года Святѣйшій Синодъ уволилъ его отъ миссіонерской должности и назначилъ настоятелемъ Троицкаго Оптина монастыря (Орловской губерніи, Волховскаго уѣзда), не давъ разрѣшенія отправиться въ Іерусалимъ.

Сдавъ все дѣла и имущество миссіи любимому своему сотруднику Стефану Ландышеву, о. Макарій 4-го Юля 1844 года приготовился къ выѣзду изъ миссіи „къ истинному горю всѣхъ, знавшихъ его въ просвѣщенномъ имъ краѣ“. Послѣ двухчасовой молитвы своей на томъ мѣстѣ, гдѣ была имъ совершена первая литургія по прибытіи въ Улалу, и трогательнаго прощанія сперва съ Улалинцами, потомъ Майминцами, провожавшими его около 5 вереть съ воплемъ и рыданіями, съ напрасными усиліями преградить ему путь, удержать экипажъ и остановить лошадей, — послѣ прощанія, растрогавшаго его до глубины души, — о. Макарій, благословивши всѣхъ въ послѣдній разъ, сталъ подниматься на гору. На самомъ верху подъема, откуда откры-

вается видъ на Майму, ущелье Улалы и Алтай. онъ остановился, вышелъ изъ экипажа и въ послѣдній разъ взглянулъ на просвѣщенные и взлѣбляемыя имъ селенія. Глаза его налились слезами, онъ палъ на колѣна и горячо молился около четверти часа. „О Владыко все-святый, всемогущій, всевѣдущій и всемъ управляющій! изливался архимандритъ въ послѣдней молитвѣ, Твоей всесвятѣйшей волѣ и благодати благоудно было поставить меня ничтожнаго на сіе служеніе. Ты Самъ кого избралъ, тѣхъ и призвалъ изъ тьмы заблужденія въ познаніе Тебя, Единаго, истиннаго Бога во святой Троицѣ. Ты привелъ ихъ въ святую Твою церковь, искупленную честною кровію возлюбленнаго Сына Твоего Іисуса Христа, очистивъ водою бани паки бытія посредствомъ моего недостойнства. Если-бы не Ты Самъ помогъ мнѣ благодатию Твоею, то что бы я могъ совершить, я, тварь Твоя ничтожная, не могущій отъ себя ничего добраго сотворить, кромѣ грѣха. О все-святѣйшій, всемогущій Боже! соблюди, сохрани, покрой и спаси, ихъ же просвѣтилъ еси мною недостойнымъ. Они еще младенцы, еще плотскіе; я питалъ ихъ млекою и не крѣпкою пищею. При Твоей всесвятѣйшей помощи, сколько могъ и что могъ успѣть сдѣлать, то все — Тобою самимъ. Ты Самъ мнѣ далъ ихъ родить святою купелью и я опять оставляю ихъ подъ всемогущій покровъ Твой святый“.¹⁾ Затѣмъ благословилъ дорогую ему миссію, гдѣ потрудился 14 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, и отправился въ Болховскій Оптинъ монастырь на покой.

¹⁾ „Томскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1885 годъ, № 7.

III.

Но не покой ждалъ его здѣсь, а продолженіе той-же просвѣтительной дѣятельности среди хотя крещеныхъ, но почти язычниковъ, только безъ утомительныхъ разъѣздовъ и безъ гнетущихъ заботъ о перемѣнѣ ихъ внѣшняго благосостоянія. Заняться просвѣщеніемъ Болховскихъ гражданъ, несмотря на разстроенное здорově, побудилъ его разительный фактъ глубокаго невѣжества представителей города, фактъ, потрясшій его до глубины души.

По прїѣздѣ Макарія въ Болховскій монастырь, градскій голова съ служившими въ ратушѣ отправился по обыкновенію, поздравить новопрїѣзжаго и принять его благословеніе. Архимандритъ ласково принялъ депутатовъ, посадилъ всѣхъ, поговорилъ сначала о городѣ, о своей дорогѣ, а потомъ обратился къ городекому головѣ съ вопросомъ:

— Что жь, у васъ въ Болховѣ всѣ православные знаютъ „Символь вѣры“?

Голова молчить.

Архимандритъ опять погромче спрашиваетъ:

— Знаютъ ли у васъ Символь вѣры?

Голова не понялъ, что такое „Символь вѣры“ и спросилъ: „что же это, батюшка? Вѣрую, что-ли“?

— Да, да. *Вѣрую во единого Бога...* или не слыхалъ словъ „Символь вѣры“?

— Гдѣ намъ грѣшнымъ слышать? Покойный мой родитель отдалъ меня къ дьячку и заплатилъ ему за выучку два съ полтиной. Вотъ и вся моя наука!

— Ну, да знаешь-ли самъ-то: *Вѣрую?*

— Вѣрую не прочитаю, а *Вотчу* знаю.

— Какую *Вотчу?*

Какъ вскочить нашъ архимандритъ съ дивана, передаетъ одинъ изъ депутатовъ. — „Какую, говорить, *Вотчу?* Что за *Вотча*. Боже мой! сплеснулъ онъ руками, — до чего мы дожили! Градскій голова не знаетъ ни символа, ни молитвы Господней! Да какъ началъ насъ учить, началъ толковать. Мы стояли, какъ вкопанные и не знали, что сказать. „Нѣтъ, говорить, православные! У меня чтобъ всё вы знали символъ и молитву. Прошу объявить объ этомъ всёми вашимъ гражданамъ. Пусть и сами приходятъ, и дѣтей ко мнѣ присылають. Буду самъ учить васъ“.¹⁾

Глубокое невѣжество представителей города страшно взволновало благочестиваго миссіонера. „*Горе вамъ, законникамъ, съ болью въ сердцѣ не разъ говорилъ онъ о пастыряхъ и о себѣ тоже, яко взясте ключъ разумнїя: сами не видосте, и входящимъ взбраняете.* (Лук. XI, 25). Разительно оправдалось мнѣніе его, проводимое въ „Мысляхъ“.... что православные нуждаются въ христіанскомъ просвѣщеніи не меньше язычниковъ. Мысль, что это глубокое невѣжество отдаляетъ отъ Бога цѣлый городъ, что оно служитъ источникомъ многихъ вольныхъ и невольныхъ преступленій гражданъ, подняла въ архимандритѣ остатокъ силъ и энергію, дабы оставшіеся дни догоравшей жизни употребить на возможное просвѣщеніе и исправленіе Болховитянъ.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Д. Д. Фил—нова, 197—198 стр.; срав. Странникъ, 1860 годъ Январь.

Съ свойственнымъ ему жаромъ и любовію принялся онъ проповѣдывать въ Церкви, растолковывать народу слово Божіе и молитвы, назидать богомольцевъ у себя въ келліяхъ, раздавать пособія нищимъ и калѣкамъ, утѣшать скорбящихъ, мирить враждующихъ и особенно, какъ и на Алтаѣ, учить дѣтей. Молва о новомъ, необыкновенномъ настоятелѣ быстро раснеслась по городу и окрестностямъ, и со всѣхъ сторонъ послѣдоваль громадный наплывъ народа въ Болховскій монастырь ежедневно. Шли туда старые и молодые, мужи и жены, дѣвицы и дѣти, священники, чиновники и простые. Съ утра и до вечера толпился въ монастырѣ народъ: — тотъ приходилъ за совѣтомъ, другой за утѣшеніемъ, третій за наставленіемъ къ о. архимандриту. — И всѣхъ онъ принимаетъ одинаково радушно, со всѣми бесѣдовалъ, всѣмъ проливалъ отраднѣйшій миръ въ душу.

Каждый день о. Макарія, будничнѣйшій и праздничнѣйшій проходилъ въ непрерывномъ ученіи народа. Утромъ послѣ обѣдни, выйдетъ архимандритъ съ Евангеліемъ на амвонъ, и просто и удобопонятно объяснитъ дневное евангельское, или апостольское чтеніе. Долговременная миссіонерская практика помогла ему выработать общепонятнѣйшій народнѣйшій проповѣдническій языкъ, такъ что современники удивлялись его искусству передавать самыя высокія истины простымъ и общепонятнѣйшимъ словомъ. Чтобы слушатели лучше поняли и усвоили сказанное, Макарій нѣсколько разъ повторитъ одно и то же изрѣченіе Священнаго Писанія. Затѣмъ тутъ-же обратится къ кому нибудь: „понялъ-ли ты, что говорилъ я? Скажи, не стыдись, вслухъ всѣхъ насъ,

что именно понялъ ты изъ евангельскаго ученія? Отвѣчающему помогаетъ высказаться, повторяетъ одно и то же и потомъ переспрашиваетъ другихъ, пока не убѣдится, что его поняли. Замѣтивъ когонибудь, что стоитъ небрежно или оборачивается, глазѣтъ по сторонамъ или разговариваетъ, подзоветъ къ себѣ поближе и спроситъ: „а что сегодня слышалъ и узналъ ты въ Божіей церкви? Слышалъ-ли ты, чему здѣсь учили насъ сегодня Господь Іисусъ Христосъ въ святомъ своемъ Евангеліи? Не получивъ отвѣта, онъ обращался ко всемъ: „послушайте, други и братія! Стыдно намъ и преступно слушать безъ вниманія слово Божіе. Знаете-ли, кто здѣсь предъ святымъ алтаремъ учитъ насъ грѣшныхъ? Это не мы, подобострастные вамъ и многогрѣшные проповѣдники. Нѣтъ! Здѣсь учитъ насъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Не нарицайтесь учителя, единъ бо есть вашъ учитель, Христосъ, всѣ же вы братія.* Какъ же смѣемъ мы не слушать самого Господа Спасителя нашего?“¹⁾

Нерѣдко о Макаріи, вмѣсто объясненія дневнаго чтенія или въ связи съ онымъ, произносилъ поученіе, растрогивавшее обыкновенно слушателей до слезъ. Къ сожалѣнію ни самъ Макарій, ни кто либо изъ его многочисленныхъ слушателей не записывали этихъ замѣчательныхъ поученій, произносимыхъ всегда экспромптомъ. О содержаніи и характерѣ ихъ мы теперь можемъ судить только по одному краткому поученію, записанному Карповымъ. Позволяемъ себѣ привести цѣликомъ это единственно оставшееся замѣчательное поученіе. „Послѣ

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія Д. Д. Фил—нова, 199 стр.

причастнаго стиха, читаемъ у Карпова, Макарій взошелъ на амвонъ. Мгновенно вѣя масса народа сдвинулась съ мѣста, и стоявшіе впереди около амвона, очутились около иконостаса, такъ что о. Макарій окружился слушателями со всѣхъ сторонъ... Когда наступила совершенная тишина, онъ началъ тонкимъ замирающимъ голосомъ произносить: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ кладя на себѣ медленно крестное знаменіе. Затѣмъ, разгнувъ книгу прочиталъ: *Слышите, яко речено есть: возлюбими искренняго твоего, и возненавидѣши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: — любите враги ваша, благословите клянуція вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напастъ и изгоняюція вы: яко да будете сынове Отца вашего иже есть на небесѣхъ...*

„А вы, небось, думаете, что не знать какое большое дѣлаете добро, если любите любящихъ васъ? Я же скажу вамъ, что въ такой вашей любви нѣтъ христіанскаго добра. Почему? А потому, что и язычники, не знающіе Иисуса Христа, дѣлають тоже самое, т. е. любить тѣхъ, которые и ихъ любятъ. Да что я говорю, что такая любовь — языческая любовь? Нѣтъ, такая любовь есть и у всѣхъ животныхъ безсловесныхъ. Развѣ вы сами не видали или не слышали, что овца любитъ своего ягненка, корова — теленка, волчица — волченка, львица — львенка? Да, всякое животное любить свое дитя, а эти — свою мать. Нѣтъ, православные! Мы вѣруемъ въ Иисуса Христа, мы христіане, а потому и любовь наша ко всѣмъ безъ разбору людямъ должна быть христіанскою, евангельскою, Божіею. Вы спросите ме-

ня: какая же это любовь такая? А вотъ та самая, о которой написано въ этой книгѣ (о. Макарій указаль при этомъ на имѣвшуюся у него книгу),—въ Евангеліи Господа нашего Иисуса Христа и о которой вы слышали давеча. То-есть, если вы будете всёмъ сердцемъ любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ васъ, дѣлать по возможности добро тѣмъ, которые не видятъ васъ, и если вы будете молиться за обижающихъ и гоняющихъ васъ,—ну, вотъ такая-то ваша любовь и будетъ любовью христіанскою. Вы, пожалуй скажете: да какъ же это можно полюбить своего врага, да еще отъ всего сердца? Нѣтъ, это выше нашихъ силъ. Да я вамъ не говорю, что можно это сдѣлать заразъ, легко и скоро, и не увѣряю васъ, что вы можете это сдѣлать одними своими силами. Для этого надо призвать въ свое сердце, на помощь себѣ благодать Святаго Духа что-же намъ нужно сдѣлать, чтобы благодать Святаго Духа вошла въ наше сердце и помогла намъ полюбить своего врага? Вотъ что: утромъ или вечеромъ, словомъ когда тебѣ свободнѣе, гдѣ удобнѣе, стань наединѣ на колѣни предъ образомъ Спасителя твоего, или Его Матери, или какого либо угодника Божія, и помолись, да подольше и потеплѣе помолись, говоря: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, умершій за насъ грѣшныхъ на крестѣ, помоги мнѣ Твоею благодатию полюбить мнѣ моего врага (Ивана или Семена), да и его сердце расположи ко мнѣ! Помолись часъ, другой и третій, помолись день, другой и третій, помолись полгода, помолись годъ и, когда выйдетъ годовщина, именовъ Божіимъ увѣряю въ томъ, что Духъ Святой

о лаврѣ отъ этомъ А. Исидръ людоедъ, отъ нѣхъ пелла: онъ сойдетъ на тебя и расположитъ тебя къ твоему врагу, а его къ тебѣ. При томъ, молись о немъ ты не будь невнимателенъ къ нему. Идешь ты положимъ по улицѣ и встрѣтишься съ врагомъ своимъ.—ты возьми, да поскорѣй скинь предъ нимъ свою шапку, и, поклонясь ему пониже, скажи: здравствуй Иванъ Ивановичъ! (Тутъ о. Макарій сдѣлалъ своею рукою, какъ бы дѣйствительно снималъ съ своей головы шапку и низко поклонился). Остановись, поведи съ нимъ рѣчь; а если тебѣ свободно, то и позови его къ себѣ хоть на чай. Пойдетъ—значить, что онъ желаетъ съ тобой помириться: иначе онъ не только не пошелъ-бы къ тебѣ, но и не заговорилъ-бы съ тобою. Дома же постарайся его угостить любовно, и разстанься съ нимъ мирно, не на однихъ словахъ, но и въ сердцѣ. Положимъ, что тебѣ сразу не удалось этого сдѣлать,—не отчаивайся, а повторяй это всякій разъ, какъ случится тебѣ сойтись съ нимъ. Такимъ образомъ поступаая, ужъ непременно расположишь его къ себѣ и помиришься съ нимъ. Вѣдь если ты будешь отвращаться отъ своего врага, избѣгать его, злиться на него и ненавидѣть его: то знай, что напрасно ты молишься, напрасно ходишь въ церковь, ставишь предъ иконами свѣчи, напрасно говѣешь и приобщаешься Св. Тайнъ, потому что Господь не услышитъ твоей молитвы, не приметъ никакой твоей жертвы, не пошлетъ Своего благословія на домъ твой и самое принятіе Тѣла и Крови Его послужитъ тебѣ въ судъ и осужденіе. А если, чего Боже сохрани и помилуй!—ты умрешь, не помирившись

съ твоимъ врагомъ, съ чувствами ненависти и злобы къ нему: то лучше-бы тебѣ не родиться на свѣтъ Божій, не увидать тебѣ царствія Божія. Аминь.“

„Глубоко было, свидѣтельствуеъ Карповъ, вниманіе народа и сильно западало въ его душу слово испытаннаго проповѣдника; я долго потомъ не могъ придти въ себя отъ сердечнаго умиленія. У многихъ слушателей видны были на глазахъ слезы, а нѣкоторыя изъ женщинъ плакали въ слухъ“¹⁾.

Послѣ обѣдни толпы народа устремлялись за архимандритомъ въ его келліи, каждый съ своими духовными, а иные и тѣлесными нуждами. За невозможностью разомъ говорить со всѣми, о. Макарій раздѣлялъ ихъ на два отдѣленія. Большинство оставалось въ залѣ и въ ожиданіи очереди слушало тамъ послушника, громко и ясно читавшаго Евангеліе—особенно о страданіяхъ Христовыхъ—*на русскомъ языкѣ*. А другихъ, человекъ по 6-ти, настоятель принималъ въ гостинной и бесѣдовалъ лично съ каждымъ. Предметомъ бесѣдъ большею частію служили изъясненія молитвъ, или какихъ-нибудь евангельскихъ мѣстъ, испытанія пришедшихъ въ знаніи Символа вѣры и молитвъ Господней. Предъ архимандритомъ всѣ, не стѣняясь, раскрывали свою душу; никто не смѣлъ таиться, такъ какъ дивная прозорливость настоятеля открывала самыя тайныя душевныя движенія. „Прочитай-ка мнѣ Символь вѣры,“ такъ обыкновенно обращался Макарій къ своему собесѣднику или собесѣдницѣ. Если спрашиваемый прочитывалъ, архи-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Д. Д. Фил—нова, 207—209 стр.; сравн. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1868 годъ 1847—1850

мандрить требовалъ изъясненія славянскихъ словъ по русски, пока не убѣждался, что испытуемый сознательно читаетъ Символь. „Ты почему не выучила молитву Господню?“ переходилъ онъ къ слѣдующей и, заставивъ по слову раздѣльно и съ чувствомъ произнести за собою молитву, поручалъ такую тутъ-же какому-нибудь послушнику научить молитвѣ Господней. Когда входили въ гостинную матери съ грудными дѣтьми, кроткой улыбкой озарялось лицо настоятеля. Съ особенной лаской подзывалъ онъ къ себѣ дѣтокъ и, благословляя cadaго, спрашивалъ: „знаешь-ли молитву Господню, знаешь-ли вѣрую? прочитай мнѣ.“ Какъ скоро слышалъ умные отвѣты и замѣчалъ въ комъ особую охоту къ ученю, тотчасъ выносилъ изъ другой комнаты маленькія книжечки и раздавалъ ихъ. „Одна изъ матерей, рассказываетъ очевидецъ, подвела къ нему маленькую свою дочку, и когда о. Макарій сталъ хвалить умную малютку ея, которая внятно и безъ ошибки прочитала и молитву Господню, и Символь вѣры, мать ея стала говорить о. архимандриту: „она-то, батюшка, дѣвчонка хорошая, да я-то вотъ, мать ея, великая грѣшница. Я такъ вчера разсердилась на нее что сказала: „охъ, мору на тебя нѣту!“—Услышавъ слова эти, о. Макарій такъ и вскочилъ съ своихъ кресель.—„Какъ?“ закричалъ—„ты мать, да сказала на свое дитя: мору на тебя нѣтъ!“ „На наслѣдницу царствія Божія говоришь: мору на тебя нѣтъ!“ „Да я, батюшка“,... хотѣла что-то сказать мать въ свое оправданіе.—„Да что мнѣ тамъ батюшка? Ты скажи, какъ смѣла дочери своей пожелать мору? Иди, молись Богу,

молись Матери Божіей.“ Взялъ ее за руку и поставилъ на колѣни предъ иконою Богоматери. А самъ сталъ ходить по комнатѣ и громко учить предстоящихъ: „до чего мы доводимъ себя? До чего не удерживаемъ языка своего отъ зла? Материнскія уста изрекають моръ на дитя свое!“ Остановившись потомъ, сказалъ женщинѣ: „иди ко мнѣ“—сталъ опять учить ее. А та захотѣла въ свое оправданіе сказать что-то: „вѣдь она, батюшка“,...—„Молчи, молчи!“ сказалъ.—„Да вѣдь она“...—„Говорю тебѣ, молчи!“ зажалъ ей ротъ и сталъ учить. Долго училъ. Женщина упала ему въ ноги: онъ благословилъ ее и малютку, далъ и имъ книжку и отпустилъ“. 1) Когда въ числѣ пришедшихъ оказывались грамотные, Макарій освѣдомлялся — какія книги ими читаются, давалъ для прочтенія книги изъ своей библіотеки; желая убѣдиться въ пониманіи читающаго, приказывалъ объяснять мѣста изъ Евангелія, пособлялъ въ изъясненіяхъ и въ самомъ слововыраженіи. Если встрѣчалось мѣсто трудное, Макарій самъ объяснялъ его. Въ такихъ случаяхъ все предстоящія притивали дыханіе: „каждое слово его, по свидѣтельству очевидца, текло изъ ума богомысленнаго, изъ души, носящей въ себѣ Бога живого, изъ сердца горящаго серафимскою любовію къ своему Спасителю:“ — такъ сладко, трогательно, назидательно, а главное, — просто, ясно и убѣдительно умѣлъ бесѣдовать о Макарій. Время незамѣтно летѣло. Какъ будто-бы предчувствовали, что не долго придется жить любимому настоятелю и старались на перерывъ наслушаться, насладиться его поучительными бесѣдами...

1) Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія Д. Д. Фил—нова, ст. 203—204

Любилъ о. Макарій благотворить нищимъ и калѣ-камъ. Нерѣдко въ воскресные и праздничные дни, выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію какого нибудь нищаго, увѣчнаго слѣпца и дряхлаго старца, сажалъ на переднее мѣсто, угощалъ чаемъ, предлагалъ ѣсть и служилъ нищему самъ. Да и любимымъ предметомъ его поученій была любовь къ бѣднымъ и увѣчнымъ. „Не забываютъ, говорилъ онъ часто,—убогихъ и нищихъ нашихъ собратій, подавайте милостыню, кто сколько можетъ, и всегда, и во всемъ прославляйте имя Іисуса Христа.“—И подавая милостыню, онъ всегда спрашивалъ: „а во чье имя, ради кого просишь милостыню?“ И когда получалъ въ отвѣтъ: „ради Христа,“—то, подавая милостыню, говорилъ: „вотъ такъ то, мой другъ, и всегда проси: „прославляйте имя Господа нашего Іисуса Христа.“ И самъ, подавая милостыню, постоянно говорилъ: „прими ради Христа“¹⁾. Не скупясь, раздавалъ онъ нищимъ все, что изъ дохода доставалось ему, какъ настоятелю. „Да и на что монаху имущество?“ говаривалъ онъ: „ему не нужно ни шкатулокъ, ни кошельковъ: бѣдные и убогіе—вотъ его шкатулки! Что въ нихъ положить, того не украдутъ воры, то оторвутъ только на томъ свѣтѣ“²⁾.

Дѣти, какъ и на Алтаѣ, пользовались преимущественнымъ вниманіемъ: для нихъ о. Макарій превратилъ келлію свои въ постоянную школу, гдѣ не мыслимы и не желательны были для дѣтей никакіе каникулы. „По бѣлымъ стѣнамъ довольно просторной залы, свидѣтель-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія Фил—нова, стр. 210.

²⁾ Тамъ же,—стр. 200—201.

ствуеть очевидецъ, были развѣшаны разной величины картоны, исписанные разными библейскими изреченіями, преимущественно взятыми изъ священныхъ книгъ: — Премудрости Соломона и Иисуса сына Сирахова, десять заповѣдей Моисея красовались на огромномъ картонѣ съ буквами болѣе, нежели въ вершокъ. Онѣ первыя должны были бросаться въ глаза каждому, входившему въ эту комнату. Между этими картонами, кое-гдѣ помѣщались съ священными изображеніями небольшія картинки (значить съ полвѣка тому назадъ о. Макарій ввелъ у себя наглядное обученіе, появившееся у насъ лишь только недавно)¹⁾. Каждого ребенка, приходившаго къ нему, спрашивалъ: „знаешь-ли ты какую-нибудь молитву? Какъ молишься Богу, умѣешь-ли читать?“. Если оказывались знающіе молитву Господню и Символь вѣры, то заставлялъ всѣхъ пѣть и самъ пѣлъ вмѣстѣ, а знавшимъ молитвы нетвердо подсказывалъ. Дѣтей, которыя охотно бѣгали къ нему, заставлялъ учить 50-й псаломъ, 10 заповѣдей, 9 изреченій евангельскихъ о блаженствахъ, Слава въ вышнихъ Богу и Тебе Бога хвалимъ²⁾.

Приказывая, подъ своимъ надзоромъ, учить дѣтей своимъ послушникамъ, Макарій по временамъ самъ занимался съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ. Усерднымъ дарилъ часто книжки, которыхъ у него постоянно было множество въ запасѣ.

Въ такихъ бесѣдахъ и занятіяхъ незамѣтно время проходило до обѣда. Народъ приходилъ и уходилъ.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Фил.—нова, стр. 210.

²⁾ Тамъ же, стр. 200.

Въ 4-мъ часу Макарій заставивъ оставшихся проѣтъ въ залѣ молитву Господню и Символь вѣры, отпускалъ съ благословеніемъ и садился обѣдать. Послѣ обѣда онъ не отдыхалъ совсѣмъ, но или осматривалъ монастырь, или опять бесѣдовалъ съ народомъ, постоянно до поздняго вечера толпившимся на дворѣ. Затѣмъ, во время вечерни или всенощной, архимандритъ тоже не оставлялъ людей безъ трогательнаго поученія:—въ теченіи службы незамѣтно двигался среди молящагося народа и тихо говорилъ что-то молившимся. „Я не понималъ, рассказываетъ очевидецъ, чтобъ это значило? О чемъ онъ говоритъ имъ? Удивлялся только, что почти каждый богомолецъ, съ которымъ постоить онъ, точно какъ оживетъ, начнетъ пламеннѣй и усерднѣй, иной со слезами молиться Богу. Послѣ узналъ я отъ одного знакомаго, о чемъ говорилъ съ нимъ архимандритъ.— „Онъ подошелъ ко мнѣ, такъ рассказывалъ знакомый,—и говоритъ: ну, какъ ты молишься? Станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: *Отецъ ты нашъ небесный!*—Я сказалъ: *Отецъ ты нашъ небесный!* „Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ,— „ты усерднѣй, отъ души скажи“ и возвысилъ тонъ голоса: *Отецъ ты нашъ небесный!*—Я повторилъ уже со вниманіемъ и съ чувствомъ. „Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ, „ты еще поусерднѣй и покрѣпче скажи: *Отецъ ты нашъ небесный!* Сердце забилося въ груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ и изъ глубины души воззвалъ: *Отецъ ты нашъ небесный!* „Ну, молись такъ, молись!“ И пошелъ къ другимъ. ¹⁾

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Д. Д. Фил—нова, стр. 204—205.

Такъ трогательно, такъ поучительно проходилъ день о. архимандрита Макарія въ Болховскомъ монастырѣ.

Естественно ожидать, что при столь высокой духовной жизни, при такихъ истинно пастырскихъ отношеніяхъ къ людямъ, о. Макарій сдѣлался весьма популяренъ и не вольно приобрѣлъ громадное вліяніе на народъ. Обаянію его личности всецѣло поддавались всѣ тѣ, которые встрѣчались и говорили съ нимъ. Этотъ сутуловатый старичекъ средняго роста, въ черной дешевой суконной ряскѣ, въ черной скуфейкѣ, съ сѣдыми волосами, прядями лежавшими по его плечамъ, съ сухощавымъ, чистымъ и очень пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ густой бородой, производилъ какое-то благоговѣніе всюду гдѣ ни появлялся. На перерывъ спѣшили къ нему подъ благословеніе, съ возгласами: „батюшка родимый, благослови!“ Женщины хватали полы его ряски и цѣловали ихъ. Полученными отъ него образками, крестиками, ленточками, книжками дорожили какъ святыней. Вліяніе его неотразимо дѣйствовало, когда онъ обращался къ кому нибудь съ словомъ вразумленія. Ни какое слово его не пропадало даромъ, рѣдкое не отдавалось въ слушателяхъ слезами умиленія и неудержимымъ вздохомъ. По собственному признанію слушателей, проповѣдями своими о. архимандритъ: „то потрясалъ душу грѣшника до глубокаго раскаянія, то възгрѣвалъ въ ожесточенномъ сердцѣ сладкую божественную любовь, то возжигалъ въ отчаянномъ лучъ надежды.“ Слово его было такъ живо и дѣйственно, что и попростествіи десятковъ лѣтъ слушатели всецѣло проникаются чувствами проповѣдника и какъ бы слышать его предъ собою¹⁾.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, Фил—нова, стр. 212.

Легко понять послѣ этого, почему слова архимандрита производили всегда благотворный переворотъ въ душахъ слушателей, почему стекавшіеся къ нему уходили съ зачатками новой добродѣтельной жизни.

„Я видѣла сего ученика Христова, благоговѣнно
воскликнула Бакунина,

Ученика вполнѣ дѣлами и душой...

Какъ безмятеженъ взоръ, какъ тихо, кротко слово,

И какъ онъ полонъ весь надеждою святой,

Довѣрія къ Творцу, а къ людямъ снисхожденья

И чувства братскаго Евангельской любви!

Какъ мало онъ цѣнилъ все подвиги свои!

Какая простота и скромность обхожденья!

О, прійми, Творецъ, души благодаренье,

Что видѣла его, что слышать я могла,

И сердцемъ понимать слова его святыхъ!

Священной радостью душа моя свѣтла,

И въ ней, какъ дѣтства въ дни былые,

Вернулись чудныя, небесныя мечты,

И къ міру горнему добра и чистоты

Я стала ближе, и спасенья

Ищу усерднѣе разстроганной душой.....

Принявъ его благословенье,

Быть можетъ, путь начну иной,—

Священный путь благотворенья,

Молитвы и любви святой¹⁾.“

Вліянію незабвеннаго архимандрита Болховитяне обязаны искорененіемъ грубаго обычая существовавшаго въ городѣ. По изстари наслѣдованному обычаю, Бол-

¹⁾ „Домашняя Бесѣда“, 1860 годъ, стр. 85—86.

ховскія дѣвушки, до своего замужества, считали за стыдъ ходить въ церковь.*) Въмѣсто того, чтобы идти въ храмъ, онѣ выносили предъ ворота скамьи и сажались въ полномъ нарядѣ, тутъ же являлись молодые люди и „невѣстились“. Такими скамьями во время все-нощнаго богослуженія уставлялись все улицы города. Архимандритъ Макарій съ посохомъ въ рукѣ обходилъ въ это время улицы города и своими нубжденіями, а также и пастырскими поученіями съ церковной кафедры, успѣлъ искоренить этотъ обычай.¹⁾

Не замѣтно для себя самого, Макарій обладалъ удивительнымъ даромъ—располагать, обнаруживать и исцѣлять застарѣвшія тайныя раны грѣховной души. Передадимъ здѣсь одинъ замѣчательный случай, записанный двумя лицами. „Почти за годъ до своей кончины о. Макарій собрался въ Москву. Пронесся слухъ будто онъ уѣзжаетъ совсѣмъ, и множество народа собралось провожать его.... Въ минуту отъѣзда, незнакомка пожилыхъ лѣтъ, пробившись сквозь толпу, бросилась ему въ ноги, умоляя его исповѣдать ее. Какъ ни извинялся о. Макарій близостью отъѣзда и невозможностью совершить таинство исповѣди иначе, какъ по церковному чиноположенію—въ эпитрахили, передъ крестомъ,—какъ ни совѣтывалъ ей обратиться къ другому духовнику, женщина продолжала плакать и неотступно молить его. Тогда онъ предложилъ ей исповѣдаться всенародно, чтобы все и помолились за нее, по слову Бо-

*) Обычай этотъ существуетъ и теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и перенятъ вѣроятно, такъ же какъ и въ Калужской губерніи, у раскольниковъ.

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 212—213.

жю: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша и моли-
тесь другъ за друга.* „Соблазна-то отъ моего грѣха ни-
кому не будетъ, да какъ-то стыдно, батюшка, при-
знаться предъ всѣми“. „А если соблазна не будетъ, но
только стыдъ одинъ мѣшаетъ тебѣ выбросить змѣю изъ
запазухи, значить ты не боишься этой змѣи, ты не
боишься прятать и грѣть ее! Чего стыдишься? Жен-
щина согласилась и рассказала, что въ молодые годы,
служа въ частномъ домѣ, и пользуясь полнымъ довѣри-
емъ хозяевъ, украла жемчужину отличной величины
тотчасъ послѣ смерти хозяина и скрыла преступленіе
отъ всѣхъ домашнихъ его. „Возврати украденное“,
сказалъ о. Макарій, „безъ того покаяніе твое будетъ
не полное“. Некому отдать, отвѣчала женщина, нас-
лѣдники и всѣ родственники умершаго перемерли, жем-
чужину я продала и деньги прожила“. „Отдай Господу
и нищимъ его“. „Я и сама стала нищая на старости
лѣтъ. Попуталъ меня грѣхъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ
покоя“. „Станьте же всѣ на колѣни“, сказалъ о. Ма-
карій и сталъ тихо молиться. А потомъ сказалъ жен-
щинѣ: „проси милостыню; а что соберешь, все отдай
бѣднымъ ради своей души, пока не раздашь всѣ день-
ги, какія выручила ты за проданную жемчужину“. Жен-
щина стояла на колѣнахъ, лицомъ припадая къ землѣ.
„Встань, дочь моя, да обойди всѣхъ братьевъ и сестеръ,
которые насъ обступаютъ: они помогутъ тебѣ“. Когда
женщина собрала тутъ же нѣсколько денегъ, о. Мака-
рій велѣлъ ей все роздать слѣпцамъ, которые стояли
съ сумками. Потомъ сказалъ ей, чтобы она приходила
въ церковь къ нему, конечно по его возвращеніи изъ

Москвы“, „и когда будешь говѣть, я еще поговорю съ тобою“, прибавилъ онъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву сопровождаемый толпой народа, которая кричала ему: „не покидай насъ, батюшка! Веротись къ намъ родимый!“¹⁾

Поражаемый глубокимъ религіознымъ невѣжествомъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, трогаемый сильной любовью его слушать и принимать за руководство все, что касается Божественнаго и спасенія души, благочестивый архимандритъ сильно скорбѣлъ, видя, что современные ему духовные пастыри мало заботятся о просвѣщеніи своихъ пасомыхъ. Съ приходившими къ нему священниками Макарій постоянно бесѣдовалъ объ одномъ и томъ же: — „зачѣмъ, мы, духовные пастыри, такъ нерадимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ ввѣренныхъ? Зачѣмъ не сближаемся съ ними, какъ отцы съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ дома для бесѣды, не учимъ ихъ на площадяхъ и улицахъ, на поляхъ и дугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ даже молитвы Господней, не переведемъ для нихъ по русски слова Божія? Глупое «*вотчу*» такъ больно отзывалось въ его памяти, что онъ съ сердечною скорбью повторялъ о нерадивыхъ пастыряхъ слова Христа Спасителя: *Горе вамъ, законникамъ, яко взясте ключъ разумній: сами не сидосте, и входящимъ възбраняете.* (Лук. XI, 25).²⁾ Сильно жалѣлъ, что между пастырями въ настоящее время нѣтъ такого общенія, какое было въ первобытной церкви: тогда каждый могъ-бы подѣлиться своею опытностью съ другими, и жизнь пошла-бы полнѣе и обширнѣе. Въ подобныхъ разговорахъ съ

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 213, 214.

²⁾ Тамъ-же, стр. 201.

священниками проходили не замѣтно цѣлыя ночи. „Бывало бьетъ уже далеко за полночь, говорить о. Остромысленскій, жалко станеть лишить его (Макарія) сна, встану и пожелаю ему покойнаго разсвѣта.— „Что вы? скажете. „Куда вы?“ и запоеть: *нощъ не свѣтла не вѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ твоихъ....* Такъ и просидишь до свѣта“.¹⁾

Въ частной своей жизни Макарій до кончины остался тѣмъ же строгимъ аскетомъ и кабинетнымъ труженникомъ. Спаль онъ очень мало, да и то на простомъ диванѣ или голой кровати безъ подушки; ручка дивана, или же боковая дощечка кровати были вмѣсто возглавія; ложился спать онъ почти не раздѣваясь. Только за два дня до кончины, когда стали у него болѣть кости, друзья упросили его лечь въ постель. Кромѣ книгъ и тетрадокъ, чернилъ и пера, ничего не было у него въ комнатѣ и послѣ него не осталось. Отъ него наслѣдовада православная Русь только одно сокровище, да и то мало оцѣненное,—сокровище, которое онъ неустанно и терпѣливо копилъ и оберегалъ въ теченіи почти половины своей жизни, выжидая удобнаго времени подѣлиться этимъ сокровищемъ со всѣми жаждущими его. Это сокровище—плодъ его удивительно настойчиваго, не смотря на всѣ препятствія, непріятности и огорченія, труда—*русскій переводъ Библии*. Въ Болховскомъ монастырѣ о. Макарій по ночамъ просматривалъ и провѣрялъ свой переводъ Ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго, сдѣланный еще на Алтаѣ. Приѣзжая по временамъ въ Москву, онъ въ покояхъ митро-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 201.

полита Филарета, тайно отъ другихъ, съ однимъ знакомымъ молодымъ человѣкомъ свѣрялъ свой переводъ съ англійскимъ немѣцкимъ и французскимъ переводами рылся въ разныхъ лексиконахъ и комментаріяхъ, слылъ его съ рукописнымъ переводомъ Г. П. Павскаго, каковой онъ досталъ въ 1840 году въ Петербургѣ. Друзья совѣтовали ему напечатать свой переводъ за границей при помощи Англійскаго Библейскаго Общества, которое, за неимѣніемъ хорошаго русскаго перевода, довольствуется изданіемъ плохаго. Макарій подъ конецъ жизни и самъ почти склонился къ этой мысли:—въ 1846 году испросилъ себѣ у Святѣйшаго Синода позволеніе отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ въ виоліемской пещерѣ блаженнаго Іеронима или въ другомъ какомъ нибудь Іерусалимскомъ мѣстѣ заняться на свободѣ пересмотромъ своего перевода ветхаго завѣта съ еврейскаго языка на русскій и можетъ быть даже издать его. Но передъ самымъ отъѣздомъ, когда всѣ сборы въ путь были кончены и Макарій разпростился съ Болховитянами, онъ вдругъ простудился и смертельно заболѣлъ. Тотчасъ дали знать митрополиту Филарету,—онъ прислалъ своего доктора; пригласили и болховскихъ врачей, но всѣ медицинскія пособія были напрасны. Совершенно истощенный трудами организмъ разомъ поддался недугу:—болѣзнь началась воспаленіемъ легкихъ, печени и желудка и перешла въ состояніе тифозное. Спинныя кости сильно ныли, но Макарій съ удивительнымъ смиреніемъ переносилъ жестокія страданія. Съ благоговѣйнымъ настроеніемъ готовился онъ къ смерти. За день до кончины въ келлію

его принесли святыя дары, чтобы причастить его. Макарий попросилъ приподнять себя, сталъ на колѣни и медленно полагая на себѣ крестное знаменіе, трижды поклонился до земли. „Потомъ подняли его, передаетъ о. Остромысленскій, и посадили въ кресло. Онъ потребовалъ себѣ полотене, омылъ лице свое, взялъ требникъ и, прочитавъ молитвы, съ такою любовію къ Господу Іисусу принялъ святыя Тайны, что предстоявшіе тогда не могутъ и до нынѣ вспомнить безъ слезъ тѣ благодатныя минуты таинственнаго общенія его съ Господомъ. А за проявленіемъ такой любви къ Господу о. Макарий вскорѣ показалъ чудный примѣръ и своей отеческой любви къ бѣднымъ. — Зналъ онъ, что въ Волховѣ было одно бѣдное семейство, которое отдало свой домъ въ закладъ богатой купчихѣ за 800 рублей и не имѣло, чѣмъ заплатить своего долга. Несчастные должники принуждены были лишиться своего дома въ которомъ состояло все ихъ имущество. Кредиторша никакъ не соглашалась простить имъ долгъ. Батюшка вспомнилъ о несчастныхъ и позвалъ къ себѣ какъ ихъ, такъ и займодавицу. Короткими, но благодатно сильными словами такъ умиротворилъ онъ и тронулъ послѣднюю, что она въ тоже время простила бѣднымъ весь долгъ и отдала имъ закладную“.¹⁾ Въ самый день кончины Макарий молча и неподвижно лежалъ на кровати. Смерти его ожидали ежеминутно. Вдругъ онъ какою-то внутренней таинственной силой быстро поднялся съ главія, сѣлъ, и словно яркій лучъ озарилъ его. Онъ громко и твердо сказалъ: «Святъ Христовъ просвѣ-

¹⁾ „Странникъ“ 1860 г. Августъ, 79—80.

щаетъ вслѣдъ». Склонилъ тотчасъ голову, его бросились поддержать, положили на подушку, и онъ тихо отошелъ 18 Мая 1847 года, 55 лѣтъ отъ роду.

Когда тѣло покойнаго понадобилось положить на столъ, то не нашлось у него и другой простыни, кромѣ одной толстой, узенькой и коротенькой. Одѣли его въ старое платье, потому что лучшаго и не было, эпитрахиль положили тоже старую и даже ветхую, ту самую, которую онъ когда-то получилъ отъ своего духовнаго отца, старца Ливерія. Гробъ по завѣщанію о. Макарія былъ приготовленъ для него не обитый и не крашеный. Похоронили его въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, приготовленномъ бывшимъ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Иринеємъ. Обрядъ погребенія совершалъ преосвященный Смарагдъ, архіепископъ Орловскій. Множество народа неутѣшно оплакивало потерю любимаго настоятеля. „Вземлешься ты, отецъ, нашъ, скорбно восклицалъ надъ гробомъ Макарія Волховскій протоіерей о. Д. С. Поповъ, ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному!

Вземлешься, и увя!—вземлешь съ собою образъ глубоко благоговѣйнаго предстоянія твоего во святомъ храмѣ, ревность твою о совершеніи молитвъ и пѣнія церковнаго въ благочиніи и умленной скорби, предрасполагающей къ сокрушенію о грѣхахъ и покаянію; вземлешь и свои назидательныя бесѣды, которыя во храмѣ и повсюду почти непрестанно произносилъ ты отъ сердца, благодатно напоеннаго спасительными христіанскими истинами и желавшаго во всѣхъ путяхъ во-

образить Христа; возьмешь твои полезные и благодѣтельные совѣты, всегда духомъ вѣры и любви проникнутые и свѣтозарно улепявшіе недоумѣнія и затруднительныя обстоятельства жизни; возьмешь твои сострадательныя утѣшенія и дѣятельное вспомошествованіе бѣдствующимъ и убогимъ; возьмешь твои исполненныя отеческой нѣжности попеченія о дѣтяхъ, которымъ по слову Христа Спасителя, ты не возбранялъ приходить къ тебѣ, чтобы небесное царствіе, имъ усвоенное, сдѣлать навсегда не отъемлемымъ ихъ достояніемъ чрезъ утвержденіе ихъ въ вѣрѣ и благочестіи.

Но можно-ли исчислить все, что мы теряемъ въ тебѣ отецъ нашъ!...¹⁾

IV.

„Свѣтъ Христовъ, просвѣщаетъ всѣхъ“—эти послѣднія предсмертныя слова о. Макарія были девизомъ, программой дѣятельности и пастырскимъ завѣщаніемъ приснопамятнаго архимандрита. Вся жизнь и дѣятельность его были посвящены именно усвоенію и усердному распространенію просвѣтительнаго свѣта Христова. Въ Богѣ, въ общеніи и единеніи съ Нимъ онъ поставлялъ высшее счастье и блаженство человѣка. „Сотворилъ Ты насъ, Господи, для Тебя, и безпокойно сердце наше, пока не успокоится въ Тебѣ“—часто вырывались изъ глубины сердца его сіи слова блаженнаго Августина. Поэтому—Богопознаніе, Богоугожденіе, постоянное нравственное очищеніе и самоусовершеніе

¹⁾ „Орловскія Еперхіальныя Вѣдомости“ 1868 годъ, стр. 1855—1856.

и распространіе царства Божія на землѣ,—царства добра, свѣта, любви, истины и чистоты: — вотъ цѣль жизни о. Макарія, къ которой направлены были все его помыслы и дѣйствія. Глубоко и убѣжденно проникнутый этими идеями, приснопамятный архимандритъ естественно не могъ равнодушно относиться къ религіозному невѣжеству и порочной жизни грѣшниковъ, гдѣ-бы и какъ-бы они не проявлялись. Вслѣдствіе сего обращеніе ко Христу невѣрующихъ, просвѣщеніе людей темныхъ и неразумно вѣрующихъ, исправленіе грѣшниковъ—было потребностію и первою заботою его религіозной и любящей души, христіански просвѣщеннаго ума. Онъ посвятилъ все свои силы духовныя и тѣлесныя на просвѣщеніе, вразумленіе и исправленіе ближнихъ и дальнихъ, своихъ и чужихъ, и на дальнемъ Алтаѣ, и въ Болховѣ и всюду онъ съ одинаковою истинно апостольскою ревностію благовѣствовалъ Слово Божіе, училъ, наставлялъ, вразумлялъ, исправлялъ... Какъ человеку простому и честному, ему любо и легко было не на учебно-административной службѣ, а среди, хотя грубаго, но простаго и искренняго народа, гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ цѣлей и соображеній, кромѣ блага ближняго и царствія Божія. Настоящая и плодотворная сфера его дѣятельности была на Алтаѣ и въ Болховѣ среди грубаго народа, гдѣ онъ бесѣдовалъ отъ сердца прямо къ сердцу, гдѣ не даромъ тратилъ онъ свои слова и задушевныя стремленія. Въ этихъ двухъ мѣстахъ въ полномъ блескѣ развернулась его просвѣтительная дѣятельность—миссіонерская и по переводу Священнаго Писанія на русскій языкъ, къ которой онъ,

такъ сказать, подготовился въ Глинской пустыни. Мы и обязаны теперь разсмотрѣть эту дѣятельность хотя въ общихъ чертахъ и посильно содѣйствовать оживленію ея въ памяти и общественномъ сознаніи православныхъ русскихъ людей. „Воспоминаніе о такихъ свѣтлыхъ личностяхъ, говоритъ объ о. Макаріѣ одинъ изъ его глубокихъ почитателей, составляетъ одно изъ могущественныхъ нравственныхъ средствъ народнаго воспитанія, привлекая симпатіи народа къ тѣмъ мыслямъ и цѣлямъ, которыми руководились покойные дѣятели,— любовь и усердіе къ тому дѣлу, которому они такъ преданно служили; воспоминаніе это особенно необходимо и полезно для той среды, которой ближе всего касается дѣятельность покойнаго... Въ дѣятельности Макарія всякій пастырь, а миссіонеръ въ особенности, найдетъ и примѣръ, и побужденіе, и указаніе, и разумленіе для себя и для своего дѣла“!...¹⁾ Миссіонерско-учительная дѣятельность о. Макарія замѣчательна своей прочной разумной постановкой, глубокимъ вліяніемъ на жизнь народную; переводъ Библии на русскій языкъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ одинъ изъ значительныхъ толчковъ къ изданію полной Библии на русскомъ языкѣ. Обѣ эти дѣятельности тѣснѣйшимъ образомъ связывались у о. архимандрита:—переводческая дѣятельность естественно вытекла и обусловила его миссіонерскую дѣятельность.

Цвѣтущая нынѣ Алтайская миссія всецѣло обязана о. Макарію и своимъ основаніемъ, и своимъ образцовымъ устройствомъ, и тѣмъ истинно религіознымъ оду-

¹⁾ „Миссіонеръ“ 1874 годъ, № 1.

шевлениемъ, которымъ вдохновлялись и вдохновляются
 ея дѣятели. Въ теченіи 13 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ (съ Сен-
 тября 1830 года по 8 Мая 1844 года) начальствованія
 о. Макарія надъ основанной имъ Алтайской миссіей,
 было обращено въ православіе 675 душъ алтайцевъ,
 каковая сумма составила изъ слѣдующихъ ежегод-
 ныхъ данныхъ:

Годы.	Мужск пола.	Женск пола.	Обоего пола.
Въ 1830 году крещено:	5	1	6
” 1831 ” ”	19	8	27
” 1832 ” ”	21	25	46
” 1833 ” ”	12	7	19
” 1834 ” ”	66	64	130
” 1835 ” ”	68	59	127
” 1836 ” ”	22	24	46
” 1837 ” ”	15	13	28
” 1838 ” ”	27	25	52
” 1839 ” ”	10	11	21
” 1840 ” ”	34	26	60
” 1841 ” ”	25	23	48
” 1842 ” ”	23	10	33
” 1843 ” ”	13	9	22
” 1844 ” ”	6	4	10
Итого	366	309	675

Всѣ перечисленные новокрещенные водворены были
 Макаріемъ на осѣдлое жителство въ Улалѣ, Маймѣ,
 Верхнемъ и Нижнемъ Карагужахъ, Мыютѣ и другихъ
 инородческихъ и русскихъ селеніяхъ. Почти каждому
 изъ нихъ о. архимандритъ давалъ возможность,

средства и руководительныя указанія научиться земледѣлю и правильному веденію сельскаго хозяйства и домоводства. Для преподаванія имъ христіанскаго ученія и утвержденія въ вѣрѣ, сдѣлалъ много переводовъ на алтайскій языкъ, перечисленныхъ нами въ своемъ мѣстѣ. Съ цѣлью образованія дѣтей инородцевъ Макарій основалъ три училища: два для мальчиковъ въ Уралѣ и въ Маймѣ и одно для дѣвочекъ въ Маймѣ. Ежегодное количество учениковъ въ каждой школѣ было отъ 5—20; ученицъ отъ 7—13. Предметами преподаванія служили:—славянская и русская грамота, Законъ Божій, церковное пѣніе и элементарныя правила ариметики. Учебники для этихъ школъ выбиралъ съ большой тщательностью, и въ 1841 году составилъ свое „начальное ученіе,“ къ сожалѣнію не напечатанное. Для призрѣнія безпомощныхъ и больныхъ новокрещенныхъ учредилъ богадѣльню въ Маймѣ. При крайне скудныхъ средствахъ соорудилъ слѣдующія зданія для миссіи. Въ Маймѣ:—а) узкій, длинный домъ, въ которомъ помѣщались походная церковь, начальникъ миссіи (въ первое пятилѣтіе) и его сотрудники, б) домъ изъ двухъ комнатъ раздѣленныхъ сѣнями для Софіи Вильмонъ и женскаго училища и в) такого-же устройства, но побольше размѣрами, домъ для пріюта больныхъ. Въ Уралѣ Макаріемъ построены: а) небольшая деревянная церковь, б) не большой домъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями и в) домъ о четырехъ комнатахъ, начатый постройкой для жительства С. В. Ландышева. Въ Мыотѣ былъ поставленъ домъ на случай пріѣзда туда миссіонеровъ съ походной церковью.

Подъ руководствомъ самоотверженнаго о. архимандрита трудилось въ Алтайской миссиі 17 человекъ, управляя разными должностями—каждый по мѣрѣ своихъ способностей и умѣнья. Сотрудники эти слѣдующіе:— 2 іеромонаха—о. Анастасій, трудившійся съ перерывами отъ конца 1836—1840 годъ и о. Парфеній, служившій съ 1839—1844 годъ; 3 священника—о. Андрей Юнинъ 1833—1834 годъ, о. Алексѣй Глухаревъ, братъ архимандрита Макарія, 1837—1840 годъ и о. Василій Вескій 1837—1841 годъ; 3 воспитанника семинаріи—Василій Поповъ, умершій 9 Ноября 1830 года, Алексѣй Волковъ 1830—1832 года и Стефанъ Ландышевъ съ 1836 года, ставшій, послѣ отставки о. Макарія, начальникомъ миссиі; 2 ученика духовнаго училища Михаилъ Нигрицкій 1836—1842 годъ и Тимофѣй Экзерцевъ съ 1843—1844; 1 студентъ ветеринарнаго отдѣленія Московской Медико-Хирургической Академіи Артемій Левицкій съ 1840 года, принявшій послѣ о. Макарія монашество съ именемъ Акакія и ревностно подвизавшійся сначала въ званіи миссіонера Мыютинскаго, а потомъ Черно-Ануйскаго отдѣленія Алтайской миссиі; 4 лица простаго званія—старецъ Петръ Лисицкій 1831—1840 года, Архипъ Орловъ изъ отставныхъ солдатъ 1840—1844, выбывшій изъ миссиі вмѣстѣ съ архимандритомъ Макаріемъ въ Болховъ, Петръ Тарбаевъ изъ дьячковъ Владимірской губерніи съ 1836—1840 и крестьянинъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ Филиппъ Гилевъ съ 1836 года († 4 Юля 1847 года); 2 лица женскаго пола—старица Прасковья Ландышева, мачиха С. Ландышева, съ 1838 года и дѣвица Софія

де-Вильмонъ съ 1840--1843 года. Кромѣ сихъ, при миссіи состояли два молодыхъ толмача изъ новокрещенныхъ.

Всѣхъ этихъ сотрудниковъ собралъ Макарій около себя безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, единственно силой своей вѣры, любви и искренности. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ о. архимандритъ всегда былъ простъ, отечески ласковъ и учителенъ, находясь самъ въ постоянныхъ трудахъ, требовалъ и отъ нихъ чтобы, они не сидѣли безъ дѣла, не проводили время въ праздности. Часто въ глубокую полночь будилъ ихъ и заставлялъ читать полунощницу или акаѳисты, приучая ихъ чрезъ это къ молитвенному подвигу, столь необходимому для проповѣдниковъ Евангелія. Въ миссіонерскихъ запискахъ своихъ Макарій оставилъ сотрудникамъ прекрасные уроки миссіонерствованія:—какъ обращаться, учить, крестить, какъ заботиться объ язычникахъ и новокрещенныхъ. И всѣ сотрудники, трогаемые такимъ отношеніемъ къ нимъ начальника миссіи, его самоотверженною дѣятельностію, поражаемые также его дивною прозорливостію, открывавшею тайныя ихъ помысленія, съ своей стороны питали къ о. архимандриту глубокую любовь и уваженіе. По примѣру о. Макарія, и ихъ дѣятельность была тоже безкорыстна, самоотверженна, полна благодушнаго терпѣнія въ скорбяхъ и неизбѣжныхъ миссіонерскихъ неприятностяхъ.

При нищенскихъ средствахъ Макарій сумѣлъ содержать вышеперечисленное миссіонерское братство, устроивъ жизнь его на правилахъ строгаго общежитія, положенныхъ въ основу организаци миссіи. „Никому

изъ служащихъ тогда, говоритъ протоіерей Вербицкій, оклада не было; но нужды каждаго, по распоряженію начальника миссіи, удовлетворялись самымъ скуднымъ образомъ. Для служащихъ въ то искусительное время мало было безкорыстія, но требовалось еще самоотверженіе: кто не имѣлъ этого качества, необходимаго для миссіонера, тотъ выходилъ изъ миссіи¹⁾.

Уже одно перечисленіе этихъ, далеко незаурядныхъ, результатовъ миссіонерской дѣятельности о. Макарія само-собою опредѣляетъ значеніе архимандрита для основанной имъ Алтайской миссіи. Ограниченное число, обращенныхъ имъ въ теченіи почти 14 лѣтъ, не должно смутить всякаго, знакомаго съ его разносторонней дѣятельностію. Не гоняясь за числомъ крещенныхъ, архимандритъ Макарій весьма правильно и надежно поставилъ свою миссію. Онъ устроилъ внутреннюю организацію миссіи, своими правилами вдохнулъ въ миссіонеровъ духъ братскаго единенія, общность и взаимноотчетность въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ. Благодаря этому духу, алтайскіе миссіонеры до 1858 года, не тяготясь, ревностно трудились, не получая никакого жалованья, а пользуясь „общимъ содержаніемъ“. Макаріемъ же начертанъ былъ прекрасный планъ алтайскаго миссіонерства, планъ до того рассчитанный и вѣрный, что пріемники Макарія неуклонно слѣдовали ему.

Отдѣляя самихъ новокрещенныхъ отъ некрещенныхъ и усердно культивируя и образовывая ихъ, о. архимандритъ черезъ то приготовилъ надежный путь хрис-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, 176 стр.

тіанству распространиться по Алтаю и чрезъ самихъ же инородцевъ. Переводъ оглашеній, поученій, Священной Исторіи съ Катихизисомъ и Священнаго Писанія на алтайское нарѣчіе далъ возможность каждому грамотному алтайцу, разносить христіанство по юртамъ не крещенныхъ родственниковъ и знакомыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе же обезпечивающее осѣдлое хозяйство новокрещенныхъ, зачатки культурнаго просвѣщенія подъ руководствомъ миссіонеровъ и лучшихъ русскихъ поселенцевъ заключали въ себѣ всѣ условія перерости кочевниковъ цѣлой головой и производить на нихъ при разумномъ руководствѣ, благотворительное христіанское вліяніе.

Прекрасно поставленное алтайское миссіонерское дѣло Макарій думалъ упрочить и обезпечить основаніемъ мужскаго монастыря и женской общины на Алтаѣ, но въ началѣ 1860-хъ годовъ за осуществленіе этихъ мыслей взялись люди, совсѣмъ не знакомые ни съ миссіонерствомъ, ни съ Алтаемъ. Своимъ не умѣлымъ исполненіемъ они только лишили всякаго значенія мужской монастырь, устроивъ его въ недоступномъ углу Алтая— Чолышманскомъ ущельѣ.

Не ограничиваясь судьбой основанной и взлелѣянной Алтайской миссіи, о. архимандритъ горячо занимался судьбою вообще миссіонерскаго дѣла въ Россіи. Миссіонерская опытность и тактъ его представится яснѣе, если ознакомимся, хотя вкратцѣ, съ основными положеніями его *„Мыслей къ успѣшнѣйшему распространенію христіанства между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ“*. Особенный интересъ и

значеніе получаютъ эти „мысли“ оттого, что въ нихъ дѣло понято чрезвычайно вѣрно, глубоко и поразительно естественно. Макарій самъ пережилъ и перечувствовалъ многое изъ того, что написалъ. „Мысли“ не останавливаются на какихъ нибудь полумѣрахъ, искусственныхъ привлеченіяхъ и виѣшнихъ приманкахъ къ миссіонерскому дѣлу. Ими указалъ вѣрный, естественный, хотя и медленный, путь къ успѣшнѣйшему развитію русскаго миссіонерства, разрѣшенъ миссіонерскій вопросъ въ самомъ корнѣ.

Опытный миссіонеръ отлично сознавалъ, что для русскаго миссіонерскаго дѣла нужно прежде всего подготовить условія, которыя обезпечивали-бы его дальнѣйшій ростъ и развитіе. Полагая, что тогда только можетъ явиться въ Россіи и желаніе, и умѣнье просвѣтить христіанской вѣрой людей, не вѣдающихъ Христа, когда для самой Россіи христіанство будетъ живой и дѣятельной нравственной силой, о. архимандритъ первымъ условіемъ успѣха русскаго миссіонерства считалъ оживленіе и усиленіе религіозности въ русскомъ народѣ. Въ частности для успѣха миссіонерства представляется наиболѣе необходимымъ возбужденіе и усиленіе въ духѣ нашего народа слѣдующихъ истинъ.

- 1) Святая Библия есть единственное, чистое и полное откровеніе Божіе, въ которомъ сообщена человѣку воля Божія; есть источникъ истинной религіи.
- 2) Святая вѣра Христова, основанная на божественномъ откровеніи, есть единственный, Богомъ указанный людямъ, путь къ истинному спасенію и блаженству.
- 3) Святая Христова вѣра принесла и приноситъ на-

родамъ безчисленныя благословенія Божіи, и здѣсь на землѣ, но высшая цѣль религіи—приготовить достойныхъ гражданъ и наслѣдниковъ небеснаго царства. Небо—высшая цѣль жизни и дѣятельности, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа.

4) Если въ народѣ господствующая религія—христіанская, то духъ этой религіи духъ Христовъ долженъ господствовать въ народѣ и оживлять его дѣятельность. Все служеніе божественнаго Основателя христіанства и его апостоловъ было направленно къ просвѣщенію людей истиннымъ ученіемъ и ихъ спасенію. Этотъ духъ любви Христовой всегда господствовалъ въ апостольской церкви, которая любитъ и старается соединять все народы въ одно семейство Бога истиннаго... Этимъ же духомъ и чувствомъ христіанской любви должны опредѣляться и наши отношенія къ людямъ иновѣрнымъ и невѣрнымъ. Любовь христіанская къ людямъ другихъ вѣрованій относится прежде всего терпимо, она долго терпитъ въ молитвѣ и ожиданіи, пока Господь благоволитъ просвѣтить ихъ свѣтомъ Своей вѣры. Но эта терпимость отнюдь не должна быть слѣдствіемъ и выраженіемъ религіознаго индефферентизма и равнодушія, а тѣмъ больше не должна переходить въ потворство лжи и невѣрію... Христіанская любовь терпитъ церкви лукавующихъ, но не поддерживаетъ ихъ, а напротивъ всякими, достойными благовѣствованія Христова, образами искренно, усердно и постоянно содѣйствуетъ Сыну Божію, пришедшему разрушить дѣла діавола; христіанская любовь милосердствуетъ и о невѣрныхъ, но не радуется не правдѣ, и все дѣла мило-

сердія частнаго и общественнаго не къ тому направ-
ляетъ, чтобы подумали, будто всё вѣрованія одинаковы,
но къ тому, чтобы и невѣрные возлюбили вѣру Хрис-
тову и покорились ей!¹⁾

Сказавши затѣмъ, что на русской церкви лежитъ
священнѣйшая обязанность просвѣтить истинной вѣрой
многочисленныя не христіанскія племена, врученныя
Россіи Самимъ Провидѣніемъ, о. архимандритъ считаетъ
важнѣйшимъ средствомъ для возбужденія сознанія во
всемъ русскомъ народѣ своего великаго просвѣтитель-
наго назначенія, переводъ и изданіе полной Библии
на живомъ народномъ нарѣчій въ той ясности и
вразумительности, въ какой Провидѣнію Божию было
благоугодно даровать ее человѣчеству на языкахъ ори-
гинальныхъ. Изданіе Библии на русскомъ языкѣ онъ
признавалъ рѣшительно необходимымъ не только для
массы простаго народа, но и для „не малой части слу-
жителей церкви“, не могущей хорошо разумѣть многое
въ В. З. на славянскомъ, мертвомъ уже нарѣчій. А
чтобы Святая Библия разливала обильнѣйшею мѣрою
истинный свѣтъ въ Россійской церкви, необходимо ум-
ноженіе числа грамотныхъ въ простомъ народѣ. Это
можетъ быть достигнуто заведеніемъ школъ не только
по селамъ, но и по всѣмъ деревнямъ, и не для однихъ
мальчиковъ, но и для дѣвочекъ—будущихъ матерей и
первыхъ учительницъ юныхъ поколѣній. Дѣло обуче-
нія въ народныхъ школахъ должно быть возложено на
духовенство, и потому каждое селеніе должно имѣть
свою церковь и своего священника съ причетникомъ,

¹⁾ „Миссіонеръ“ 1874 годъ, № 12.

какъ того желалъ и поставлялъ за правило еще свя-
тый Златоустъ. Храмы должны быть самой простой,
не затѣливой архитектуры, а школами по нуждѣ мо-
гутъ быть дома священниковъ и причетниковъ. Сред-
ства къ построению храмовъ и школъ въ деревняхъ
отчасти могла-бы дать казна государственная, отчасти
они могли-бы составиться изъ пожертвованій частныхъ
лицъ и наиболѣе богатыхъ церквей и монастырей. Пол-
ное осуществленіе этого дѣла, конечно потребовало-бы
напряженныхъ усилій, но оно могло-бы приводиться
не вдругъ, а постепенно.... А съ другой стороны „всѣ
затрудненія, по словамъ Макарія, ничего не значать
въ сравненіи съ важнѣйшею и священнѣйшею нуждою
церкви и государства, состоящею въ христіанскомъ про-
свѣщеніи всего народа. Ибо чѣмъ болѣе свѣтъ Хрис-
товъ будетъ распространяться въ нашемъ народѣ, тѣмъ
онъ въ безчисленныхъ прикосновеніяхъ къ инородцамъ
и въ сношеніи съ ними благотворнѣе будетъ дѣйстви-
вать на невѣрныхъ и приближать ихъ къ соединенію
съ церковью Христовой; тѣмъ болѣе добрыхъ дѣлате-
лей для жатвы Господней церковь будетъ получать
отъ народа, и когда миссіонеры будутъ стараться о за-
веденіи дѣтскихъ училищъ между новокрещенными, тог-
да сіи не скажутъ имъ: „почему же вы мучите насъ,
когда старыхъ христіанъ своихъ не учите знать хри-
стіанскую вѣру“.¹⁾

Помимо того, что христіански просвѣщенный народъ
будетъ благотворно вліять на невѣрныхъ, онъ же самъ
изъ себя дастъ возможность создать правильную орга-

¹⁾ „Миссіонеръ“ 1874 годъ, стр. 191.

низацию веденія миссіонерскаго дѣла, дастъ людей за-вѣдующихъ миссіонерствомъ и трудящихся непосредственно на тернистомъ поприщѣ просвѣщенія инородцевъ. Сама собою откроется тогда необходимость въ учрежденіи такого сословія или общества, которое, при соизволеніи и покровительствѣ самодержавной власти, могло-бы состоять изъ лицъ всѣхъ званій, всюду бы собирало средства для святаго дѣла миссіи, и благо-разумно направляло-бы ихъ туда, гдѣ окажется въ нихъ большая надобность,—въ учрежденіи *Россійскаго Миссіонерскаго Общества*. На миссіонерскомъ обществѣ долж-на лежать обязанность поддерживать и обезпечивать миссіи среди инородцевъ, имѣть постоянно людей год-ныхъ для замѣщенія вакантныхъ миссіонерскихъ долж-ностей и поддерживать вниманіе и любовь народа къ великому просвѣтительному дѣлу. Отсюда надобность въ средствахъ, образовательныхъ миссіонерскихъ заве-деніяхъ мужскихъ и женскихъ и въ изданіи журнала, который можно назвать „*Вѣстникомъ Россійской Церкви*“. О. Макарій не сомнѣвается, что религіозно-просвѣщен-ный народъ не покусится дать средства на миссіо-нерское дѣло. Миссіонерское же общество на эти сред-ства должно озаботиться прежде всего устройеніемъ образовательныхъ миссіонерскихъ заведеній. Мѣстомъ наиболѣе удобнымъ для открытія миссіонерскихъ заве-деній Макарій считаетъ Казань, какъ городъ самый близкій къ мѣстностямъ населеннымъ инородцами, и не слишкомъ удаленный отъ центральныхъ русскихъ го-родовъ и губерній. Самыя же образовательныя заведе-нія въ пользу миссіи, по Макарію были-бы не иное

что, как общежительные монастыри—мужской и женский, предназначенные къ образованію благонадежныхъ миссіонеровъ и подвижницъ, достойныхъ того же званія. Составъ этихъ образовательныхъ миссіонерскихъ монастырей былъ бы слѣдующій. Мужской монастырь составляютъ: а) иноки и не постриженные послушники изъ общежительныхъ и другихъ монастырей; б) мірскіе христіане всѣхъ возрастовъ и состояній, которымъ-бы только правительство дозволило вступить въ это миссіонерское братство; в) но *въ особенности же* дѣти и юноши духовнаго званія, воспитанники академій, семинарій и низшихъ учебныхъ заведеній духовныхъ, избранные и расположенные къ службѣ миссіонерской. Женская миссіонерская община можетъ состоять: а) изъ монахинь и находящихся въ искуствѣ подвижницъ изъ общежительныхъ и другихъ женскихъ монастырей; б) всякихъ лѣтъ дѣвицъ и вдовъ изъ разныхъ мірскихъ сословій и в) въ особенности изъ духовнаго званія.¹⁾ Сосредоточить образовательныя миссіонерскія заведенія въ двухъ общежительныхъ монастыряхъ о. Макаріи считаетъ удобнѣйшимъ въ видахъ особенности миссіонерскаго служенія. Для миссіонера, кромѣ теоретической подготовки, нужна еще и, даже гораздо болѣе первой, нравственная которая должна состоять въ постоянномъ внутреннемъ самоиспытаніи, въ постоянной повѣркѣ искренности своего расположенія служить святому дѣлу, въ постоянномъ отрѣшеніи себя отъ мелкихъ личныхъ и земныхъ интересовъ, привязанностей и различныхъ удобствъ жизни, и наконецъ въ постоянномъ

1) „Миссіонеръ“ 1874 годъ, 392 стр.

навыкъ жить общею жизнью общины, и съ искреннею готовностію служить другимъ всёмъ, чѣмъ только можно.

При обоихъ такихъ монастыряхъ должно быть по *миссіонерскому институту*. Курсъ миссіонерскаго института о. архимандритъ полагаетъ въ 12 лѣтъ. Поступать въ него могутъ воспитанники отъ 12 и болѣе лѣтъ, хорошо извѣстные епархіальному начальству и благонадежные по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Между миссіонерскимъ монастыремъ и собственно институтомъ должна существовать самая близкая и живая связь: „здѣсь всё—ученые и неученые, грамотные и неграмотные, люди всякаго званія и возраста,—юноши, мужи и старцы имѣютъ одно общее назначеніе и цѣль. Всѣ члены общины должны жить по одному уставу, имѣть общую пищу, общее одѣяніе, общіе труды и т. д. Здѣсь и грамотные нерѣдко учились-бы у безграмотныхъ, и безграмотнымъ помогали-бы грамотные; здѣсь простецы не были-бы унижаемы учеными, и науки не были-бы презираемы неучеными по пустому. При такихъ условіяхъ и изъ братіи монастыря конечно всегда нашлись-бы полезные дѣятели на миссіонерскомъ поприщѣ, и по усмотрѣнію начальства общины могли-бы посылаться на такое, или иное служеніе, сообразное съ ихъ умственнымъ развитіемъ, познаніями и нравственными качествами“.¹⁾

Далѣе идутъ подробнѣйшія до мелочей „мысли“ относительно надзора за воспитанниками, наукъ, въ числѣ коихъ видное мѣсто отводится языкамъ и *медицинѣ*, и разныхъ учебно-воспитательныхъ приемовъ. („Миссі-

¹⁾ Миссіонеръ 1875 года, 218 стр.

онеръ * 1878 годъ, стр. 137—140, 145—147, 153—156, 289—292, 297—300).

При работахъ о подготовкѣ надежныхъ миссіонеровъ, Миссіонерское Общество издавало-бы книги, необходимыя для успѣховъ миссій. Такими книгами о. архимандритъ считаетъ прежде всего Библию на русскомъ и инородческихъ языкахъ съ краткими примѣчаніями, творенія древнихъ и новѣйшихъ апологетовъ христіанства, сочиненія, направленные противъ иновѣрныхъ по преимуществу магометанъ, книги нравоучительнаго характера. Въ періодическомъ же изданіи Миссіонерскаго Общества „*Вѣстникъ Россійской Церкви*“ помѣщались-бы: 1) древности Россійской церкви, біографіи достопамятныхъ лицъ русской церкви новѣйшаго времени, ученіе вѣры, слова и бесѣды знаменитыхъ пастырей и учителей нашихъ, современная исторія русской церкви; 2) извѣстія изъ другихъ церквей православнаго исповѣданія, важнѣйшія современныя событія въ другихъ христіанскихъ церквахъ, и въ особенности современные успѣхи христіанскихъ миссій въ разныхъ странахъ свѣта, библіографія или извѣстія о важнѣйшихъ книгахъ содержанія христіанскаго, издаваемыхъ какъ въ русской, такъ и въ другихъ церквахъ; 3) новѣйшія извѣстія о іудействѣ, магометанствѣ и язычествѣ, ересяхъ и расколахъ; 4) Некрологія ¹⁾ Всѣ подробныя труды Миссіонерскаго Общества весьма сильно содѣйствовали-бы возбужденію въ народѣ духа благочестія и усердія къ святой церкви, и желанію потрудиться такъ или иначе къ распространенію царства Божія на землѣ.

¹⁾ „Миссіонеръ“ 1874 годъ, 295 стр.

Дальнѣйшія „мысли“ Макарія касаются миссіонеровъ монашествующихъ (Миссіонеръ 1878 года, стр. 338—340), миссіонеровъ священниковъ не монашествующихъ (345—347), женскаго миссіонерскаго института (353—355), обязанности діакониссъ при миссіяхъ (361—364), значенія центральнаго миссіонерскаго стана (369—371), правъ и обезпеченія служащихъ при миссіи (376—379). Съ мельчайшими подробностями намѣчаются здѣсь:— мѣста дѣятельности миссіонеровъ, кругъ ихъ обязанностей, отношенія другъ къ другу, пріемы, знакомства и миссіонерствованія среди инородцевъ, заботы объ ихъ просвѣщеніи и устроеніи внѣшняго быта и пр. и пр.

Разсмотрѣніе хотя-бы и краткое, этихъ послѣднихъ главъ завлекло-бы насъ очень далеко и всетаки не дало-бы возможности представить въ надлежащемъ видѣ и свѣтѣ содержаніе этого замѣчательнаго проэкта, свидѣтельствующаго не только объ административныхъ способностяхъ о. Макарія, но и его глубокомъ знаніи и пониманіи жизни и ея нуждъ и потребностей. Проэктъ этотъ долженъ быть предметомъ особаго научнаго изслѣдованія.

Не даромъ Макарій такъ горячо и хлопоталъ объ осуществленіи этого проэкта, не даромъ такъ много, не унывая, перенесъ огорченій и неприятностей изъ за этого проэкта—особенно изъ за главъ, настаивающихъ на необходимости перевода и изданія Библии на народномъ языкѣ. Онъ хорошо понималъ важность и жизненность проводимыхъ имъ взглядовъ. Здравыя эти мысли, не смотря на гоненія и заброшенность ихъ въ то время, постепенно приводятся въ исполненіе. Теперь же мы поль-

зуюсь полною Библіею на народномъ русскомъ языкѣ, видимъ не малое распространеніе въ народѣ религіознаго просвѣщенія, на нашихъ глазахъ образовалось *Православное Миссіонерское Общество*, издававшее 6 лѣтъ (1874—1879) журналъ „*Миссіонеръ*“ и съ 1893 года намѣревающееся возстановить его подъ именемъ „*Православнаго Благовѣстника*“. Приводится отчасти въ исполненіе и проэктъ о. Макарія о миссіонерскомъ институтѣ чрезъ открытіе въ Казанской духовной академіи миссіонерскихъ отдѣленій и двухъ-годичныхъ миссіонерскихъ курсовъ. Дай Богъ полнѣйшаго осуществленія этому замѣчательному и превосходно разработанному проэкту. Въ новѣйшее время священникъ Д. Касицинъ особенно настаиваетъ на необходимости основанія спеціального миссіонерскаго института по „Мыслямъ“ Макарія.¹⁾

При горячемъ отстаиваніи первой основной мысли своего миссіонерскаго проекта—необходимости оживленія религіозности въ русскомъ народѣ чрезъ переводъ Библіи для успѣховъ миссіонерства среди инородцевъ, Макарій, какъ извѣстно, ревностно принялся самъ переводить Священное Писаніе на русскій языкъ и ходатайствовать объ изданіи полной Библіи. На этотъ трудъ онъ употреблялъ все свободное время и всѣ ночи, когда былъ на Алтаѣ и въ Болховскомъ монастырѣ. Мысль свою о необходимости изданія полной Библіи на русскомъ языкѣ Макарій, помимо миссіонерскаго проекта, высказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ

¹⁾ См. „Душеполезное чтеніе“ 1890, годъ часть II и III. Статьи: „Наши Православныя Миссіи“ и „Православная Миссіонерская Академія“.

всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, начиная съ Филарета, митрополита Московскаго. Ее онъ отстаивалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ постоянствомъ, настолько самоотверженно, что совсѣмъ игнорировалъ и считалъ за ничто всякія другія мѣры къ лучшему устройству русскаго миссіонерства. Тогда только возможнымъ представлялось ему единомысленное соединеніе инородцевъ съ русскимъ народомъ подъ главою единаго Пастыря, когда вся невѣжественная масса русскаго народа, эти „сухія кости“, оживится словомъ Божиимъ и, чрезъ постоянное сожителство, непрестанныя сношенія, сольетъ съ собою во едино стадо всѣхъ инородцевъ. Безъ этого же самопросвѣщенія русскіе своимъ невѣжествомъ и соблазнительнымъ поведеніемъ только будутъ разрушать успѣхи миссіонеровъ. Да и будутъ-ли вообще хорошіе миссіонеры? „Не вошелъ-бы, говоритъ о. архимандритъ, въ число миссіонеровъ нашихъ нѣкто подобный одному клирику, приходившему ко мнѣ съ объявленіемъ, что онъ желаетъ послужить святой церкви проповѣданіемъ слова Божія иновѣрцамъ. Хорошо, говорю, другъ мой; но скажи мнѣ сколько у насъ боговъ, чтобъ знать, какую вѣру мы намѣрены проповѣдывать. И что же? Онъ насчиталъ мнѣ ихъ не только три, но и четыре, и пять, и можетъ быть простерся бы далѣе, если-бы я не пресѣкъ этого исчисленія“.¹⁾ „Вы изъявили готовность, писалъ Макарій оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода 28 Іюня 1836 года, принять въ разсужденіе мнѣніе мое о мѣрахъ, служащихъ къ лучшему устройству миссіи здѣшней“. Изложивъ по-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 134.

томъ подробнѣйшимъ образомъ, съ опроверженіемъ ходячихъ возраженій, мысли о необходимости русскаго перевода Библии, Макарій заключаетъ свое письмо слѣдующими словами. „Если Россійская церковь получитъ руссійскую Библию, переведенную съ оригиналовъ, то отъ сей мѣры, съ не сомнѣнною вѣрою, буду ожидать преемниковъ по службѣ моей, которые будутъ лучше такого, какъ я, предшественника; отъ сей же мѣры могу ожидать еще того благополучія, что сіи добрые дѣлатели будутъ имѣть въ здѣшнемъ русскомъ народѣ такихъ помощниковъ и сотрудниковъ, которые не будутъ невѣжествомъ разрушать, что они умѣютъ построить, но съ просвѣщеннымъ усердіемъ и содѣйствіемъ возвысятъ успѣхи миссіонеровъ, и что тѣ и другіе, пріемля полнѣйшею мѣрою свѣтъ откровеній Божіихъ посредствомъ руссійской Библии, будутъ обильнѣйшею мѣрою сообщать сей благотворный свѣтъ и народамъ, которые въ самомъ дѣлѣ для того покорены Россіи Провидѣніемъ Божіимъ, что-бы Россія поставила и руководствовала ихъ на пути къ вѣчному блаженству во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ“.¹⁾ Затѣмъ Макарій проситъ оберъ-прокурора предложить Государю Императору издать на царское иждивеніе роскошную Библию полиглотту на языкахъ—еврейскомъ, греческомъ, славянскомъ и русскомъ. „Когда живые языки народовъ современныхъ намъ, настаиваетъ Макарій, одинъ за другимъ освящаются, содѣлываясь органами всѣхъ откровеній Божіихъ человѣкамъ, изреченныхъ Духомъ Святымъ на языкахъ еллинскомъ въ Новомъ Заветѣ,

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 140.

а на еврейскомъ въ писаніяхъ Ветхаго, почто російскій языкъ и народъ медлитъ полною мѣрою причаститься сего-же освященія истиною и словомъ Божиимъ?..... Не предназначена-ли и Ты, Святая Церковь Россійская, быть великимъ собраніемъ свѣтлыхъ лучей животворящаго солнца правды, Христа, сосредоточеннымъ въ одно дѣло? Какъ видимое солнце посылаетъ лучи свои на землю, на луну и на другія громады темнаго вещества, подчиненныя сему князю свѣта вещественнаго, такъ Христось, солнце духовнаго міра, не посылаетъ-ли и Тебя, дочь свѣта, по опредѣленному и указанному Тебѣ направленію въ міръ, лежащій въ землѣ, дабы свѣтъ его просвѣщалъ чрезъ Тебя темныя массы многихъ народовъ, поставленныя Провидѣніемъ Его на пути силы и державы Твоей и вліяніямъ Твоимъ преданныя, дабы, какъ Ты, бывъ нѣкогда тьмою, содѣлалась свѣтомъ въ Господѣ? Сіи народы одѣваютъ и украшаютъ Тебя, о дочь Россіи, лисицами, соболемъ, бобрами: ужели они для того и поручены Тебѣ Господомъ Богомъ, чтобы служить и угождать прихотямъ роскоши? Ужели Владыка небесный для того и предалъ державѣ Твоей землю Сибирскую, чтобы облить Тебя золотомъ и серебромъ, изрываемымъ изъ нѣдръ этой земли, принадлежавшей татарамъ, остякамъ, самоѣдамъ, калмыкамъ и прочимъ многимъ? Не должна-ли Ты заплатить имъ за сіи драгоценности словомъ Божиимъ, котораго польза и достоинство до безконечности выше сребра и злата и драгоценныхъ камней? Не обязана ли за сіи пышныя одѣянія облечь ихъ во Христа, въ бѣлыя ризы праведности Христовой? Но

если Ты сама будешь страшиться увидѣть полный свѣтъ откровеній Божіихъ въ русскомъ словѣ, то увидятъ-ли посредствомъ Тебя великій свѣтъ сіи народы, которыхъ Провидѣніе Божіе ввѣрило попеченію Твоему?“. ¹⁾..... „Смотрите, продолжаетъ о. архимандритъ, какъ работаютъ въ церквахъ Великобританіи и Германіи; смотрите на усиліе сихъ церквей въ образованіи пастырей и учителей; смотрите на устроенія и дѣйствія миссій ихъ; смотрите на моравскую церковь, на общины ея, разсѣяныя по вселенной, на ея подвиги и успѣхи въ проповѣданіи язычникамъ Иисуса Христа распятаго. Но во всѣхъ сихъ церквахъ народы читаютъ полную Библию на живыхъ народныхъ языкахъ своихъ: вотъ что прежде всего надлежитъ перенять для того, чтобы Духъ Иисуса Христа возрождалъ, оживлялъ, освящалъ, оплодотворялъ и руководствовалъ россійскій народъ къ его столь великому назначенію въ царствіи Божіемъ, сколь велико число и различіе тѣхъ народовъ, которые доселѣ не привиты къ Спасителю челоуѣковъ Иисусу Христу“. ²⁾.... „У насъ нельзя и ожидать того, чтобы одни миссіонеры и клирики приходскихъ церквей проповѣдывали иновѣрцамъ Бога истиннаго; но и всѣ православные земледѣльцы и торговые люди не рѣдко изъясняютъ имъ вѣру, которую называютъ „крещеною“, и многіе изъ сихъ учителей называютъ честныя иконы богами, а полочки, на которыхъ онѣ стоятъ, божницами. Такимъ образомъ вообще русскій народъ, хотя доселѣ кажется не довольно собравшійся съ силами, долженъ содѣйствовать обращенію ко Хрис-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 131—132.

²⁾ Тамъ-же, стр. 133 и 134.

ту многихъ племень, вкупѣ съ нимъ составляющихъ одну державу; и чѣмъ болѣе въ русскомъ народѣ умножался-бы свѣтъ Христовъ, тѣмъ болѣе добра Христова онъ сообщалъ-бы инотѣрцамъ безчисленными точками непрестанныхъ сближеній съ ними, прикосновеній къ нимъ, сообщеній и свлзей съ ними по дѣламъ и нуждамъ временной жизни¹⁾ И сами инородцы, языкъ которыхъ не созрѣлъ еще для перевода Библии, читая русскую Библию, знакомились-бы съ христіанствомъ. А мелкіе инородцы, какъ безграмотные, и не могутъ пользоваться другою Библиею, кромѣ русской.

Помимо инородцевъ-язычниковъ, въ Россіи множество магометанъ и евреевъ, для обращенія коихъ существенно необходимо православному вразумительно читать слово Божіе на понятномъ нарѣчій: „ибо евреямъ надлежитъ непрестанно показывать Иисуса Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ; а Магомета ничто не можетъ столь сильно поражать и низлагать, какъ сама Библия, которую онъ искажилъ въ Алкоранѣ. Но Алкоранъ уже не однократно изданъ у насъ на русскомъ нарѣчій: почто же не спѣшимъ противопоставить ему Святую Библию на живомъ языкѣ народа. весьма знакомомъ для многихъ между русскими магометанами и евреями?“²⁾

При горячемъ отстаиваніи необходимости перевода Ветхаго Завета на русскій языкъ съ еврейскаго, Макарію пришлось, конечно, разобрать и опровергнуть все ходячія тогда возраженія. Сущность послѣдующихъ и главнѣйшихъ заключалась въ слѣдующемъ. 1) Сомни-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 135.

²⁾ Тамъ же . . . 138.

тельна, возражали, не поврежденность еврейской Библии послѣ пришествія Христа Спасителя, и не лучше-ли издать переводъ Ветхаго Завѣта съ греческаго, освященнаго Евангелистами и Апостолами, чѣмъ съ еврейскаго. 2) Довольно и того, что Новый Завѣтъ и Псалтирь переведены на русскій языкъ. 3) Предки наши спасались съ одной славянской Библией. 4) Наконецъ.—самъ народъ русскій еще не созрѣлъ для чтенія Библии.

1) „Но, отвѣчалъ Макарій, Евангелисты и Апостолы, пользуясь переводомъ LXX, какъ общераспространеннымъ и общеизвѣстнымъ, никогда однако не изрѣкали отверженія на еврейскую Библию и не порицали евреевъ, какъ Христосъ Спаситель, за искаженіе слова Божія. Также и святые отцы церкви, знакомые съ языкомъ и Библиею евреевъ, не порицали ея, а пользовались и пользовали ею всю Церковь. Во вторыхъ, если-бы евреи и дѣйствительно успѣли потомъ исказить Библию, по ненависти къ христіанамъ, то исказили-бы пророчества о Мессіи, но сіи пророчества пребыли цѣлыми. „Еврей во всемъ, думаетъ Макарій, можетъ быть изъ корысти низокъ, двоедушенъ, безчестенъ; въ одной Библии характеръ евреевъ является въ поразительномъ блескѣ, безкорыстнѣйшей честности, благородства и правоты постояннѣйшей и для всего человѣчества благотворнѣйшей. Но если греческій переводъ ветхозавѣтной Библии освященъ употребленіемъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта, а славянская Библия переведена съ Греческой, то какая выгода читать Библию Ветхаго Завѣта на еврейскомъ языкѣ,

или какая польза отъ перевода сихъ книгъ на Россійское нарѣчіе съ оригинала? Великая во всѣхъ отношеніяхъ, а наипаче въ томъ, что Духъ Святый, первоначально ввѣрившій еврейскому языку Слово Божіе, посредствомъ сего же языка ввѣритъ и русскому нарѣчію Слово Божіе, такою же мѣрою свѣтлости и вразумительности, какое оно усвоено еврейскому“¹⁾.

2) Считать достаточнымъ для народа переводъ на русскій языкъ Новаго Завѣта и Псалтири, по мнѣнію о. архимандрита вполне безразсудно. „Мы-ли, рѣзко и справедливо замѣчаетъ онъ, создали Церковь? Мы-ли создали самихъ себя? Мы не можемъ и о себѣ сказать по утру, что для насъ къ вечеру будетъ необходимо: откуда же получили такую мѣру, которою опредѣляемъ потребности соборной Церкви?... Знаете-ли всѣ лица въ Россійскомъ народѣ? Знаете-ли исторіи сердца, характеръ, вкусъ, особенное назначеніе, слабости каждаго человѣка?... Можетъ быть, по состоянію вашей души, для васъ необходимо сегодня читать книгу Дѣяній Апостольскихъ, а для другаго книгу Экклезіаста. Но, можетъ быть, завтра и въ васъ произойдетъ измѣненіе, такъ что вы пожелаете читать книгу Премудрости... Словомъ, ни вы, ни я, никто изъ человѣковъ, даже ни одинъ ангелъ не можетъ знать всѣхъ нуждъ и потребностей Церкви,—а Господь единъ, ея Глава; Онъ все объѣмлетъ Своею вездѣсущею и всевѣдущею любовію, и даетъ всякой плоти пищу въ полнотѣ Библии, мѣрою, числомъ и вѣсомъ, опредѣляемыми Его премудро-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 130; сравни Прибавленія къ Твореніямъ святыхъ отцевъ 1861 годъ, часть XX, стр. 301.

стію. Когда же Господь даровалъ нашей Церкви полную Библию; а нынѣ желанія многихъ сыновъ и дщерей ея благословилъ Новымъ Заветомъ, Псалмами, книгою Бытія на російскомъ языкѣ; то хотя мы съ вами и отклоняли-бы отъ себя всещедрую десницу Его, Церковь съ благодарностію расширяетъ уста желанія Ему благоуднаго, да наполнитъ оныя полнотою Своего благодатнаго слова и на російскомъ языкѣ“¹⁾.

3) То-же обстоятельство, что святые предки наши спасались съ одной славянской Библией, также по мнѣнію Макарія, не говоритъ противъ необходимости перевода Библии на русскій языкъ. „Развѣ не возможемъ мы спастись, когда будемъ держаться въ простотѣ сердца и Славянской Библии, и російской, и еллинской, и еврейской?..... Святые предки наши также пользовались языкомъ славянскимъ, какъ нынѣ російскимъ многіе милліоны потомковъ ихъ. Они сдѣлали что могли и что должны были сдѣлать для водворенія слова Божія въ юной Церкви своей, стяжавши Библию на славянскомъ языкѣ въ то время, когда російскій языкъ еще младенчествовалъ Теперь-же россияне отвыкли употреблять славянскій языкъ въ разговорахъ, въ сочиненіяхъ, въ помышленіяхъ.... Весьма многіе мало понимаютъ его въ Священной Библии и въ семь множества обрѣтаются даже многіе клирики.... Что теперь остается дѣлать. ... когда столь многіе въ благородномъ сословіи, не получивши въ дѣтствѣ способности и охоты читать и разумѣть церковныя книги на славянскомъ

¹⁾ Прибавленіе къ Твореніямъ святыхъ отцевъ 1861 годъ, часть XX, стр. 305—308.

языкъ, съ симъ недостаткомъ на всю жизнь остаются, и если обрѣтають въ сердцѣ своемъ желаніе питаться словомъ Божиимъ, то ищутъ пособія въ иностранныхъ языкахъ, и видя, что тоже слово Божіе, которое для нихъ казалось столь темнымъ въ Славянской Библии, въ англійской и нѣмецкой свѣтло и просвѣтительно, въ утѣшеніяхъ признательности такъ далеко уходятъ за черту благоразумія, что хлалѣють въ любви къ російской Церкви, и были примѣры, что таковые являлись въ открытомъ союзѣ съ иною Церковью, не столь чистою въ исповѣданіи, какъ російская“?...¹⁾ Перевести Библию на русскій языкъ.

4) Не къ чему также, по Макарію, даромъ страшать себя опасеніемъ, что російскій народъ еще не созрѣлъ для пониманія Библии. „Когда языкъ созрѣлъ, то и народъ созрѣлъ.... И если (созрѣвшій) російскій языкъ, въ прелестныхъ произведеніяхъ мірской словесности, служащей орудіемъ грѣха и неправды, заражаетъ все тѣло общественное, и воспалаетъ кругъ жизни народной, то позвольте Христовой Церкви уготовить и преподать народу противоядіе—полную Библию на російскомъ языкѣ, дабы онъ обратился въ орудіе правды, и самъ, освятившись молитвою и словомъ Божиимъ, служилъ бы къ освященію и истинному просвѣщенію народа словомъ Божиимъ и молитвою“²⁾.

Потерпѣвъ полную неудачу съ большими огорченіями въ неоднократныхъ ходатайствахъ своихъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ и Государемъ Императоромъ

¹⁾ Прибавленіе къ Твореніямъ святыхъ отцевъ 1861 годъ, часть XX, стр. 309—310.

²⁾ Тамъ же, стр. 315.

объ изданіи полной Библии на русскомъ языкѣ, неутомимый борецъ просвѣщенія попытался было издать «извлеченія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета» подъ названіемъ „Алфавитъ Библии“. Но и эта попытка, какъ мы знаемъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Только чрезъ 12 лѣтъ послѣ его смерти, въ „Православномъ Обзорѣнн“ 1860—1867 годы напечатаны слѣдующіе переводы безкорыстнаго труженника:—книгъ большихъ и малыхъ пророковъ, Юва, Пѣсни Пѣсней, Экклезіаста, Притчей Соломоновыхъ, Пятокнижія Моисеева, Судей Израилевыхъ, четырехъ книгъ Царствъ, книги Руоъ, первой и второй Паралипоменонъ, второй книги Эздры, книга Нееміи, Есѳири, первой и второй книгъ Маккавейскихъ.

Преслѣдуемый постоянно огорченіями и неудачами за переводческое дѣло, о. Макарій, не смотря на это, далъ всетаки сильный толчекъ скорому появленію Библии на русскомъ языкѣ. Его горячія настоянія, его убѣдительные и разительные доводы, его дѣятельность, направленная къ просвѣщенію народа словомъ Божиимъ, производили сильное впечатлѣніе и находили ему сочувствующихъ друзей. Онъ безбоязненно раскрывалъ глаза современникамъ указаніемъ на гибельное религиозное невѣжество русскаго народа и многихъ его пастырей; безстрашно отгнѣялъ это пагубное невѣжество просвѣщеніемъ западныхъ народовъ, къ Библии которыхъ, переведенной съ оригиналовъ на живой употребительный языкъ, простираютъ руки благородные классы русскаго общества, просвѣщеніемъ магометанъ, читающихъ Алкоранъ на русскомъ языкѣ. Тѣ-же воз-

раженія, какія выставлялись противъ перевода Библіи нерадѣніемъ и излишними опасеніями подозрительныхъ людей, рушились подъ его здоровой и прямой логикой. Убѣжденный въ правотѣ своихъ мыслей, о. архимандритъ смѣло писалъ Государю и Святѣйшему Синоду, запальчиво угрожалъ имъ гнѣвомъ Божиимъ за лишеніе народа слова Божія. Почтенный защитникъ перевода слишкомъ произвольно и смѣло приписалъ народныя бѣдствія, постигшія тогда Россію (наводненіе 1824 г., смерть Александра I-го, событія 1825 года, холеру 1830 года, пожаръ зимняго дворца и проч.) гнѣву Божию за не переводъ Библіи. Въ обществѣ всѣ изумлялись дерзости Макарія писать такія смѣлыя посланія къ Государю, да еще къ такому, каковъ былъ Императоръ Николай. Но это же самое заставляло смотрѣть на его дѣло, какъ на дѣйствительно стоящее вниманія. И едва только ослабѣли руки противниковъ перевода Библіи, какъ горячее желаніе Макарія стало осуществляться.

Но, къ сожалѣнію, при отстаиваніи необходимости перевода Библіи съ оригинала, чтобы слово Божіе въ русскомъ языкѣ имѣло такую-же свѣтлость и вразумительность, какую оно имѣетъ въ еврейскомъ, Макарій невольно вдался здѣсь въ излишнюю односторонность. Онъ держался только еврейскаго подлинника, не повѣряя и не дополняя его переводомъ LXX толковниковъ, принятомъ церковью. Оттого переводъ его вышелъ мѣстами не согласнымъ ни съ текстомъ LXX, ни съ общеупотребительной церковно-славянскою Библіей. Противъ этой несогласности Макарьевского перевода съ

освященными употребленіемъ Библиями возставали очень многіе, начиная съ Филарета, митрополита Московскаго. По сей то причинѣ и на горячія ходатайства Макарія объ изданіи его переводовъ смотрѣли какъ на мечтанія самообольщающагося выскочки, слѣпо и самонадѣянно разсчитывающаго на свою непогрѣшимость. „Не одинъ онъ, а многіе ученые въ наше время забываютъ, писалъ Стурдза въ 1847 году, что еррейскій текстъ, въ нынѣшнемъ его состояніи, предлагаетъ намъ враждебная синагога; что переводъ седмидесяти толковниковъ принять издревле вселенскою церковью, освященъ употребленіемъ и ссылками на оный святыхъ Евангелистовъ и Апостоловъ, и что по симъ причинамъ вѣрить безусловно еврейской Библии, не повѣряя ея свидѣтельствомъ греческой,—значило-бы предаваться слѣпо предубѣжденію опасному и одностороннему. А свѣрять и соображать каждое слово, каждое выраженіе священныхъ и богудухновенныхъ писаній, такъ чтобы не утратить въ нихъ *іоты и черты единыя*—такой подвигъ не по силамъ самыхъ ученыхъ въ частности людей; онъ исключительно принадлежитъ Святой Православной Церкви и можетъ быть только зрѣлымъ плодомъ ея попеченій и молитвъ“.¹⁾ Не смотря однако на этотъ недостатокъ, переводъ Макарія, по своей точности и вѣрной передачѣ еврейскаго подлинника, служилъ очень важнымъ пособіемъ при переводѣ и изданіи Библии на русскомъ языкѣ по благословенію Святѣйшаго Синода.

¹⁾ „Странникъ“ 1860 годъ. Апрѣль.

Столь неутомимо и безбоязненно пробуждая и призывая „взявшихъ ключъ разумѣнія“ къ религіозному просвѣщенію русскихъ и подданныхъ инородцевъ, Макарій самъ въ себѣ проявилъ примѣръ рѣдкостнаго народнаго учителя. Служеніе ближнимъ было потребностію его души. „Я примѣчаю, пишетъ онъ, что самъ безутѣшенъ бываю, когда другимъ не творю утѣшенія, и что тѣ—мои благодѣтели приснопамятные, которымъ Промыслъ Божій повелѣваетъ мнѣ прислужиться какимъ нибудь образомъ. ¹⁾ Какъ человекъ глубоко убежденный и истинно вѣрующій, онъ не могъ равнодушно относиться къ религіозному невѣжеству, гдѣ-бы и какъ-бы оно ни проявлялось. Душа его такъ и рвалась разогнать тьму невѣжества просвѣтительнымъ свѣтомъ Христовымъ, и не было для него ничего пріятнѣе, какъ говорить о Божественномъ, видя слушающихъ съ охотою. „Нигдѣ въ Казани, читаемъ въ его письмахъ, не было такъ легко и свободно говорить о Божественномъ, какъ въ домѣ Лип—выхъ, преданныхъ Господу Іисусу Христу и святой Церкви Его. Изливая душу мою въ кругу сего семейства благословеннаго, я забывался и, можетъ быть, утомлялъ собесѣдниковъ многословіемъ; а для меня чѣмъ болѣе распространялось сердце, тѣмъ болѣе сокращалось время, и часы мчались быстрымъ полетомъ.“ ²⁾ Въ борьбѣ съ невѣжествомъ онъ забывалъ про свои болѣзни, стараясь просвѣтить несчастнаго. Его сильно огорчало равнодушіе современныхъ приходскихъ пастырей къ

¹⁾ Письма архимандрита Макарія, часть I, стр. 42.

²⁾ Письма архимандрита Макарія, часть II, стр. 40.

народному просвѣщенію. „Зачѣмъ мы, духовные пастыри, скорбѣлъ онъ, такъ не радимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ ввѣренныхъ? Зачѣмъ не сближаемся съ ними, какъ отцы съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ дома для бесѣды, не учимъ ихъ на площадяхъ и на улицахъ, на поляхъ и лугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ молитвы Господней, не переведемъ для нихъ по русски слова Божіи“? ¹⁾ Будучи самъ глубоко ученымъ и образованнымъ человѣкомъ, о. Макарій любилъ учить и бесѣдовать просто и съ простыми людьми. Простая, искренняя и сердечная бесѣда съ простымъ человѣкомъ была всегда пріятна для него. — такую бесѣду онъ называлъ обыкновенно „сладостнѣйшею для сердца“.

Самъ опытный въ духовной жизни, внимательно слѣдившій за каждымъ своимъ душевнымъ движеніемъ и помысломъ, онъ своей бесѣдой умѣлъ каждого вводить въ тайники его души. Глубокое пониманіе сокровенныхъ движеній сердечныхъ являло въ немъ *прозорливость человека Божія*. Отъ того-то онъ и былъ столь мудрымъ наставникомъ и опытнымъ руководителемъ въ христіанской жизни всѣхъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ въ самыхъ разнообразныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Благодаря своей прозорливости, онъ всегда попадалъ какъ разъ въ больное мѣсто сердца, и рѣдкое слово его не отдавалось въ слушателяхъ слезами умиленія и неудержимымъ вздохомъ. „Къ нему идешь, говорить очевидецъ, чуть не святымъ и многознающимъ, а послушаешь его, такъ выйдешь съ глубо-

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 201.

кимъ сознаниємъ своего невѣжества въ дѣлѣ спасенія и съ смиреннымъ чувствомъ своей грѣховности¹⁾ И дѣйствительно:—почитайте проповѣди Макарія, прочитайте его „Лепту“—сборникъ чудныхъ стихотвореній, просмотрите со вниманіемъ его письма, которыя суть ни что иное, какъ глубоко назидательныя проповѣди, и вы представите себѣ, почему такъ говорилъ очевидецъ. Вамъ вполне понятенъ станетъ и постоянный призывъ архимандритомъ каждаго къ самоуглубленію, къ безпристрастному заглядыванію въ „зеркало своей совѣсти“, къ сдержанности въ словахъ и поведеніи, къ внутреннему духовному обновленію. Въ „Словахъ“, „Лептѣ“, „Письмахъ“ и „Запискахъ“ Макарія—интересный и поучительный сборникъ совѣтовъ, поученій, наставленій, касающихся житейскихъ обстоятельствъ, искушеній, неприятностей, огорченій. При такомъ глубокомъ и вѣрномъ пониманіи духовныхъ нуждъ и потребностей человѣка, при умѣннй подѣйствовать на чувствительную и отзывчивую струну, при умѣннй удовлетворять возбужденнымъ душевнымъ запросамъ, Макарій вліялъ на народъ не отразимо благотѣльно. Вспомнишь, какъ училъ онъ задушевно молиться въ церкви, какъ врачевалъ застарѣлыя грѣховныя раны, какъ училъ христіанскому обхожденію между собою и съ дѣтьми, какъ словомъ увѣщанія побудилъ на Алтаѣ Сайдыпскихъ казачекъ оставить мірскія пѣсни и замѣнить ихъ пѣніемъ кантъ изъ „Лепты“, а Пасху провести въ изученіи грамоты, какъ въ Волховѣ уничтожилъ вредный полуязыческій обычай между дѣвицами и т. д. Кто

¹⁾ Матеріалы для біографіи архимандрита Макарія, стр. 206.

знаеть, сколько, благодаря своему народному учительству, Макарий отеръ слезъ угнетеннымъ бѣдностію, скорбями; сколько предупредилъ преступленій, положивъ въ озлобленныхъ и нравственно слабыхъ зачатки новой жизни; сколько отцовъ и матерей научилъ гуманному обхожденію съ дѣтьми; сколько дѣтей обязано ему своей грамотностію и религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ.....

Не даромъ такъ горько оплакивалась потеря любимого наставника въ надгробномъ словѣ протоіерея Дмитрія Семеновича Попова. Потерю его почувствовали и въ высшихъ сферахъ нашей Церкви. Въ отчетѣ обер-прокурора за 1847 годъ читаемъ: „между совершившими земное поприще надлежитъ упомянуть объ архимандритахъ и настоятеляхъ монастырей: Ставропигіальнаго Ростовскаго, Яковлевскаго, Дмитріева—Инокентіѣ и Болховскаго Троицкаго—Макаріѣ, которые по своему духовному просвѣщенію и высокой внутренней жизни стяжали особенно всеобщее уваженіе, посвятивъ всѣ дни свои назиданію, утѣшенію и утвержденію народа въ благочестіи“.

Литература объ архимандритѣ Макаріѣ.

I. Труды архимандрита Макарія:

1) Переводы съ Еврейскаго языка на Русскій Священныхъ Ветхозавѣтныхъ книгъ:—большихъ и малыхъ пророковъ, Иова, Пѣсни Пѣсней, Экклезиаста, Притчей Соломоновыхъ, Пятокнижия Моисеева, Судей Израилевыхъ, 4 книгъ Царствъ, книги Руоѣ, первой и второй Паралипоменонъ, второй книги Эздры, книги Нееми, Есѳири, первой и второй книгъ Маккавейскихъ.

Въ „Православномъ Обзорѣнн“ 1860—1867 годовъ. Есть и отдѣльное изданіе. Москва 1863 и 1868 г.

2) Письма покойнаго миссіонера архимандрита Макарія, бывшаго начальникомъ Алтайской духовной миссіи.

Изданіе первое, книжка первая. Москва 1851 года. [Университетская типографія].—Изданіе второе. Москва 1860 года. Части I и II. Типографія Готье.

3) Письма архимандрита Макарія къ Ѳ. А. Голубинскому.

„Душеполезное Чтеніе“ 1890 годъ, часть III; 1891 годъ части I и II; 1892 годъ, часть III.

4) 6 не изданныхъ писемъ о. Макарія къ брату его о. Алексію Глухареву.

Въ библиотекѣ Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, архіепископа Казанскаго.

5) Полныя записки архимандрита Макарія, перваго Алтайскаго миссіонера, съ Августа 1830 года по 1833 годъ. Рукопись 68 листовъ.

Отрывки изъ этихъ записокъ напечатаны въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1834 г. части II и IV; 1836 года части I, III и IV. 1837 г., ч. II 1838 г., ч. III.

Затѣмъ отсюда перепечатаны съ незначительными пропусками А. С. Стурдзой въ „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ“. Москва. 1857 г.

6) „Алфавитъ Библии“—рукопись, хранящаяся въ Синодальномъ архивѣ.

7) Оглашеніе алтайцевъ, составленное архимандритомъ Макаріемъ.

„Миссіонеръ“ 1875 года.

8) „Лента“ (собраніе духовно-нравственныхъ пѣснопѣній) архимандрита Макарія.

Війскъ 1890 года. Изданіе четвертое.

9) „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія“—рукопись, находящаяся въ Московской Епархіальной библиотекѣ.

10) Письмо архимандрита Макарія къ митрополиту Филарету отъ 23 Марта 1834 года о потребности для Россійской Церкви переложенія всей Библии съ оригинальныхъ языковъ на современный Русскій языкъ.

Прибавленія къ Твореніямъ Святыхъ отцевъ 1861 году, часть XX.

11) Представленіе начальника церковной Алтайской миссіи архимандрита Макарія Святѣйшему Синоду о необходимости перевода Библии на Русскій языкъ.

„Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ“ 1862 г. книга 3.

12) Два письма архимандрита Макарія Императору Николаю Павловичу.

Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости 1880 годъ.

13) „Мысли архимандрита Макарія о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанства между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ“—громадная рукопись, находящаяся въ библиотекѣ Московской духовной академіи, въ отдѣлѣ рукописей, по каталогу Горскаго № 8.

Выдержки изъ этой рукописи помѣщены г. Комаровымъ въ „Миссіонеръ“ 1874, 1875 и 1878 г.г.

14) Нѣсколько словъ архимандрита Макарія, бывшаго начальникомъ Алтайской духовной миссіи.

Москва 1854 годъ.

15) Жизнеописание Иова, архиепископа Екатеринославскаго, изданное отъ имени Дим. Мизько.

16) Молитва архимандрита Макарія.

„Душеполезное чтение“ 1863 г. часть II, стр. 327—328.

II. Статьи и замѣтки другихъ лицъ объ архимандритѣ Макаріѣ.

17) „Нѣкоторыя свѣдѣнія объ учрежденіи Алтайской духовной миссіи и объ ея основателѣ о. архимандритѣ Макаріѣ“—Протоіерея Стефана Ландышева.

„Миссіонеръ“ 1877 годъ

18) „Архимандритъ Макарій, начальникъ и основатель Алтайской духовной миссіи“ Д. А. Молчанова.

„Миссіонеръ“ 1879 г.

19) „Матеріалы для біографіи основателя Алтайской духовной миссіи архимандрита Макарія“. Д. Д. Филимонова.

„Православное Обзорніе“ 1887 и 1888 г.г. Есть и отдѣльное изданіе. Москва 1888 г.

20) „Очеркъ состоянія Алтайской духовной миссіи съ 1830—1844 г.“, составленный о. В. Вербицкимъ по поводу 50 лѣтняго юбилея миссіи.

„Памятная книжка Томской губерніи“ за 1885 г.

21) „Макарій, основатель Алтайской миссіи, по бумагамъ Ѳ. А. Голубинскаго“ Дмитрія Голубинскаго.

„Душеполезное Чтеніе“ 1890 г. часть III; 1891 г. части I и II; 1892 года.

22) „Переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ Еврейскаго языка на Русскій архимандрита Макарія“.

Изъ статьи П. Чистовича „Исторія перевода Библии на Русскій языкъ“. „Христіанское Чтеніе“ 1872 г. часть III.

23) „Архимандритъ Макарій, подвижникъ и благовѣстникъ слова Христова“. В. Акимова.

„Русскій Паломникъ“ 1888 г.

24) „Архимандритъ Макарій, Алтайскій миссіонеръ“ съ портретомъ его. Протоіерея Евѣимія Остромысленскаго.

„Страницки“ 1860 г. Январь.

25) „Архимандритъ Макарій, подвижникъ и благовѣстникъ слова Христова“. А. С. Стурдзы.

„Странникъ“ 1860 г. Апрель.

26) а) „Архимандритъ Макарій, начальникъ Алтайской церковной мисси“. Священника Алексѣя Лаврова.

б) „Еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ о. архимандритѣ Макаріѣ, первомъ Алтайскомъ миссіонерѣ“. Протоіерея Евѣимія Остромысленскаго.

„Странникъ“ 1860 г. Августъ.

27) „Воспоминаніе о покойномъ отцѣ архимандритѣ Макаріѣ Глухаревѣ, миссіонерѣ Алтайскомъ“. Протоіерея Іоанна Герболинскаго.

„Странникъ“ 1861 г. Май.

28) „Письмо къ редактору „Странникъ“ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни о. архимандрита Макарія, основателя Алтайской мисси, по перепискѣ его съ Е. М. З“. Странника А. Герасима.

„Странникъ“ 1861 г. Апрель.

29) „Одинъ случай изъ жизни о. архимандрита Макарія, Алтайскаго миссіонера“. Священника А. Лаврова.

„Странникъ“ 1862 г. Февраль.

30) „Случай изъ жизни архимандрита Макарія“. Священника Сулоцкаго.

„Странникъ“ 1862 г. Апрель.

31) а) „Воспоминаніе о Болховскомъ архимандритѣ Макаріѣ, бывшемъ учредителѣ Алтайской мисси“. В. Карнова.

Перепечатано въ „Странникъ“ 1875 г. № 12.

б) „Рѣчь при погребеніи о. Макарія, произнесенная Д. С. Поповымъ.

„Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“. 1868.

32) „Воспоминанія о первомъ Алтайскомъ миссіонерѣ, архимандритѣ Макаріѣ“. Протоіерея М. Путинцева.

„Душеполезное Чтеніе“ 1889 г. часть III.

33) „Изъ Алтайскихъ воспоминаній“. Протоіерея Путинцева.

„Душеполезное Чтеніе“ 1884 г. ч. I.

34) Архимандритъ Макарій, первый Алтайскій миссіонеръ“. Н. Комарова.

„Миссіонеръ“ 1874 г. №№ 1 и 4.

35) „Миссіонеръ—архимандритъ Макарій“. Изъ „Воспоминаній М. Д. Францевой“.

„Историческій Вѣстникъ“ 1888 г. Іюнь.

36) а) „Краткая записка о жизни и дѣятельности священно-архимандрита Макарія, основателя Алтайской Миссіи“.

б) „Воспоминаніе о священно-архимандритѣ Макаріѣ, основателѣ Алтайской Миссіи“, П. Бакуниной.

„Домашняя Бесѣда“ 1860 г.

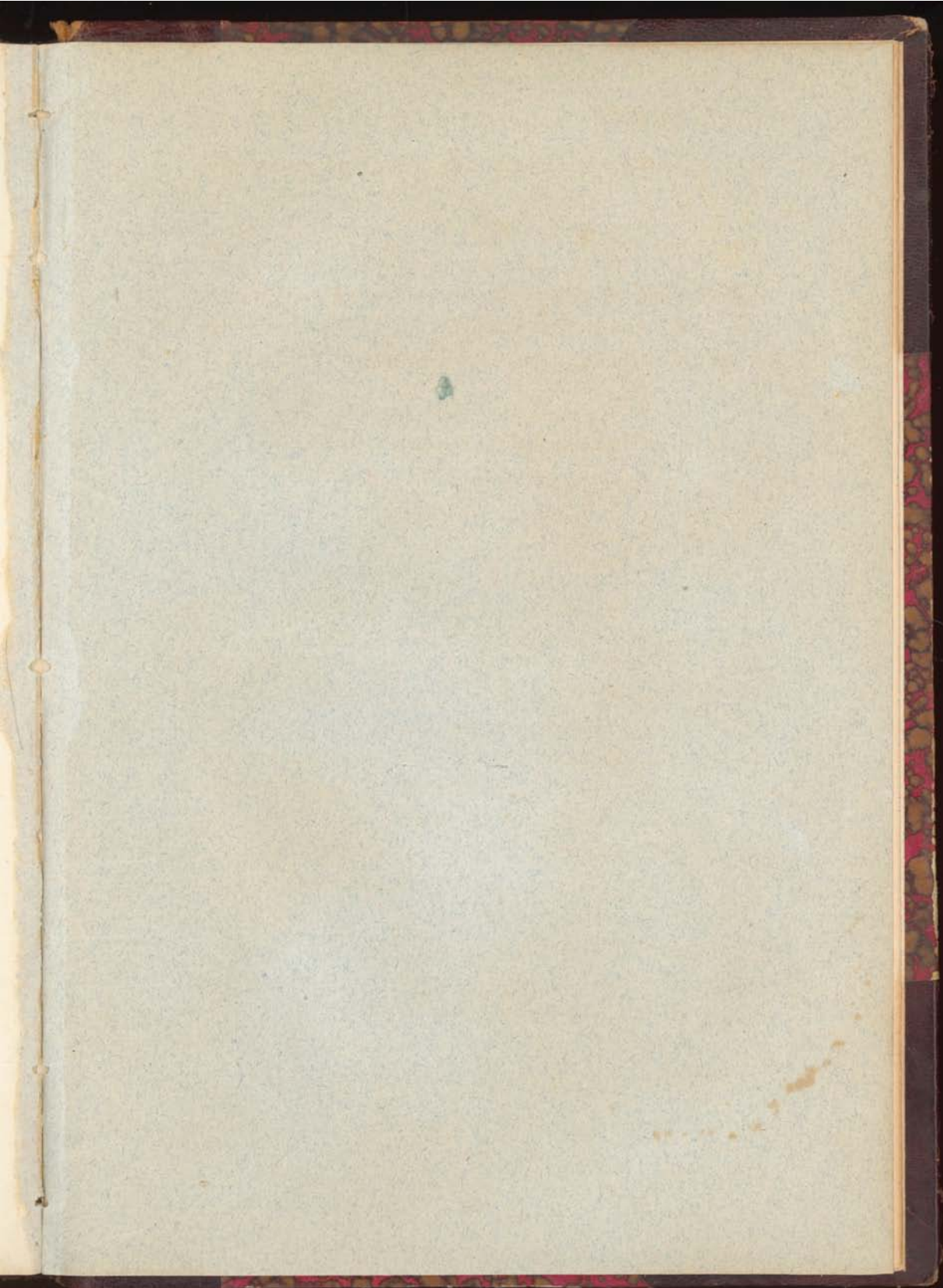
37) Изъ статьи П. Сумарокова „Миссіонерство въ Сибири“. стр. 124—136.

„Христіанское Чтеніе“ 1884 г. часть I.

38) Письма Филарета, митрополита Московскаго къ Алтайскому миссіонеру архимандриту Макарію.

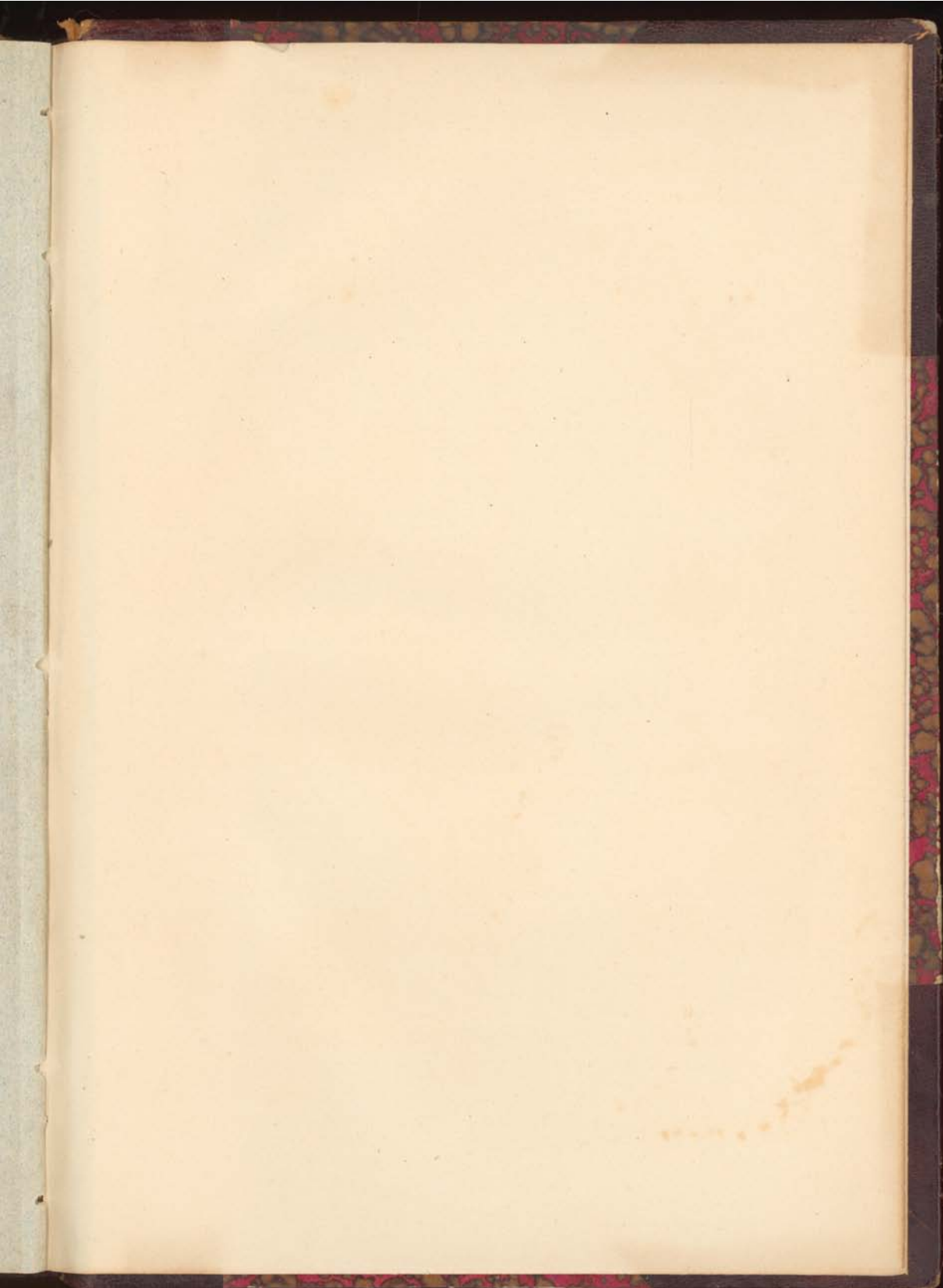
Въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1872 г. и въ „Письмахъ Филарета, митрополита Московскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ“, изданныхъ Саввою, архіепископомъ Тверскимъ. ч. I, стр. 105—137.

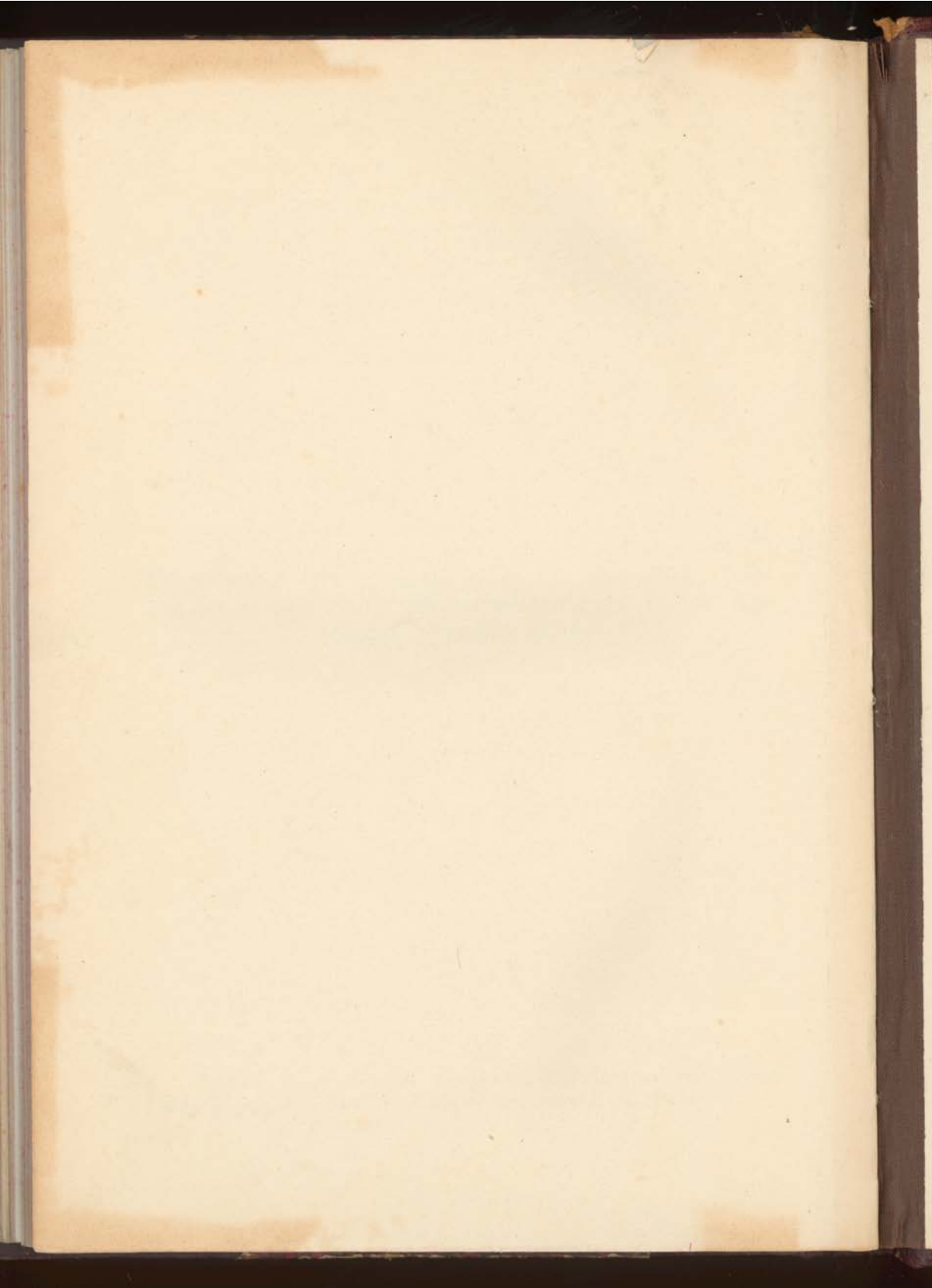
39) Есть, наконецъ, нѣсколько замѣчаній объ архимандритѣ Макаріѣ въ сочиненіяхъ архимандрита Сергія (Василевскаго) „Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій“, т. II.

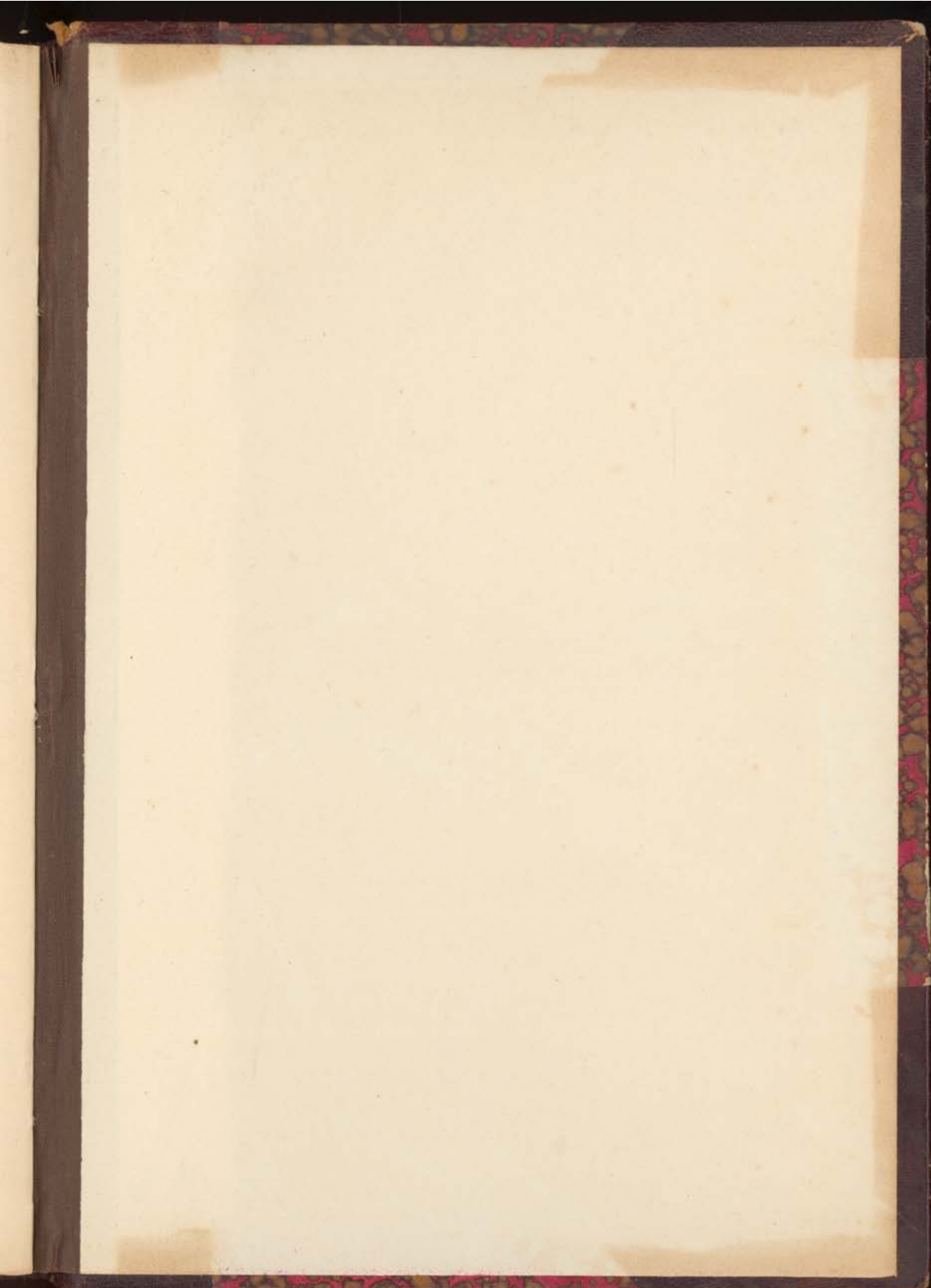

(Вырученная отъ продажи сумма, за покрытіемъ расходовъ по печатанію, предназначается въ пользу Алтайской духовной миссіи).

Адресъ: Въ г. Бійскъ, въ канцелярію Начальника миссій Томской епархіи, или въ книжный магазинъ И. Д. Реврова.

ГПБ Русский фс

20.90.4.15